

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 3 (65) 2023

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-3>

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Шабельникова Н.А., Усов А.В.** Душаномада: к юбилею академика А.П. Деревянко.....5
Грищенко В.А. Поздний неолит Сахалина в свете изучения археологических комплексов на севере острова.....12
Сем Т.Ю. Мифологические и ритуальные сюжеты в современном орнаменте амурских нанайцев.....33

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Конончук Д.В., Котова Д.Д.** «Цзичжа знакомится с [чжоуской] музыкой»: предисловие к переводу.....52
«Цзичжа знакомится с [чжоуской] музыкой». Перевод и комментарии Д.В. Конончука и Д.Д. Котовой.....58
Мамаева Н.Л. К вопросу о роли Чжоу Эньлая в формировании политики единого фронта в Китае
в 1930-х - первой половине 1940-х гг.63

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Юрганова И.И.** Ясачная политика и крещение «инородцев» в Восточной Сибири.....72
Позняк Т.З. Празднование пятой годовщины Октябрьской революции в ДВР:
советские практики партийного руководства в буферном государстве.....82
Головнев И.А. Дальний Восток в кинодокументах А.З. Кушешвили.....94
Юдина Т.В. Сельские жители области в период Сталинградской битвы.....104

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Прохоров А.И.** Метафизические основания педагогической практики И.Г. Шварца.....110
Климова С.М. Н.Н. Страхов как посредник между Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским.....117
Щедрина И.О. Идентичность в цифровом пространстве:
нарратив между когнитивным и экзистенциальным.....124

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, декан факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
профессор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Р.Ю. ФЕДОРОВ	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 15.09.2023. Дата выхода в свет 30.09.2023
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 15,44. Тираж 30 экз.
Заказ 260. Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: +7 (423) 256-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес учредителя и издателя:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Отпечатано в типографии Издательства ДВФУ
690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 3 (65) 2023

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-3>

TABLE OF CONTENTS

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- Shabelnikova N.A., Usov A.V.** The soul of a nomad: on the anniversary of academician Anatoly P. Derevyanko.....5
- Grishchenko V.A.** Late Neolithic of Sakhalin in the light of studying the archaeological sites
in the northern part of the island.....12
- Sem T.Yu.** The reflections of mythology and rituals in the modern ornaments of the Amur Nanais.....33

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Kononchuk D.V., Kotova D.D.** «Prince Jizha meets the music [of Zhou]»: translators' foreword.....52
- «**Prince Jizha meets the music [of Zhou]**». Translation and comments by Dmitriy Kononchuk and Diana Kotova.....58
- Mamaeva N.L.** Towards the issue of Zhou Enlai's role in the formation of the Second United Front policy in China.....63

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Yurganova I.I.** Tax policy and the baptism of non-Russian population in Eastern Siberia.....72
- Poznyak T.Z.** The celebration of the fifth anniversary of the October Revolution in the Far Eastern Republic:
Soviet practices of party leadership in a buffer state.....82
- Golovnev I.A.** Soviet Far East in the films of Alexey Kusheshvili.....94
- Yudina T.V.** Rural population of Stalingrad Oblast during the Battle of Stalingrad.....104

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Prokhorov A.I.** Metaphysical foundations of Johann Georg Schwarz's pedagogical practice.....110
- Klimova S.M.** Nikolay Strakhov as a mediator between Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky.....117
- Shchedrina I.O.** Identity in the digital space: narrative between the cognitive and the existential.....124

EDITOR-IN-CHIEF

Felix E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), dean of the Faculty of Humanities,
HSE University (Moscow), professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ROMAN Yu. FEDOROV	Doctor of Sc. (History), Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:

F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922

Tel.: +7 (423) 256-24-24 (ext. 2413)

E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:

DVFU: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/

E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-3/5-11>

Н.А. Шабельникова, А.В. Усов*

ДУША НОМАДА: К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА А.П. ДЕРЕВЯНКО

Nataliya A. Shabelnikova, Alexey V. Usov

THE SOUL OF A NOMAD: ON THE ANNIVERSARY
OF ACADEMICIAN ANATOLY P. DEREVYANKO

Анатолий Пантелеевич Деревянко – выдающийся отечественный ученый в области археологии и древней истории, крупный специалист по проблемам палеолита Азии и Америки, первоначального заселения человеком Евро-Азиатского субконтинента, хроностратиграфии и корреляции палеолитических культур в аридных зонах Евразии, реконструкции древней истории Приамурья и Дальнего Востока от эпохи палеолита до раннего Средневековья, а также непререкаемый участник междисциплинарных исследований древнейших стоянок в Центральной, Северной и Средней Азии, на Кавказе. Ученым открыты и исследованы сотни археологических памятников на территории Северной, Центральной и Юго-Восточной Азии, а также Юго-Западной и Восточной Европы.

Анатолий Пантелеевич – не только талантливый ученый, но и крупный организатор гуманитарной науки в России. Длительное время он был академиком-секретарем Отделения историко-филологических наук (ОИФН) РАН, членом Президиума Российской академии наук. В настоящее время возглавляет Объединенный ученый совет по гуманитарным наукам Сибирского отделения РАН, является научным руко-

водителем Института археологии и этнографии СО РАН, членом бюро Президиума Сибирского отделения РАН и членом Научно-координационного совета при Федеральном агентстве научных организаций России, сопредседателем Российского исторического общества, главным редактором журнала «Археология, этнография и антропология Евразии», членом редколлегии журнала «Вестник Российской академии наук».

Примечательно, что насыщенную открытиями и научными свершениями судьбу будущего академика в какой-то степени определил его величество случай.

Анатолий родился 9 января 1943 г. в селе Козьмодемьяновка Тамбовского района Амурской области. Сказать, что его родители, Пантелей Алексеевич и Евдокия Семеновна, прожили трудную жизнь, значит сказать очень мало. В 1918 г. шестилетний Пантелей остался сиротой и два года жил милостыней, будучи поводырем слепого старца. Однажды, когда они заходили в какую-то деревню, старец упал и умер прямо на дороге. В мешочке у него нашлись документы на фамилию Деревянко, которую и присвоили Пантелею. После этого он 12 лет батрачил, а в 1932 г. вступил в колхоз.

* ШАБЕЛЬНИКОВА Наталья Алексеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: nhistorik@mail.ru

УСОВ Алексей Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: epronhist@ya.ru

© Шабельникова Н.А., Усов А.В., 2023

Пантелей Алексеевич и Евдокия Семеновна Деревянко
с сыновьями (слева направо) – Борисом, Анатолием и Алексеем

Евдокия Семеновна происходила из семьи середняков, ее отец погиб в 1937 г. У старших Деревянко все образование состояло из полтора классов церковно-приходской школы на двоих. Однако трое их сыновей не только получили высшее образование, но и многого достигли. Старший, Борис, стал инженером и организатором крупного производства; средний, Алексей – профессором, доктором исторических наук, заслуженным деятелем науки Российской Федерации; младший, Анатолий – академиком РАН, выдающимся отечественным ученым в области археологии и древней истории.

Анатолий Пантелеевич рано научился читать и писать, с детства чтение книг было для него любимым занятием. Позже он высоко оценил чтение как искусство. Сам он довел его до совершенства. Склонность к гуманитарным наукам, особенно к истории, проявилась у него еще в школе. После окончания средней школы А.П. Деревянко поступил на историко-филологический факультет Благовещенского педагогического института с намерением посвятить себя истории или журналистике. Знакомство с академиком А.П. Окладниковым навсегда изменило судьбу Анатолия Пантелеевича.

«Мое знакомство с А.П. Окладниковым состоялось в 1961 г., – вспоминает Анатолий Пантелеевич. – Алексей Павлович расспрашивал нас, хорошо ли мы знаем область, где удалось побывать, чем интересуемся. Для нас это была первая в жизни встреча с известным ученым, о котором среди студентов ходили легенды. Но он умел так заинтересованно слушать своих собеседников, был таким доброжелательным и простым в обращении, что наша робость улетучилась сама собой, и вскоре мы уже на равных участвовали в обсуждении дальнейших планов экспедиционных работ». Именно эта экспедиция стала переломным этапом в жизни молодого человека, определила его дальнейшую жизнь. Археология приворожила его навсегда еще первым экспедиционным утром. Звенящая тишина, необыкновенной красоты рассвет, городище раннего Средневековья, история, полная тайн и загадок, которые предстоит разгадать... Все последующие годы жизни Анатолия Пантелеевича были связаны с экспедицией А.П. Окладникова.

В 1965 г. А.П. Деревянко защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древние культуры Среднего Амура (каменный век)», а в 1967 г. – докторскую на тему «Приамурье в древности

А.П. Деревянко с А.П. Окладниковым в разведочном маршруте на Дальнем Востоке. 1965 г.

(до начала нашей эры)». Он стал доктором наук в 28 лет!

Несколько важных событий в жизни Анатолия Пантелеевича произошло в 1974 г.: он был удостоен звания профессора, вошел в состав первой совместной советско-американской археологической экспедиции на Аляске и Алеутских островах, организованной академиком А.П. Окладниковым и профессором Б. Лафлинном, возглавил Совет молодых ученых при ЦК ВЛКСМ. Вскоре его избирают кандидатом в члены Бюро, а весной 1976 г. – секретарем ЦК ВЛКСМ.

После создания А.П. Окладниковым Института истории, филологии и философии (ИИФФ) Сибирского отделения АН СССР Анатолий Пантелеевич прошел путь в этом учреждении от младшего научного сотрудника до заместителя директора по научной работе. С 1983 г. руководил ИИФФ (с 1991 г. – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН), с 2015 г. по настоящее время является его научным руководителем. После избрания академиком-секретарем ОИФН РАН он осуществлял координацию научной деятельности всех институтов историко-филологического профиля России. В 1987 г. Деревянко избирается действительным

членом Академии наук СССР. С 1992 по 2002 гг. он входил в состав Государственного экспертного совета при Президенте РФ по особо ценным объектам культурного наследия народов России. В 2002–2013 гг. избирался академиком-секретарем ОИФН РАН. С 2012 г. и по настоящее время является сопредседателем Российского исторического общества.

Первые солидные работы Деревянко поражают широтой тематики, охватывая целый спектр культур от палеолита до эпохи Средневековья, причем не только Приамурья, но и Дальнего Востока, Монголии, Забайкалья, Курил.

В 1983 г. Анатолий Пантелеевич выбирает для института два приоритетных научных направления: изучение проблемы первоначального заселения человеком Северной, Центральной и Восточной Азии и комплексное широкомасштабное исследование алтайских пещерных стоянок. Активная реализация этих проектов велась преимущественно в трех регионах Азии: Приамурье, Горном Алтае (уникальные местонахождения) и Монголии (открыты памятники поистине мирового значения). «Я не могу не работать в экспедициях, – говорит Анатолий Пантелеевич. – Во-первых, из профессиональных соображений (это одна из самых привле-

кательных граней работы). Во-вторых, в силу собственных особенностей, склада характера. Экспедиции мне необходимы по жизни. Институт покидать не боюсь – глубоко убежден в том, что хорош тот директор, который не нужен коллективу. Творческие люди не нуждаются в надсмотрщике, а если кто-то не вписывается в общий ритм, тот со временем уходит».

Можно ли подсчитать все километры, пройденные неутомимым археологом? Сделать это достаточно сложно. Все зависит от специфики поля. Есть стационары, где много ходить не нужно, а все та же Монголия требует длительных пеших маршрутов. Там приходится преодолевать за день по 15–20 км, и никаких тебе персональных «Волг» с шоферами. Монголия – давняя и верная любовь академика Деревянко. Еще в 1966 г. советско-монгольская экспедиция

открыла памятники эпохи палеолита на реке Толе, раскопала неолитические поселения на реке Керулуне, открыла удивительное искусство племен бронзового века на востоке Монголии. Анатолий Пантелеевич вспоминает: «За границей меня очень часто спрашивают: “Какая страна вам больше всего нравится?” Когда я во Франции, ждут, очевидно, что отвечу “«Франция”, в Китае – “Китай”, в Японии – “Япония”... Но я всегда отвечаю честно, что после России – Монголия. Это удивительное какое-то чувство... Видимо, я номад от рождения, и душа у меня номада-кочевника. Сколько бы мы ни работали там – по 10–14 часов в сутки, изо дня в день, чувствую себя великолепно. 30–40 километров пройти по пустыне – не проблема. И никогда не скучно ехать по одному и тому же маршруту. Монголия великолепна сво-

Совместная экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН, Благовещенского государственного педагогического университета и Амурского государственного университета. Археологический памятник Громатуха, 2000 г.

ей суровостью и контрастностью. Средняя высота над уровнем моря 1400–1600 метров. Это накладывает неповторимый отпечаток на пейзаж. Даже отсутствие в центральной и южной части страны растительности для любящего глаза превращается в своеобразную игру: когда с пригорка смотришь на долину, небольшой какой-нибудь водопойчик, она кажется зеленой, а когда подъезжаешь поближе, то видишь, что травинка от травинки находится на расстоянии десятков сантиметров. Почему-то у меня это вызывает нежное умиление».

Институт ежегодно отправляет около 40 экспедиций в Сибирь, на Дальний Восток, в страны ближнего зарубежья. Добавим к этому совместные экспедиции с иностранными коллегами – немцами, американцами, корейцами... Найденные за границей экспонаты оформляются на вывоз, чтобы проводить исследования в Новосибирске. Обработанные материалы затем возвращаются обратно. В странах, которые не позволяют вывозить свои древности (например, Казахстан), сотрудникам института приходится систематизировать и описывать найденное прямо на месте. Зачем такие сложности? Исключительно из научного интереса. «Эти работы интересны прежде всего нам, – говорит Анатолий Пантелеевич, – пока не решена большая проблема путей древних миграций. Центральная Азия – очень обширная зона. Работая в одном районе, трудно представить всю картину, весь процесс, который там происходил. А непосредственные работы на местах позволяют реально реконструировать условия, культуру, динамику. Это, пожалуй, основная причина наших зарубежных экспедиций».

Директор института – это не только исследователь, но и организатор. И все перестроечные годы эта должность подразумевала поиск средств для выживания. Однако институт не просто выжил, но еще и «прибавил в весе» – совершаются новые и новые открытия, работает на отдельных площадях музеев, растет количество сотрудников. «Что такое организатор? – спрашивает Анатолий Пантелеевич. – Есть простая закономерность: высокий уровень работ позволяет получать деньги. Качество – один из основных критериев оценки. Финансирование, например, грантовое, связано с конечным результатом исследований. Да, на это приходится тратить много сил, но это необходимо. Директорство – моя обязанность. Нравится или не нравится, обязан работать хорошо». Ясно, что

А.П. Деревянко не самый типичный начальник. Кстати, у него в кабинете нет компьютера – все свои многочисленные труды он до сих пор пишет от руки, считая, что именно простая авторучка обеспечивает гармоничный перенос мысли на бумагу.

Расположенный в Новосибирске Институт археологии и этнографии СО РАН – ведущий археологический коллектив Евразии. Прекрасные научные результаты привлекают сюда иностранных коллег. Длительный период времени в институте постоянно находились стажеры, аспиранты, докторанты из-за рубежа. Журнал «Археология, этнография и антропология Евразии» начал выходить в 2000 г. и сразу же приобрел очень высокий рейтинг в кругах специалистов.

Значимое событие в профессиональной деятельности Анатолия Пантелеевича – открытие в Денисовой пещере на Алтае нового вида ископаемого человека, денисовца. Ученый разработал новую пространственно-временную версию путей первоначального заселения Азии, создал периодизацию, хронологию и динамику палеолита в регионе, открыл и исследовал десятки археологических объектов.

Научные разработки А.П. Деревянко, аккумулированные им в шести монографиях, оцениваются как открытия мирового уровня. Его исследования останков человека алтайского (*Homo altaiensis*), являвшегося вместе с неандертальцем и человеком разумным предком современного человека, проводившиеся при участии зарубежных специалистов, в том числе профессора С. Паабо, вошли в десятку наиболее значимых событий мировой науки в 2011 и 2012 гг. За эти достижения в 2012 г. Анатолий Пантелеевич был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий, а в 2015 г. – высшей награды РАН, Большой Золотой медали им. М.В. Ломоносова.

Анатолий Пантелеевич – не только ученый и крупный организатор науки, но и выдающийся педагог. С 1982 г. он был ректором и профессором Новосибирского государственного университета (ныне – Новосибирский национальный исследовательский государственный университет), с 1981 по 2018 гг. заведовал в нем кафедрой всеобщей истории, где сейчас трудится в качестве профессора. Под руководством А.П. Деревянко защищены 41 кандидатская и 14 докторских диссертаций. Многие его ученики стали докторами и кандидатами наук, успешно работают в научных центрах и университетах

А.П. Деревянко с президентом Российской Федерации В.В. Путиным на церемонии присуждения Государственной премии в области науки и технологий. Москва, 2012 г.

страны. Только в Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН трудились и трудятся академик РАН В.И. Молодин, член-корреспонденты РАН М.В. Шуньков, Н.В. Полосьмак, А.Н. Кривошапкин, доктора наук В.Е. Медведев, А.П. Соловьев, Ю.С. Худяков.

Впечатляет многочисленность его публикаций – более 100 монографий (из них свыше 35 персональных) и более 1200 научных статей. Свыше 250 статей и 30 монографий изданы на 14 иностранных языках. Трижды была издана научно-популярная книга Анатолия Пантелеевича «В поисках оленя Золотые рога» (первое издание – 1978 г.), посвященная жизни и творчеству его учителя – А.П. Окладникова.

Дальневосточник по рождению, Анатолий Пантелеевич свои пионерские исследования выполнил на Дальнем Востоке: «Новопетровская культура Среднего Амура» (1970), «Ран-

ний железный век Дальнего Востока» (ч. 1–2, 1970–1972), «Ранний железный век Приамурья» (1973), «Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии» (1975), «Приамурье (I тыс. до н.э.)» (1976), «Громатухинская культура» (1977, в соавторстве с А.П. Окладниковым), «Палеолит Дальнего Востока и Кореи» (1983), «Палеолит Японии» (1984), «Проблемы тихоокеанской археологии» (1985, в соавторстве с В.П. Алексеевым, А.Д. Боровским, Д.Л. Бродянским и др.), «Исследования поселения Гася» (3 вып., 1992–1995, в соавторстве с В.Е. Медведевым), «Селемджинская позднелеолитическая культура» (1998, в соавторстве с П.В. Волковым. Ли Хонджоном), «Могильник Найфельд» (1999, в соавторстве с С.П. Нестеровым, Е.С. Богдановым). К этому списку можно добавить серию отчетов российско-корейской экспедиции на острове Сучу на Амуре в

Губернатор Амурской области В.А. Орлов вручает А.П. Деревянко медаль «За заслуги перед Амурской областью». Благовещенск, 12 июля 2023 г.

2000–2002 гг. и на сопке Булочка в Приморье в 2003–2005 гг. – совместно с В.Е. Медведевым и корейскими коллегами, и несколько популярных книг. Целая библиотека! В ней – исследования от палеолита до Средневековья.

Прочные отношения Анатолий Пантелеевич поддерживал с дальневосточными учеными – Борисом Семеновичем Сапуновым, Дмитрием Павловичем Болотиним, Давидом Лазаревичем Бродяньским и другими. Продолжаются контакты и дружеские отношения с Андреем Павловичем Забияко, Николаем Николаевичем Крадиным, Александром Александровичем Василевским, Александром Николаевичем Поповым и другими исследователями.

Анатолий Пантелеевич Деревянко – кавалер орденов Трудового Красного Знамени, Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Дружбы, Александра Невского. Он является членом нескольких зарубежных академий и почетным профессором престижных университетов, неоднократно становился лауреатом премий.

20 июня 2023 г. на заседании общего собрания Российского исторического общества С.Е. Нарышкиным Анатолию Пантелеевичу была вручена Большая золотая медаль Российского исторического общества, а 12 июля 2023 г., в день завершения международной научной конференции «Археология и этнография дальневосточного фронта», губернатор В.А. Орлов вручил ему медаль «За заслуги перед Амурской областью».

Награды, врученные Анатолию Пантелеевичу в юбилейный год его жизни, еще рельефнее показывают его выдающиеся заслуги в организации и развитии российской исторической науки, неоценимый вклад в изучение древнейшей истории человечества, создание ведущей отечественной научной школы археологов, сохранение и популяризацию историко-культурного наследия страны.

9 января 2023 г. академику А.П. Деревянко исполнилось 80 лет. Анатолий Пантелеевич полон творческих сил и замыслов. Служению Великой России посвящена вся его жизнь!

В.А. Грищенко*

ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ САХАЛИНА В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА СЕВЕРЕ ОСТРОВА**

На основе рассмотрения археологических комплексов Северного Сахалина, изученных в 2010-х гг., в статье предпринята попытка выделить обоснованные временные границы позднего неолита на острове и продемонстрировать культурное многообразие данного периода. Используя комплексный подход, автор выделяет опорный комплекс имчинской неолитической культуры, уточняет ее хронологию и описывает синхронные памятникам данной культуры комплексы, которые предлагает объединить под названием «венинская неолитическая культура». Отдельное внимание в статье уделено внутренней хронологии имчинской и венинской неолитических культур.

Ключевые слова: остров Сахалин, поздний неолит, имчинская культура, керамика, жилища, радиоуглеродная хронология

Late Neolithic of Sakhalin in the light of studying the archaeological sites in the northern part of the island. VYACHESLAV A. GRISHCHENKO (Sakhalin State University)

Based on the data from the archaeological sites of Northern Sakhalin, studied in the 2010s, the article attempts to reevaluate the time boundaries of the Late Neolithic of the island and demonstrate the cultural diversity of the period. Using an integrated approach, the author clarifies the chronology of the Imchin Neolithic culture, describes the sites that existed synchronously with the sites of this culture and suggests to unite them under the name «Veni Neolithic culture». Special attention in the article is paid to the internal chronology of the Imchin and Veni Neolithic cultures.

Keywords: Sakhalin Island, late Neolithic, Imchin culture, pottery, pit dwellings, radiocarbon chronology

Неолит острова Сахалин является предметом многолетнего интереса исследователей, обусловленного распространенностью памятников и длительной традицией использования орудий из камня в условиях островной и полуостровной суши Дальнего Востока России. Северная часть острова Сахалин со второй половины

XX в. привлекала внимание археологов в силу близости данной территории к устью Амура и возможности рассмотрения ее археологических материалов в контексте актуальных проблем археологии Нижнего Амура, юга острова Сахалин, Японских островов, Курильского архипелага.

* ГРИЩЕНКО Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, заведующий Учебным археологическим музеем, доцент кафедры российской и всеобщей истории Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета.

E-mail: v.grishchenko@mail.ru

© Грищенко В.А., 2023

Первые находки изделий, характерных для пластинчатых комплексов раннего неолита на Северном Сахалине, были сделаны на поселении Имчин II В.В. Вязовской в 1965 г. [7], то есть на первом этапе систематического археологического изучения Сахалина и Курил, и закономерно привлекли к себе внимание научных кругов. По материалам раскопок поселений Имчин I, II Р.С. Васильевским был выделен имчинский бескерамический комплекс [5], а добавившиеся к этим материалам результаты раскопок поселения Имчин XII позволили выделить имчинскую неолитическую культуру (ИНК) [6], хронология которой долгое время рассматривалась в весьма широком диапазоне [12], а материалы легли в основу кандидатской диссертации О.А. Шубиной [14; 15]. Позднее ИНК рассматривалась в контексте концепции позднего неолита региона [2; 12; 16; 18], тем не менее до настоящего времени актуальными остаются вопросы как хронологии, так и состава данного концепта в археологии острова Сахалин. Таким образом, целью данной работы является публикация новых и анализ уже опубликованных данных с целью выделения обоснованных границ периода позднего неолита на острове Сахалин и демонстрации культурного многообразия данного периода, а также уточнения содержания и хронологии данного периода в свете комплексного подхода.

Основными источниками данной работы послужили археологические комплексы позднего неолита, в которых выделяются следующие составляющие: археологическое раскрытие покровных отложений (раскоп); культурные слои, выявленные в нем; объекты в этих слоях (жилища, очаги и др.); наборы артефактов, стратиграфически соотносимые с этими объектами; данные естественнонаучных анализов (датировки) образцов из зафиксированных объектов в культурных слоях. В статье анализируются материалы таких археологических объектов, как Левый ручей 2, Лебединый 1, Малые Вени 1, Большой Гаромай 4 (Рис. 1). Введение в научный оборот новых данных, полученных в результате масштабных раскопок последних лет, существенно обновило наши представления об этапе позднего неолита в археологии острова Сахалин.

Поселение Левый ручей 2 располагалось в северо-восточной части острова Сахалин, в нижней части долины крупнейшего водотока острова – реки Тымь. Памятник обнаружен в 2011 г. в ходе археологической разведки авто-

ра в Ногликском районе Сахалинской области. В составе памятника – 12 жилищных впадин и 3 хозяйственные ямы (нумерация объектов на поселении – сквозная), которые размещались двумя пунктами на уровнях 8–12 м и 15–16 м террасы реки Тымь. Поселение располагалось в полосе земельного отвода, в ходе раскопок автора в 2011 г. (раскопы № 1, 2) и А.В. Можалева в 2012 г. (раскопы № 3, 4) памятник выкопан полностью. В результате раскопок жилищ № 10–15, составлявших пункт 2 поселения Левый ручей 2, выявлен леворучьинский комплекс ранней фазы среднего неолита VII–VI тыс. до н.э.¹ [9]. Материалы раскопок пункта 1 опубликованы частично [10; 11].

Исходя из полученных данных, определяется два этапа существования пункта 1 и три этапа функционирования обоих пунктов поселения Левый ручей 2. Ранний этап связан с пластинчатым комплексом и очагами в межжилищном пространстве пункта 1, датированными серединой VII – началом VIII тыс. до н.э. [10]. Второй этап связан с шестью жилищами пункта 2 в рамках леворучьинского комплекса ранней фазы среднего неолита (сер. VII тыс. до н.э.) [9]. Третий, наиболее поздний этап связан с жилищами пункта 1 и укладывается в хронологические рамки III – начала II тыс. до н.э. Археологические материалы из этих жилищ имеют устойчивые аналогии в имчинской неолитической культуре. «Имчинские» жилища поселения Левый ручей 2 сосредоточены в границах пункта 1, в который входили 5 жилищ, 3 хозяйственных ямы и культурный слой межжилищного пространства, относящийся к раннему этапу функционирования памятника.

Раскопом № 1 2011 г., материалы которого впервые представляются в данной работе, охвачены четыре жилища и хозяйственная яма пункта 1 поселения Левый ручей 2. В жилищах раскопа № 1 выявлено следующее чередование слоев:

- слой 1: дерн, гумус и подзол;
- слой 2: легкая супесь желто-коричневого цвета (мешаный слой рыжеватой ожелезненной супеси и углей), включающая линзы подзолистой супеси серого цвета. Слой рыхловатый, структура неоднородная, во включениях – угли и углистые линзы. В слое наблюдаются следы корней растений, насыщен находками. Данный

¹ Здесь и далее используются калиброванные даты, скорректированные по калибровочной кривой IntCal20.

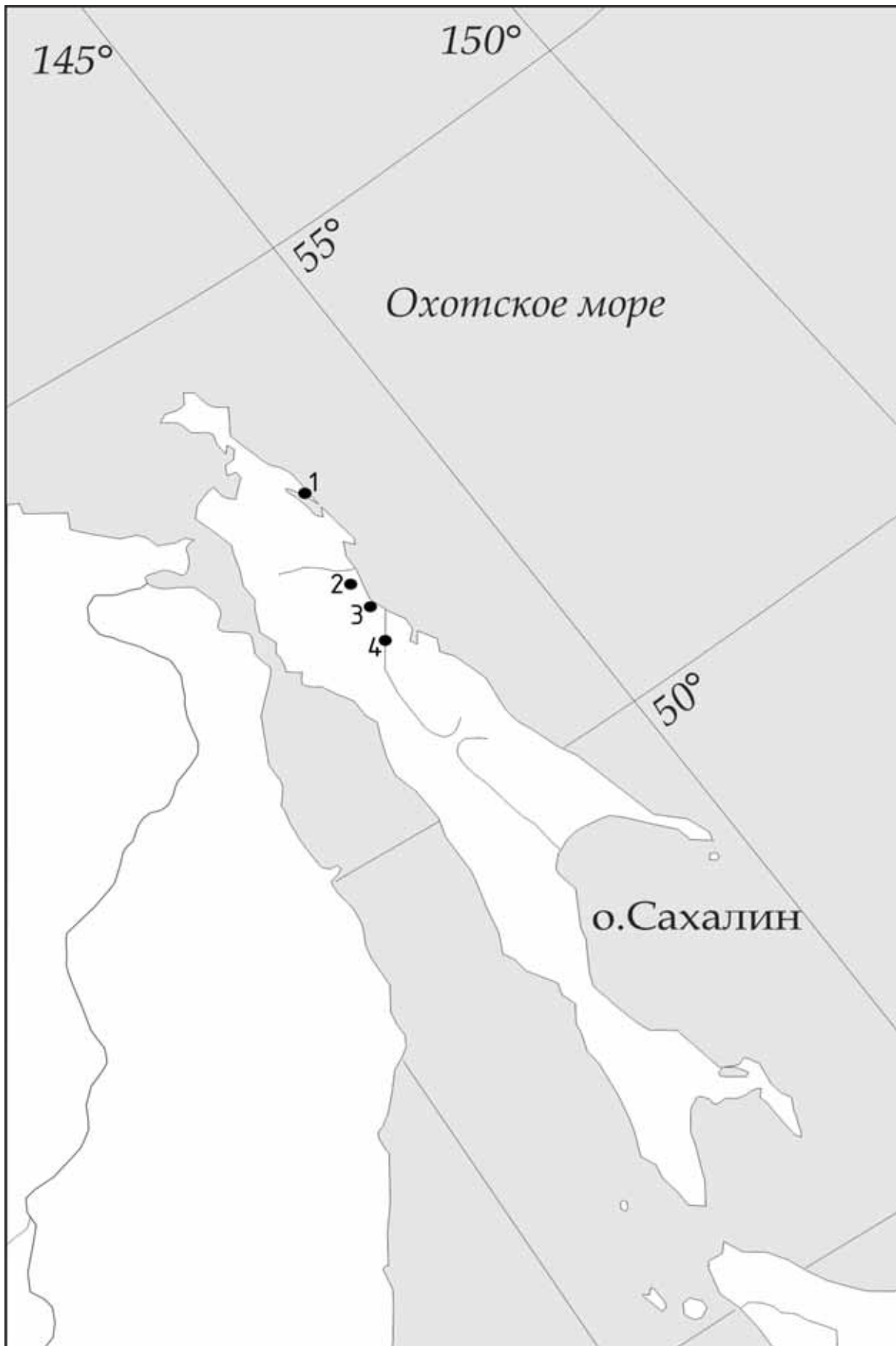

Рис. 1. Карта расположения памятников позднего неолита на севере о. Сахалин:
1 – Лебединый 1; 2 – Большой Гаромай 4; 3 – Малые Вени 1; 4 – Левый ручей 2

горизонт является заполнением котлованов жилищ и представляет собой сформированные в ходе функционирования жилища отложения, а также остатки стеновых конструкций (обваловки) жилища, оползшие внутрь. Мощность данного горизонта неоднородна: она уменьшается, выклиниваясь от «плечиков» жилища к центру;

– слой 3: супеси различных оттенков со значительной долей угля. Данный горизонт представляет собой пол жилища – тонкий (до 5 см) в центре котлована и увеличивающийся к стенкам слой серо-зеленой супеси, с включениями угольков и углистых прослоек. Данный слой также составляет заполнение столбовых ямок и очагов. Слой сопровождается находками;

– слой 4: рыжевато-красная супесь с железными включениями. Этот стерильный, плотный (без находок и углей) слой является основанием жилищных западин.

Стратиграфия межжилищного пространства представляет собой три литологических слоя: дерн и гумус, серая подзолистая супесь, рыжевато-красная супесь с железными включениями. На контакте слоя подзолистой супеси и рыжевато-красной железистой супеси на двух участках

раскопа № 1 зафиксированы следы раннеолитических объектов – артефакты пластинчатого комплекса и фрагменты очагов. В остальных квадратах структура слоев межжилищного пространства однородна, наблюдаются следы корней растений, угольки и находки единичны и не образуют связанных комплексов.

Рассмотрим подробнее жилища имчинской неолитической культуры на пункте 1 поселения Левый ручей 2 (Рис. 2).

Жилище № 1. После разбора заполнения жилищной впадины объект представлял собой котлован с шестью хорошо выделенными углами. Пол жилища ровный, без перепадов, плотный по структуре, образован желтовато-белой супесью с пятнами естественного ожелезнения. Котлован полуземлянки имеет форму шестиугольника, ориентированного выступающими углами по оси север–юг. Стенки прямые, практически отвесные. Высота стены искусственно увеличивалась обваловкой, сформированной отвалом при копке котлована. Очаг в данном жилище не зафиксирован. На полу выявлено 11 столбовых ямок вертикальной ориентации. Выявленные в основании жилища № 1 ямки позволяют ре-

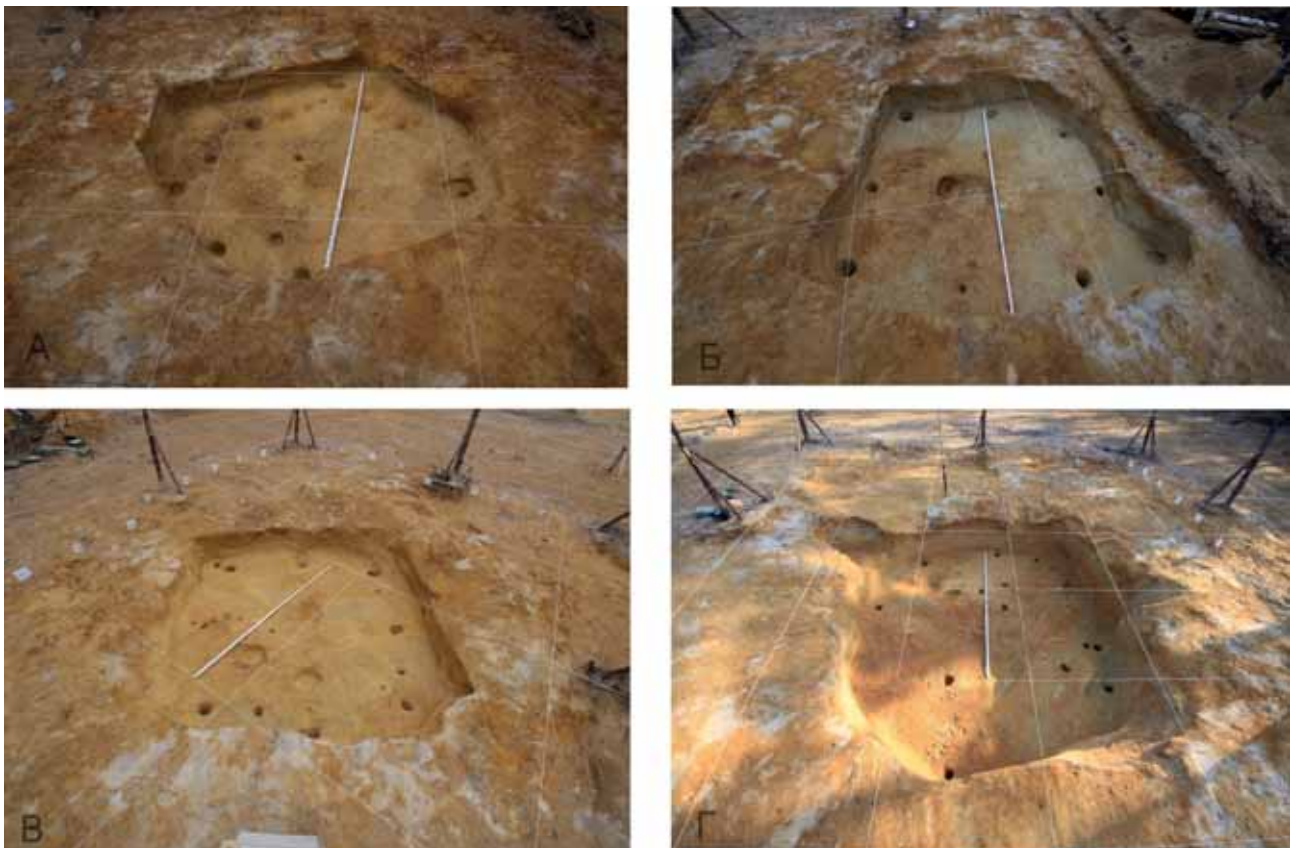

Рис. 2. Жилища имчинской неолитической культуры, раскоп 1 поселения Левый ручей 2: А – жилище № 1; Б – жилище № 3; В – жилище № 5; Г – жилище № 8.

Нить над раскопом образует квадраты 1 x 1 м

конструировать каркасную конструкцию, поддерживавшую кровлю. Ямки в углах котлована служили угловыми опорами конструкции скатов кровли. Расположенные в центре жилища ямки служили для установки центральных опор конструкции. Исходя из данной реконструкции и учитывая расположение столбовых ямок, мы предполагаем, что полуземлянка имела подчетырехугольную форму с четырехскатной кровлей. Дополнительные углы котлована могли образоваться в ходе устройства ниш в стенах.

Жилище № 3. После разбора заполнения объект представлял собой котлован подчетырехугольной формы с сильно сглаженными углами. Пол жилища ровный, без перепадов, плотный по структуре, образован плотной желтовато-белой супесью с пятнами естественного ожелезнения. Жилище имеет нечеткую форму четырехугольника с сильно сглаженными тремя углами и четко сохранившимся четвертым (северо-западным), в юго-восточном углу зафиксирована камера-выступ. Стенки котлована прямые, практически отвесные, ориентированы по сторонам света. Высота стены искусственно увеличивалась обваловкой, сформированной отвалом из котлована. Очаг, располагавшийся в центре жилища, ямный, размером 90x90 см. В центре очажного пятна наблюдаются пятна серой подзолистой супеси. В разрезе по оси север–юг под слоем легкой подзолистой супеси светло-серого цвета и линзы ожелезнения – линза прокаленной ярко-красной супеси. Углистый слой в очаге не представлен, очаг насыщен отдельными углями различного размера. На полу жилища, по периметру котлована вдоль стен выявлено 9 столбовых ямок вертикальной ориентации. Ямки, выявленные в основании жилища № 3, позволяют реконструировать каркасную четырехскатную конструкцию поддерживавшую кровлю. В качестве конструктивной особенности оформления коридора входа-выхода из жилища можно рассматривать камеру-нишу в юго-восточном углу котлована.

Жилище № 5. После разбора заполнения пола, разбора очага и выбора заполнения столбовых ямок объект представляет собой котлован четырехугольной формы с четко обозначенными углами. Пол жилища ровный, без перепадов, плотный по структуре, образован плотной желтовато-белой супесью с пятнами естественного ожелезнения. Жилище имеет четкую форму четырехугольника со стороной 4 м. Углы котлована ориентированы по сторо-

нам света. Стенки котлована прямые, практически отвесные. Высота стены искусственно увеличивалась обваловкой, сформированной отвалом из котлована. Очаг, располагавшийся в центре жилища, имеет форму расплывшегося овала, около 90 см в диаметре. В центре очажного пятна наблюдаются пятна серой подзолистой супеси. В разрезе по оси восток–запад под слоем легкой подзолистой супеси светло-серого цвета залегает мешаный слой прокаленной супеси и углей (углистая линза) мощностью до 20 см. На полу жилища выявлено 17 столбовых ямок вертикальной ориентации. Ямки № 1–10, 13–15 расположены по периметру котлована и имеют значительную глубину – 12–60 см. Ямки № 11, 12 расположены ближе к центру жилища и имеют глубину 11 см при диаметре 43 и 49 см соответственно. Предполагаем, что это ямки от «пяток» опорных столбов конструкции дома. Ямки, выявленные в основании жилища № 5, позволяют реконструировать каркасную конструкцию, поддерживавшую кровлю. Глубокие столбовые ямки расположены по периметру котлована и служили опорами конструкции скатов кровли. Ямки № 11, 12 расположены в центре жилища и служили для установки центральных опор конструкции. Исходя из данной реконструкции и учитывая конфигурацию котлована, мы предполагаем квадратную форму полуземлянки с четырехскатной кровлей.

Жилище № 8. После разбора всех заполнений объект представляет собой котлован округлой формы с сильно сглаженными углами. Пол жилища ровный, без перепадов, плотный по структуре, образован плотной желтовато-белой супесью с пятнами естественного ожелезнения. В юго-восточном углу котлована наблюдается камера-выступ – возможно, это следы предвходовой конструкции. Из всех жилищ поселения это – самое глубокое (до –80 см от дневной поверхности). Стенки котлована прямые, практически отвесные. Высота стены искусственно увеличивалась обваловкой, сформированной отвалом из котлована. Очаг, располагавшийся в центре жилища, ямный, очажное пятно имеет форму расплывшегося овала, около 80 см в диаметре. В разрезах по оси восток–запад и юг–север под слоем ожелезненной супеси залегает мешаный прокаленный слой супеси и углей ярко-красного цвета мощностью 20–25 см, основание очага – прокаленная супесь желто-розового цвета. Отметим мощность очага и лучшую его сохранность по сравнению с очагами

других жилищ поселения. На полу выявлено 16 столбовых ямок вертикальной ориентации. Всего в данном жилище выделяется три группы ямок. Ямки № 1–2, 5–7, 13–16 расположены по периметру котлована и имеют значительную глубину – 17–40 см. Предполагаем, что столбы, установленные в эти ямки по периметру, поддерживали скаты кровли. Ямки № 3–4, 8, 11–12 расположены в центре жилища и имеют глубину 10–17 см. Предположительно, это ямки от центральных опорных столбов конструкции каркаса. Ямки № 9 и 10 имеют непропорциональную глубину 6 и 9 см при длине по длинной оси 52 и 130 см соответственно. Данная группа ямок, вероятно, не относится к каркасной конструкции жилища, скорее они являются вытопанными в полу углублениями у выхода в виде камеры-выступа. Ямки, выявленные в основании жилища № 8, позволяют реконструировать каркасную конструкцию, поддерживавшую кровлю. Глубокие столбовые ямки рас-

положены по периметру котлована и в центре и служили опорами конструкции скатов кровли. Исходя из данной реконструкции и учитывая конфигурацию котлована, мы предполагаем подчетырехугольную форму полуземлянки с четырехскатной кровлей.

Таким образом, несмотря на кажущиеся отличия жилищ поселения друг от друга, их сближает ряд общих приемов домостроительной практики. Во-первых, это форма котлована: у всех четырех жилищ в ее основе лежит прямоугольник. Характер расположения столбовых ямок подтверждает данный тезис. Во-вторых, это очаги без обкладки и иных дополнительных конструкций, расположенные в центре жилища. Наконец, это ниши в стенах как возможные предвходовые конструкции в жилищах № 8 и № 3.

В жилищах № 1, 3, 5, 7, 8 пункта 1 поселения Левый ручей 2 зафиксирован комплекс артефактов имчинской неолитической культуры.

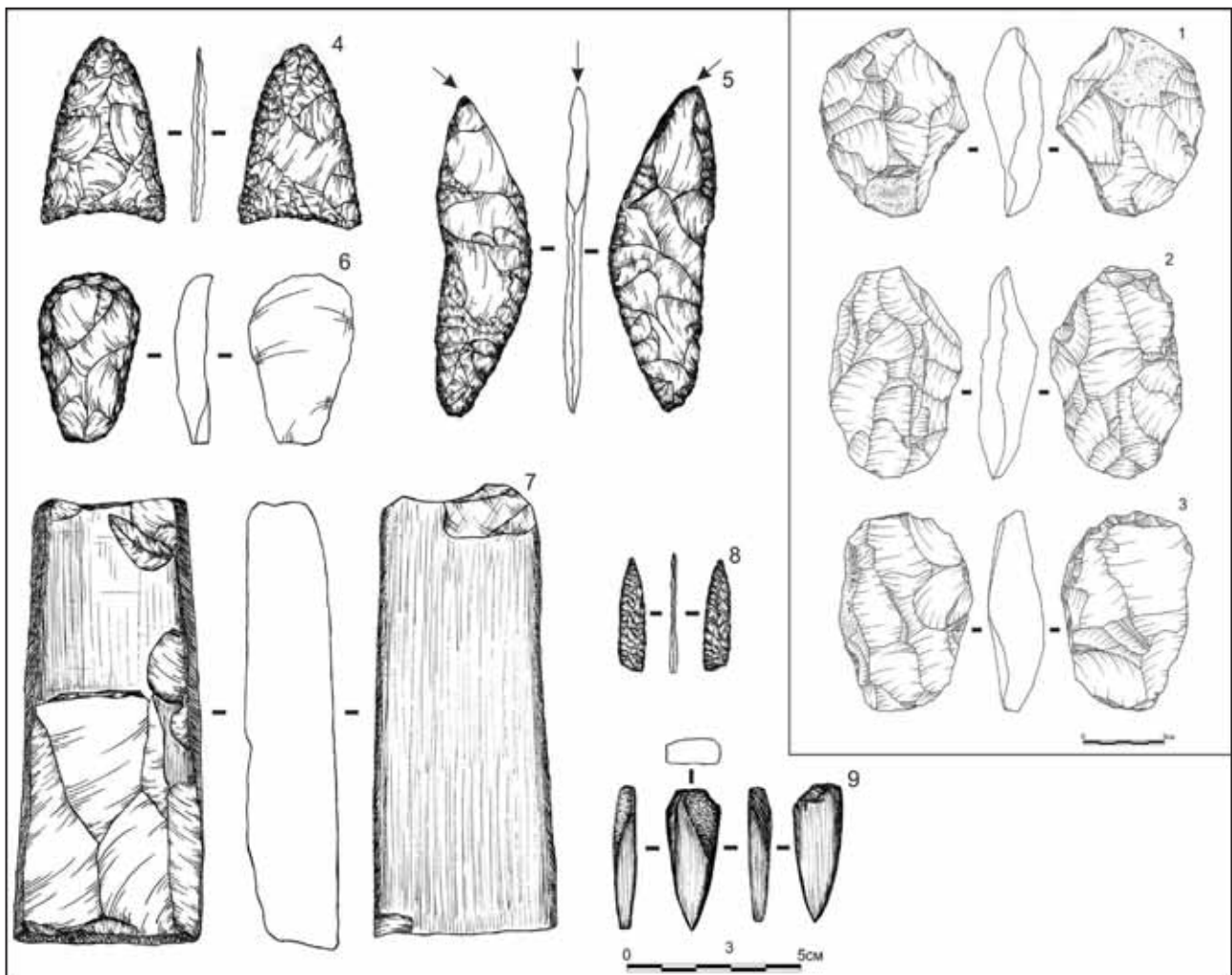

Рис. 3. Каменный инвентарь имчинской неолитической культуры из жилища № 5 пункта 1 поселения Левый ручей 2

Каменный инвентарь во всех жилищах раскопа 1 имеет схожий облик. В каменной индустрии поселения наблюдаются признаки развитой техники отщепов на основе редукции диско-видного нуклеуса радиального принципа расщепления (Рис. 3: 1–3), а также бифасиальной обработки орудий. Наиболее показательны наконечники метательных орудий (Рис. 3: 4, 8; Рис. 4: 5) и ножи (Рис. 3: 5; Рис. 4: 1), концевые скребки на отщепе (Рис. 3: 6; Рис. 4: 3, 4, 7). Наблюдается также использование специально не модифицированных отщепов, в том числе крупных, в качестве орудий широкого спектра действия. Шлифованные изделия представлены топорами и теслами различных размеров и степени шлифовки поверхностей (Рис. 3: 7, 9; Рис. 4: 2, 6). Керамический комплекс пункта 1 поселения Левый ручей 2 имеет отношение только к жилищам (Рис. 5); это плоскодонные сосуды баночной формы. Керамика тонкостенная (до 5 мм), с характерными тонкими продолговатыми лакунами от разложившегося органического отощителя, хорошо просматриваемыми в изломе. Черепок прочный, хорошей сохранности, желто-коричневого цвета. Из орнаментальных приемов характерны горизонтально направленные желобки по венчику и под ним, наклонные насечки.

В результате раскопок пункта 1 поселения Левый ручей 2 получено две основных группы радиоуглеродных дат, хорошо соотносящихся с зафиксированными археологическими комплексами. Ранний пластинчатый комплекс датирован двумя образцами из очагов в межжилищном пространстве в хронологическом интервале 9422–8194 кал. л.н. Жилищный комплекс ИНК датирован девятью образцами по углю из очагов и уголькам с пола жилищ № 1, 3, 5, 8 в интервале 5286–3561 кал. л.н. В этом же диапазоне датировано жилище № 7 из раскопа А.В. Можяева 2012 г. Относительную хронологию жилищ ИНК можно рассматривать в рамках двух этапов функционирования поселения: к раннему этапу (первая половина III тыс. до н.э.) относятся жилища № 3 и 5, к позднему (вторая половина. III тыс. до н.э.) – жилища № 1, 8 и 7.

Своеобразной противоположностью материалов ИНК в хронологическом отрезке III – нач. II тыс. до н.э. служат археологические комплексы, содержащие характерную толстостенную керамику с крупными лакунами от разложившейся органической добавки в тесто. Присут-

ствие данной керамики, резко отличающейся от тонкостенной орнаментированной керамики ИНК, в материалах эпонимных памятников отмечалось и ранее [15], однако открытым оставался вопрос о ее культурно-хронологической принадлежности. Вопрос осложнялся в том числе и наличием на Северном Сахалине фрагментов похожей по внешнему облику керамики VI тыс. до н.э. типа Чайво-6 [8]. Ситуация прояснилась в результате работ на трех археологических памятниках, выявленных и раскопанных отрядами СахГУ в 2007–2013 гг.

На поселении Лебединый 1 неолитическая эпоха представлена в многослойном объекте № 51, в основании которого выявлен слой позднего неолита III тыс. до н.э. [4]. Происхождение данного слоя, по-видимому, связано с конструкцией из столбовых ямок под насыпью (Рис. 6: А), в которую впущены объекты палеометалла. На неолитический возраст начальных сооружений (жилища?) многослойного объекта указывают датировки образцов древесного угля из нижнего слоя объекта № 51 (Рис. 6: Б). Каменный инвентарь неолитического комплекса представлен уплощенными бифасами-ножами черешковых форм, наконечниками стрел, теслами и топорами (Рис. 6: 2, 4–7). Находки керамики составляют фрагменты плоскодонных сосудов с расширяющимся к устью круглым резервуаром, профилированным венчиком. Керамика толстостенная, с многочисленными лакунами от выгоревшей в тесте органической примеси, цвет черепка – желто-коричневый, светлого оттенка. Какой-либо орнаментации на данных изделиях не отмечено (Рис. 6: 1, 3).

Раскопом 2008 г. исследован объект Большой Гаромай 4, интерпретируемый автором раскопок как погребальный курган [3]. На дневной поверхности объект представлял собой округлую в плане насыпь диаметром 10 м и мощностью около 60 см и пять ям по периметру размерами 3 x 1 м и глубиной около 20 см. В ходе раскопок, после разбора насыпи, выявлен котлован (жилища?) глубиной около 20 см и система столбовых ямок (Рис. 7: А). Артефакты, обнаруженные в раскопе, представляют собой изделия из камня и фрагменты керамических сосудов (Рис. 7: 1–3). Каменный инвентарь составляют оббитые и шлифованные тесла, шлифовальные плитки, бифасиальные и черешковые острия на отщепе. Керамика представлена фрагментам плоскодонных сосудов со слегка расширяющимися кверху стенками, отогнутым

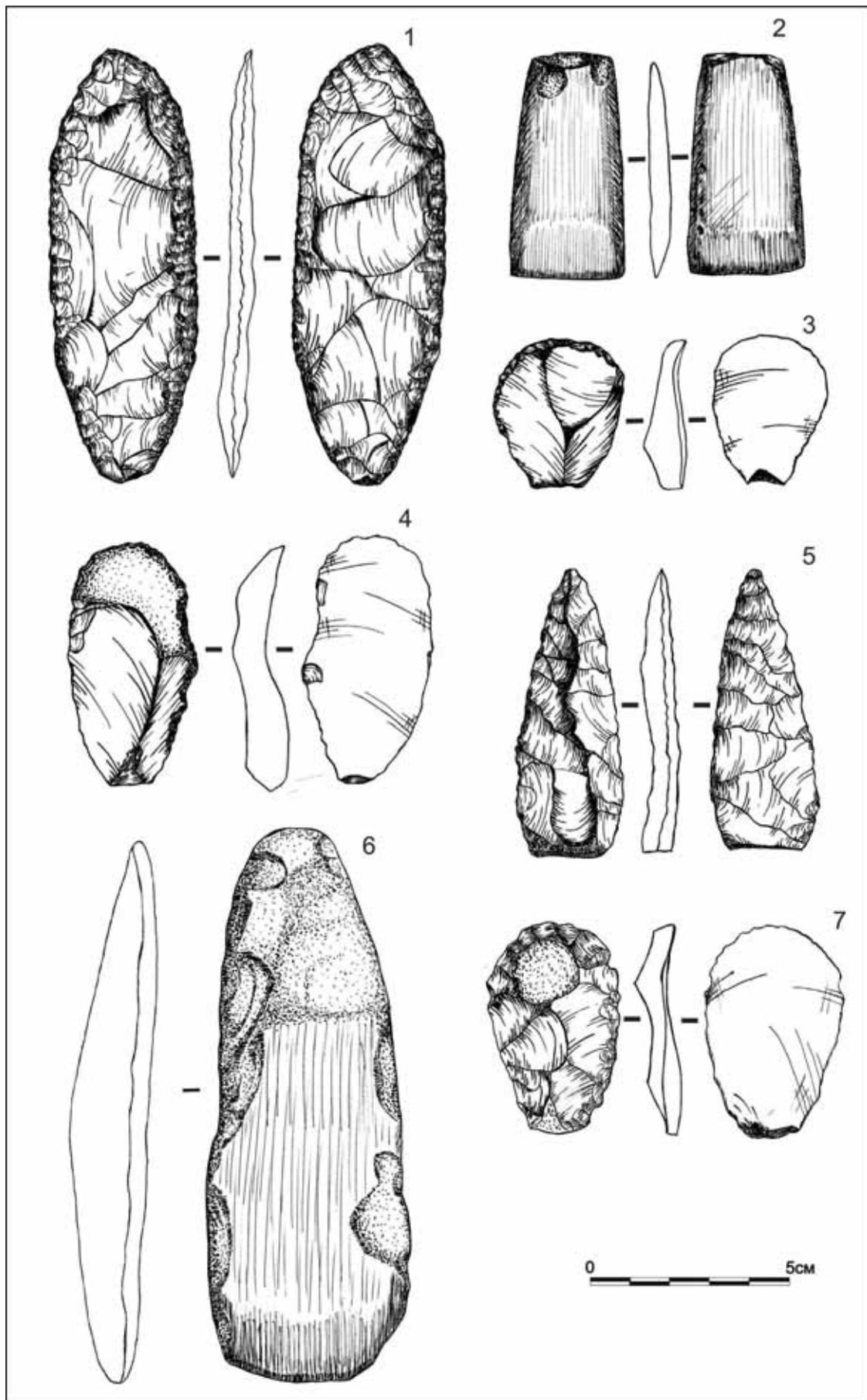

Рис. 4. Каменный инвентарь имчинской неолитической культуры:
 1–4 – из жилища № 3; 5–7 – из жилища № 1 пункта 1 поселения Левый ручей 2

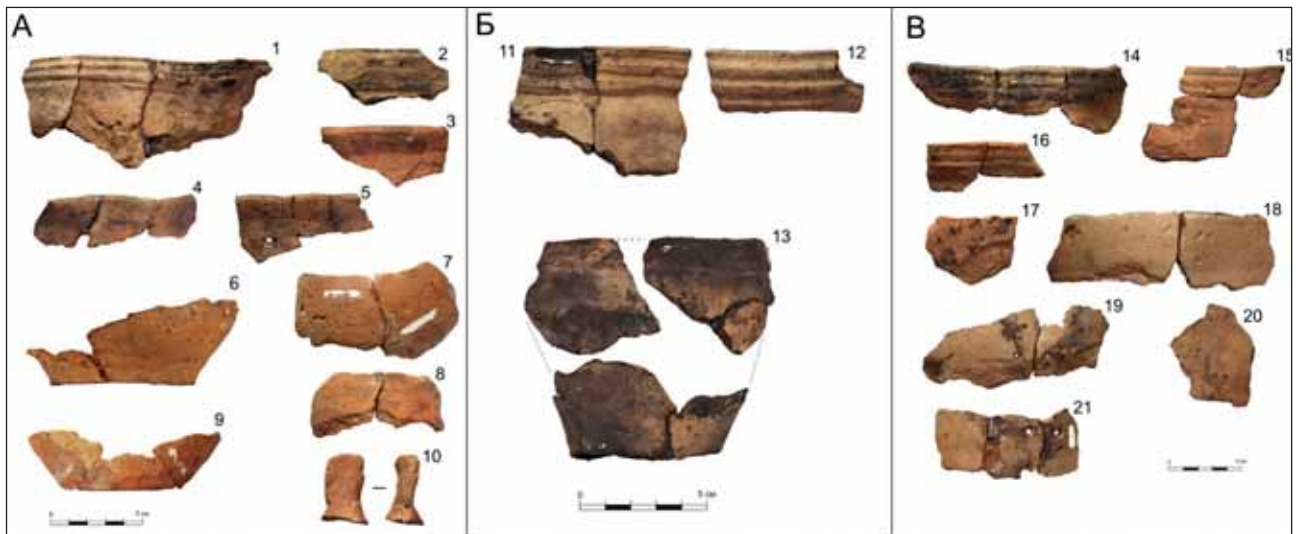

Рис. 5. Керамика имчинской неолитической культуры:
 А – из жилища № 3; Б – из жилища № 5; В – из жилища № 8 пункта 1 поселения Левый ручей 2

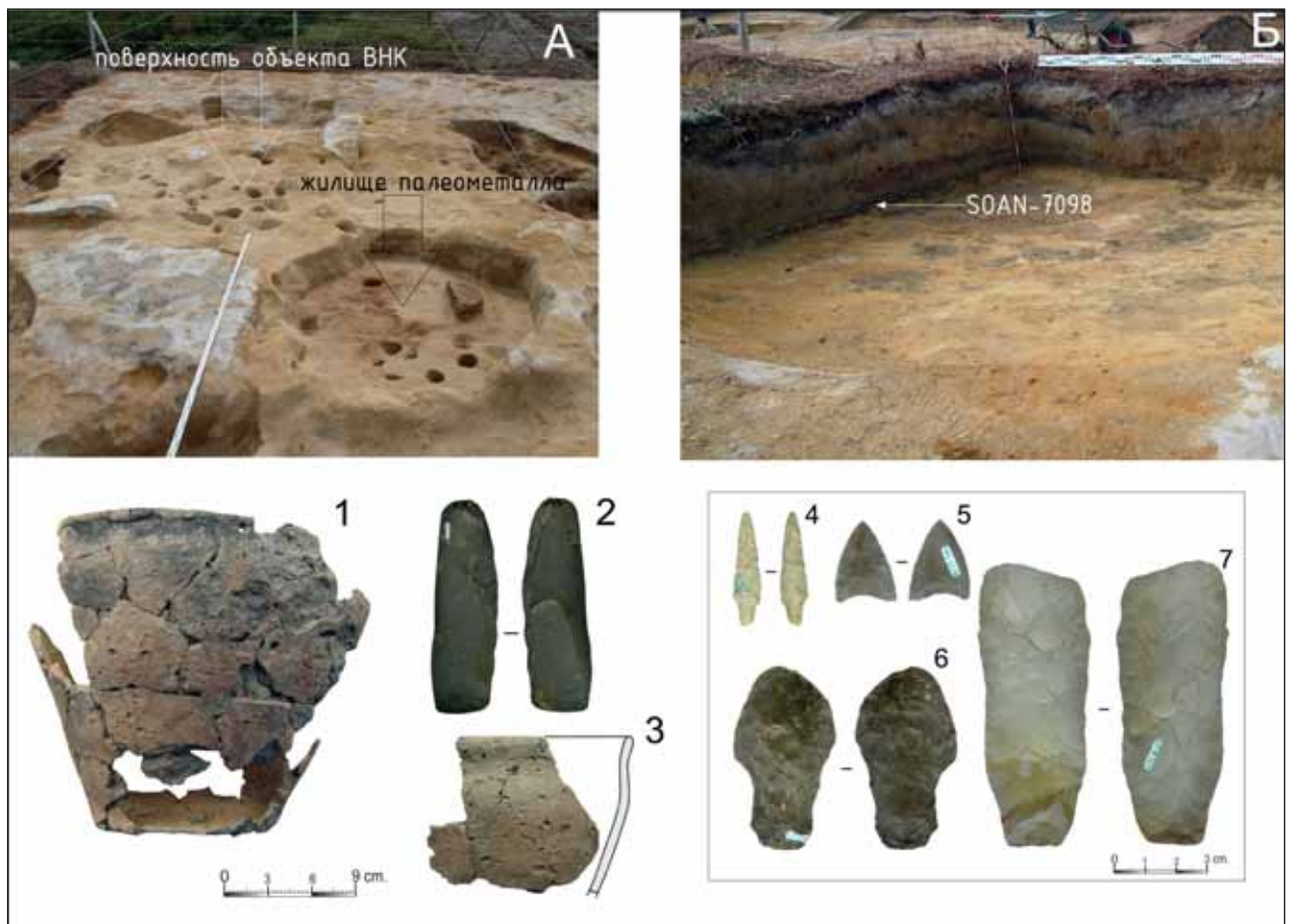

Рис. 6. Многослойный объект № 51 на поселении Лебединый 1: А – поверхность основания; Б – разрез.
 Артефакты венинской неолитической культуры из нижнего слоя объекта № 51:

1, 3 – керамика; 2, 4–7 – каменный инвентарь

венчиком и намеченным устьем. Предположительная высота таких сосудов – 12–15 см, толщина стенок – 0,5–0,7 см, диаметр устья – около 20 см, диаметр дна – 10–12 см. Венчик прямой, слегка отогнутый наружу. Орнамент на всех обнаруженных фрагментах керамики отсутствует. Поверхности сосудов содержат характерные следы – многочисленные лакуны от разложившегося органического отошителя. Размер лакун варьирует от 1 до 5 мм.

Исследование 2013 г. жилищной впадины № 6 на поселении Малые Вени 1 выявило в основании раскопа жилище полуподземного типа [1]. Котлован жилища размером 3,5 x 3,5 м

выкопан в слое желто-коричневой супеси. После расчистки заполнения западины выявлен котлован жилища четырехугольной формы со сглаженными углами. На полу жилища зафиксированы и расчищены ямки от двух опорных столбов. Размеры и взаимное расположение ям (по диагонали по отношению к четырехугольному котловану) позволяют реконструировать двускатную кровлю, ориентированную по длинной оси северо-восток – юго-запад. В центре расчищен и разобран очаг, под которым выявлено еще две небольшие столбовые ямки – остатки приочажной конструкции. Артефактный комплекс жилища представлен керамикой (Рис. 8: 1–6) и

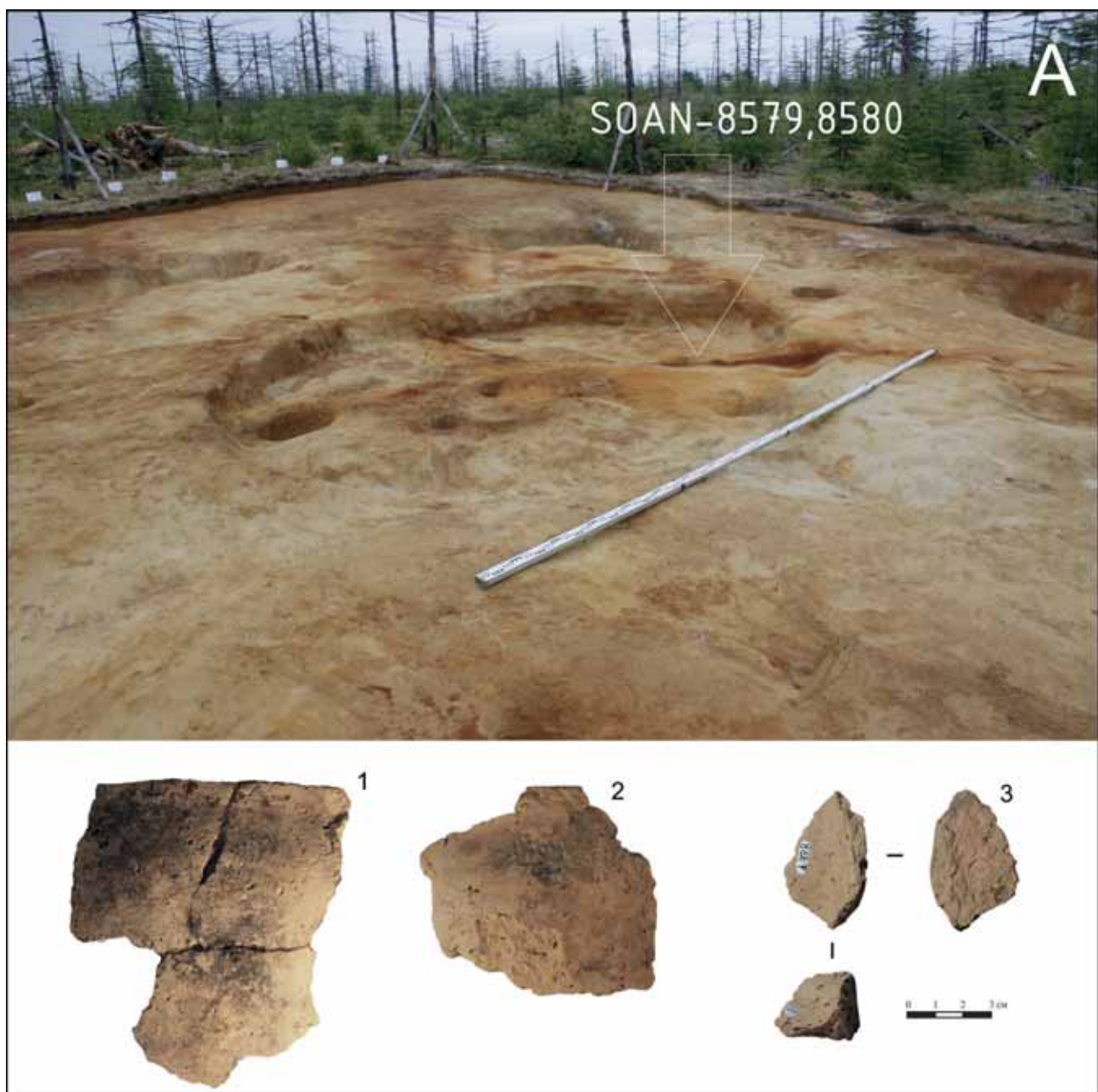

Рис. 7. Объект под курганной насыпью на памятнике Большой Гаромай 4 (А).
Артефакты венинской неолитической культуры из раскопа: 1–3 – керамика

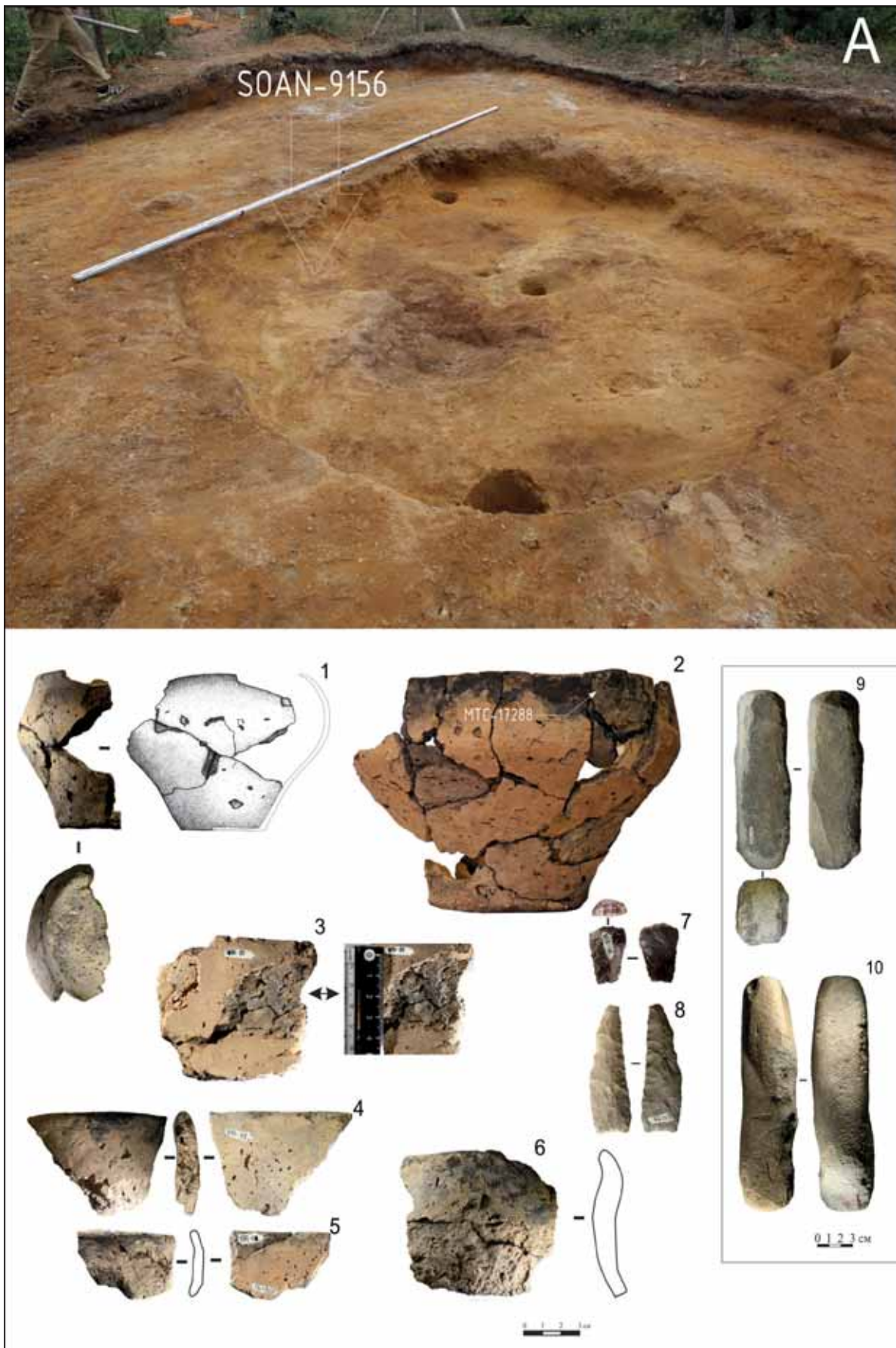

Рис. 8. Основание жилища № 6 на поселении Малые Вени 1 (А).
Артефакты венинской неолитической культуры из раскопа жилища:
1–6 – керамика; 7–10 – каменный инвентарь

каменным инвентарем (Рис. 8: 7–10), который включает орудия, изготовленные в бифасиальной технике, на отщепках, методом оббивки и шлифовки. Характерной особенностью коллекции являются крупные каменные молоты из базальта, четырехугольные и полукруглые в поперечном сечении (Рис. 8: 9, 10). Керамика из раскопа жилища не орнаментирована, представлена фрагментами двух археологически целых сосудов – плоскодонных, биконической формы (Рис. 8: 1, 2). Керамика толстостенная (толщина стенки – 7–10 мм), с многочисленными лакунами от разложившегося органического отошителя. Цвет черепка – желто-коричневый, светлого оттенка.

В результате исследования вышеописанных комплексов, содержащих толстостенную керамику с крупными лакунами от разложившейся органической добавки в тесто, получено четыре даты по углям из очагов, углистых заполнений пола объектов и одна дата по нагару с керамики (Рис. 9). При этом в качестве датировки неолитического слоя на объекте № 51 многослойного поселения Лебединый 1 использована одна дата по образцу из нижней части разреза (Рис. 6: Б), то есть из нижнего углистого слоя. Остальные образцы могут датировать другие этапы функционирования поселения или вообще не быть связанными с человеческой деятельностью, поэтому в расчет не принимаются. Датировка объекта Большой Гаромай 4 показала схожий результат по двум образцам из углистой линзы в выявленном котловане под насыпью (Рис. 7: А). Для жилища № 6 поселения Малые Вени 1 потребовалось дополнительное датирование по нагару с керамики в связи с получением противоречивых дат из очага и пристеночного заполнения пола (Рис. 8: А). Датировка по нагару с керамики разрешила данное противоречие и очажная дата (СОАН-9155) 1935 ± 60 л. (не кал.) была отброшена как недостоверная. Таким образом, вышеописанные комплексы с толстостенной органогенной неорнаментированной керамикой Северного Сахалина датируются в интервале 4518–3637 кал. л.н., что делает их синхронными комплексам имчинской неолитической культуры.

В северной части острова Сахалин выявлены синхронно существовавшие археологические комплексы III тыс. до н.э. с присутствием органогенной орнаментированной тонкостенной и неорнаментированной толстостенной керамики. Комплексы с тонкостенной орна-

ментированной керамикой имеют устойчивые аналогии в материалах имчинской неолитической культуры, неоднородной по своему внутреннему содержанию [2; 16]. Предлагаем закрепить материалы раскопов жилищ пункта 1 поселения Левый ручей 2 в качестве опорного «чистого» комплекса данной культуры. Археологические комплексы, содержащие неорнаментированную толстостенную керамику, – Лебединый 1, Большой Гаромай 4, Малые Вени 1 – к материалам ИНК отношения, очевидно, не имеют, хотя и синхронны им по возрасту. Отличия прослеживаются и в каменном инвентаре комплексов, прежде всего это касается выбора сырья для каменной индустрии. Комплексы ИНК ориентированы на красные яшмоиды. В инвентаре памятников Лебединый 1, Большой Гаромай 4, Малые Вени 1 присутствуют изделия из кремнистых сланцев, базальтов. Общими для описанных комплексов являются развитые неолитические технологии обработки камня: отщепово-бифасиальная техника, шлифовка, пикетаж, оббивка. В материалах объекта Большой Гаромай 4 встречается в единичном случае использование технологии пластинчатого расщепления, что также находит аналогии в материалах седыхинской культуры южного Сахалина. Таким образом, комплексы, содержащие неорнаментированную толстостенную керамику с крупными лакунами от разложившегося органического отошителя, надежно отделимы от комплексов ИНК, в связи с чем встает вопрос о выделении данных материалов в отдельную археологическую культуру: вслед за типом керамики, выделенным автором раскопок [1], предлагаем назвать ее венинской.

Отдельную проблему составляет внутренняя хронология венинской и имчинской неолитических культур. Исходя из имеющихся радиоуглеродных дат, можно ориентировочно предположить два этапа существования венинской неолитической культуры: ранний этап представлен материалами памятников Лебединый 1 и Малые Вени 1, поздний – материалами памятника Большой Гаромай 4. Сложнее дело обстоит с хронологией имчинской неолитической культуры. Очевиден разброс основного массива опубликованных дат ИНК (Табл. 1: № 1–27) в диапазоне от IV до I тыс. до н.э., что требует верификации с точки зрения критика источника. Проанализируем данные датировки с точки зрения следующих критериев:

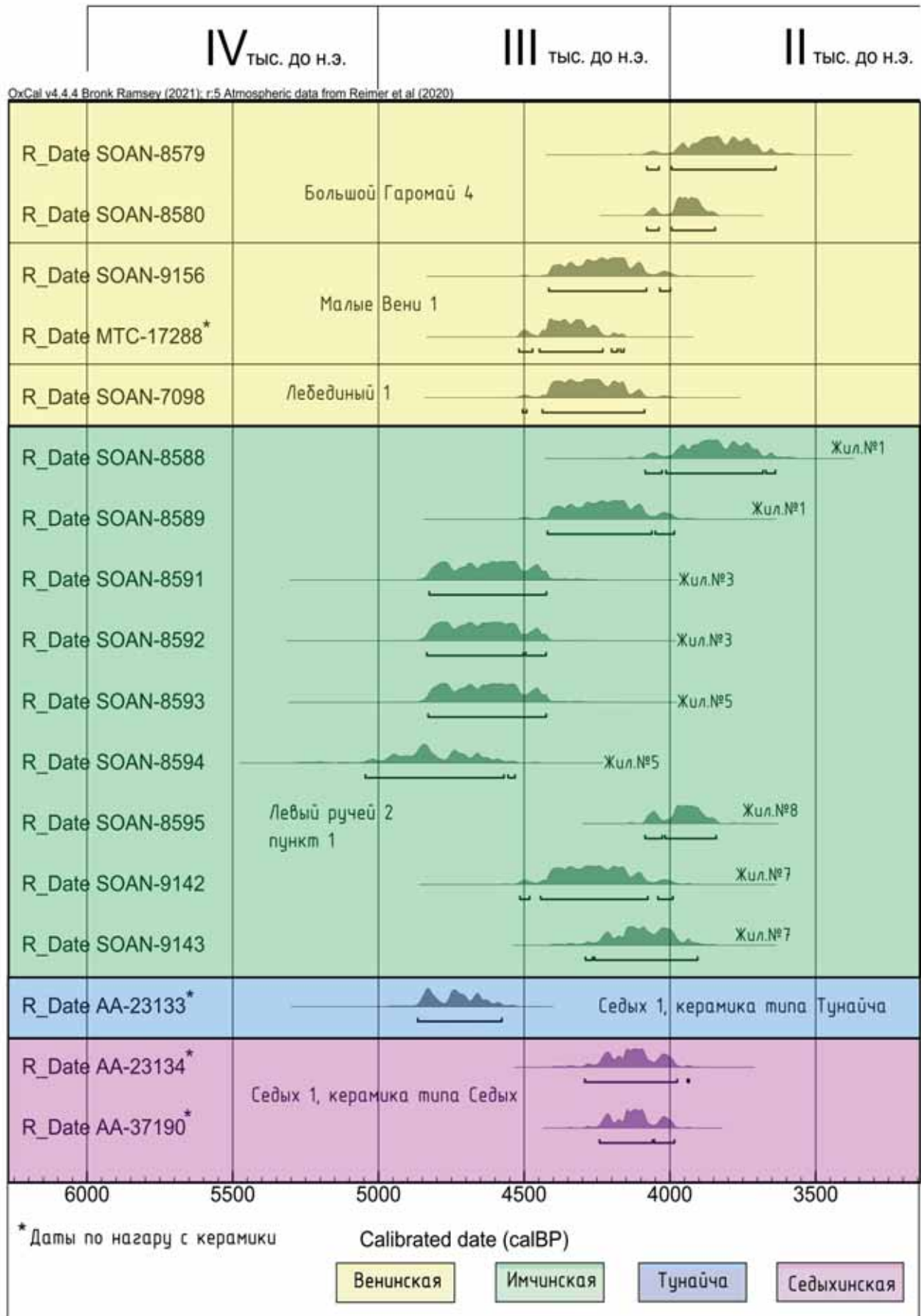

Рис. 9. Радиоуглеродная хронология поздненеолитических культур острова Сахалин

1) ясность археологического контекста (отсутствие посторонних включений в точке сбора образца);

2) четкая связь образца с продуктом человеческой деятельности (очаг, керамика, конструкции жилища);

3) точность датирования (сигма меньше 200 лет, проверяемость дат по нагару датами по углю из этого же объекта).

По результатам анализа имеющиеся данные можно разделить на три группы:

– надежные (даты, соответствующие всем трем критериям);

– сомнительные (даты, которые соответствуют двум критериям, однако их несоответствие третьему критерию может привести к ложным выводам);

– ненадежные (даты низкой информационной ценности, которые соответствуют максимум одному критерию).

В соответствии с данным подходом, впервые примененным для анализа позднеплейстоценовых дат южной и центральной Сибири [17], надежными могли бы считаться только даты по нагару с имчинской керамики поселения Имчин XII (Табл. 1: № 26, 27). Однако, учитывая возможность искажения результата «эффектом резервуара», данные даты все же не соответствуют критерию точности в силу отсутствия проверочного источника по очажному углю из жилищ, где взяты образцы нагара.

В противовес датам по образцам 1970-х – 1980-х гг. (Табл. 1: № 1–27) предлагается набор датировок из комплексов ИНК, отвечаю-

Таблица 1

Радиоуглеродные даты памятников позднего неолита Северного Сахалина

№	Памятник	Код	14С, л.н.	Cal BP (± 2 σ) 95.4 %	Контекст	Оценка
1	Имчин-2	МАГ-672	2570±110	2354–2862	Скопление мелких угольков на полого спускающемся плечике жилища № 20 в зоне концентрации раздавленных плоскостенных сосудов	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
2	Имчин-2	МАГ-670	2640±100	2425–2965	Образец угля (глубина залегания 0,4 м) из ямы за пределами жилища № 20	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
3	Имчин-2	СОАН-1146	3120±50	3213–3447	Уголь, взятый от сгоревшего перекрытия жилища № 1	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☑
4	Имчин-2	МАГ-671	3400±80	3455–3844	Сгоревшее бревно, найденное на глубине 0,7 м	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☑
5	Имчин-2	МАГ-689	3500±100	3556–4006	Образец угля в углублении, примыкающем к жилищу № 20 с юга, заполненном слабо гумусированной супесью желтого цвета	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
6	Имчин-2	МАГ-673	3700±250	3451–4661	Проба угля из круглого в плане и линзовидного в поперечном сечении кострища в полу округлого в плане (диаметр 5 м) жилища № 5 на глубине 1,1 м	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☑ Критерий 3 – ☒

7	Имчин-2	СОАН-1041	4060±50	4421–4653	Проба угля из шурфа, заложеного в районе северного плечика жилища № 1 (имчинская керамика, сосуд с ушками, керамика с отогнутым венчиком, украшенным резными насечками, верхняя половина тулова – пересекающимися двойными пунктирными линиями, образующими сетку-плетенку с ячейками-ромбами)	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
8	Имчин-2	СОАН-1040	4250±30	4813–4864	Уголь из золистой прослойки, зафиксированной на глубине 0,8 м в шурфе № 1	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
9	Имчин-2	МАГ-683	4500±100	4860–5328	Небольшое скопление угольков на полу жилища № 7 в северо-западном углу квадрата Б-7 на глубине 0,46–0,5 м от дневной поверхности	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
10	Имчин-2	МАГ-684	4500±100	4860–5328	Проба угля из прослойки углистой супеси на глубине 0,35 м южнее котлована № 6	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
11	Имчин-2	МАГ-674	4570±300	4437–5913	Уголь из раскопа IV между жилищами № 4 и 5, из ямки от опорного столба, относящегося, по-видимому, к котловану № 4 (глубина залегания – 0,15–0,2 м от дневной поверхности)	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
12	Имчин-2	МАГ-680	5650±250	5908–7026	Образец угля из пятна золистой супеси светло-серого цвета размером 0,5–0,6 м, находящегося на границе квадратов А-3 и А-4 на глубине 0,35–0,4 м от дневной поверхности. Пятно расположено над материком, за пределами жилища № 6	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒

Продолжение таблицы 1

13	Имчин-2	СОАН-1145	5810±90	6407–6799	Образец угля из жилища № 23 с глубины 0,4–0,5 м. Инвентарь жилища представлен длинными и узкими топорами треугольных очертаний с приостренным обушком и широким овальным лезвием; концевыми скребками с овально-выпуклым рабочим краем, оформленным крутой ретушью; двусторонне обработанными наконечниками копий, ножами с выделенной рукояткой, наконечниками стрел на пластинах, а также небольшим количеством фрагментов неорнаментированных плоскодонных глиняных сосудов	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☐ Критерий 3 – ☒
14	Имчин-4	СОАН-1147	3490 ± 75		Очаг жилища № 3, 4	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
15	Имчин-4	СОАН-1148	4040 ± 85		Заполнение жилищ № 3, 4	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☐ Критерий 3 – ☒
16	Имчин-4	СОАН-1149	3730 ± 70		Заполнение жилищ № 3, 4	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☐ Критерий 3 – ☒
17	Имчин-7	МАГ-685	3600 ± 200		Угольная прослойка мощностью 2–6 см в траншее в полуразрушенном жилище № 3	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☐ Критерий 3 – ☐
18	Имчин-10	МАГ-686	4200 ± 200		Скопление углей в траншее в жилище № 14. Сопровождается (по описанию) имчинской керамикой	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☐
19	Имчин-11	МАГ-687	3500 ± 100		Скопление углей в траншее в жилище № 1	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☐ Критерий 3 – ☐
20	Имчин-11	МАГ-688	4100 ± 200		Линзовидная прослойка супеси темно-бурого цвета, залегающей на глубине 0,9 м в траншее на полу жилища № 1	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☐ Критерий 3 – ☐

21	Имчин-11	МАГ-690	3950 ± 100		Скопление углей в траншее в жилище № 9 на глубине 0,4–0,6 м от дневной поверхности. В угольной прослойке и ниже ее обнаружены фрагменты плоскодонного сосуда с плавно расширяющимися вверх стенками и стенки сосудов, украшенные орнаментом типа «гребенчатый зигзаг»	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
22	Имчин-12	МАГ-744	3340±20	3554–3637	Контекст неясен	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☐ Критерий 3 – ☒
23	Имчин-12	МАГ-745	3430±70	3552–3869	Контекст неясен	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☐ Критерий 3 – ☒
24	Имчин-12	ЛЕ-4069	4180±180	4238–5145	Жилище № 2. Контекст неясен	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☐ Критерий 3 – ☐
25	Имчин-12	ЛЕ-4068	4340±190	4425–5334	Жилище № 2. Контекст неясен	Критерий 1 – ☐ Критерий 2 – ☐ Критерий 3 – ☐
26	Имчин-12	АА-36910*	4425±35	4871–5069	Раскоп 3, жилище № 7 (1983 г.), нагар на фрагменте сосуда, изготовленного из глины с органическим отощителем (моллюск), украшенного пунктирно-гребенчатым вертикальным зигзагом	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
27	Имчин-12	АА-36909*	4610±40	5342–5467	Раскоп 4, жилище № 8 (1984 г.), нагар на фрагменте венчика, украшенного каннелюрами (сосуд изготовлен из глины с примесью моллюска)	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
28	Большой Гаромай 4	СОАН-8579	3545±70	4079–3637	Углистая линза под насыпью в основании раскопа 1, слой 3, глубина отбора – 51–53 см, кв. 941/767–766	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
29	Большой Гаромай 4	СОАН-8580	3630±30	4079–3845	Углистая линза под насыпью в основании раскопа 1, слой 3, глубина отбора – 48–52 см, кв. 940–941/767–766	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
30	Малые Вени 1	СОАН-9156	3825±65	4416–3999	Углистое заполнение пола под стенкой жилища № 6, раскоп 1, слой 3, глубина отбора – 25 см, кв. 24/34	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
31	Малые Вени 1	МТС-17288*	3920±50	4518–4158	Нагар с венчика сосуда биконической формы, жилище № 6, слой 3, кв. 25/36, колл. № 1070–151	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒

Окончание таблицы 1

32	Лебединый 1	СОАН-7098	3860±65	4506–4087	Уголь из углистой линзы в основании объекта № 51, раскоп 2, пункт 1, слой 3, кв. 773/434	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
33	Левый ручей 2, пункт 1	СОАН-8588	3555±75	4085–3638	Проба угля с пола жилища № 1, раскоп 1, слой 3, глубина отбора – 50 см, кв. 9034/1520	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
34	Левый ручей 2, пункт 1	СОАН-8589	3825±75	4420–3985	Проба угля с пола жилища № 1, раскоп 1, слой 3, глубина отбора – 50 см, кв. 9036/1519	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
35	Левый ручей 2, пункт 1	СОАН-8591	4095±80	4826–4424	Уголь из очага жилища № 3, раскоп 1, слой 3, глубина отбора – 70 см, кв. 9043–44/1536	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
36	Левый ручей 2, пункт 1	СОАН-8592	4115±80	4834–4425	Проба угля с пола жилища № 3, раскоп 1, слой 3, глубина отбора – 70 см, кв. 9045/1536	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
37	Левый ручей 2, пункт 1	СОАН-8593	4105±80	4830–4425	Уголь из очага жилища № 5, раскоп 1, слой 3, глубина отбора – 60 см, кв. 9027/1539	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
38	Левый ручей 2, пункт 1	СОАН-8594	4265±80	5045–4532	Проба угля из горелых конструкций на полу жилища № 5, раскоп 1, слой 3, глубина отбора – 40 см, кв. 9031/1567	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
39	Левый ручей 2, пункт 1	СОАН-8595	3635±40	4085–3841	Уголь из очага жилища № 8, раскоп 1, слой 3, глубина отбора – 80 см, кв. 9031/1567	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
40	Левый ручей 2, пункт 1	СОАН-9142	3850±80	4514–3990	Углистая линза на плече жилища № 7, раскоп 4, слой 3, глубина отбора – 40–54 см, кв. 1537/9014–9015	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒
41	Левый ручей 2, пункт 1	СОАН-9143	3740±60	4290–3905	Уголь из очага жилища № 7, раскоп 4, слой 3, глубина отбора – 40–54 см, кв. 1536/9013	Критерий 1 – ☒ Критерий 2 – ☒ Критерий 3 – ☒

Примечание: № 1–21 – по: [13]; № 22–27 – по: [4], № 40–41 – даты из раскопа А.В. Можаяева 2012 г. Даты, обозначенные значком «*», – по образцам нагара на керамике, остальные – по древесному углю.

Условные обозначения:

	ненадежные даты
	сомнительные даты
	надежные даты

щих всем трем вышеупомянутым критериям (Табл. 1: № 33–41; Рис. 9). Таким образом, принимая в расчет только датировки, полученные в результате раскопок пункта 1 поселения Левый ручей 2, можно также выделить два хронологических этапа существования ИНК: ранний, синхронный керамике типа Тунайча, представлен жилищами № 3 и 5; поздний, синхронный раннему этапу ВНК и седыхинской культуре, – жилищами № 1, 7 и 8 (Рис. 9).

Таким образом, на фоне существования в позднем неолите на Сахалине трех вышеназванных археологических культур и отдельного типа керамики можно проследить интересную закономерность, которая заключалась в наличии двух традиций изготовления керамических сосудов. Первая предполагала изготовление тонкостенной (толщиной до 5 мм) орнаментированной керамики. К данной традиции относятся сосуды седыхинской и имчинской неолитических культур. Вторая традиция была ориентирована на изготовление толстостенных с примесью крупной раковины сосудов без орнамента: такова керамика венинской неолитической культуры и керамика типа Тунайча. В рамках III – начала II тыс. до н.э. эти культуры существовали синхронно и составляли основное содержание этапа позднего неолита на территории острова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевский А.А. Археологические раскопки поселения Река Малые Вени 1 на острове Сахалин в 2013 г., раскоп № 1. Сахалинская область. Муниципальное образование «Городской округ Ногликский». Южно-Сахалинск: СахГУ, 2017.
2. Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008.
3. Василевский А.А. Научный отчет о работах археологической экспедиции СахГУ в 2008 г. Т. 1. Отчет отряда 1. Археологические раскопки могильника Большой Гаромай 4 в Ногликском районе Сахалинской области. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2009.
4. Василевский А.А., Грищенко В.А., Федорчук В.Д., Можаяев А.В. Археологические исследования Сахалинского государственного университета в 2003–2007 гг. // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой: сборник научных трудов. Владивосток: ООО «Рея», 2010. С. 73–88.
5. Васильевский Р.С. Имчинский бескерамический комплекс на о. Сахалине // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1973. Вып. 2. № 6. С. 127–133.
6. Васильевский Р.С., Голубев В.А. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). Новосибирск: Наука, 1976.
7. Вязовская В.В. Микролиты Северного Сахалина // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 1973. С. 255–257.
8. Грищенко В.А. Археологические исследования на поселении Чайво-6, пункт 2, в Ногликском районе Сахалинской области // Ученые записки Сахалинского государственного университета: сборник научных статей. Вып. VII. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2008. С. 26–37.
9. Грищенко В.А. Леворучьинский комплекс ранней фазы среднего неолита острова Сахалин. Раскопки поселения Левый ручей 2, пункт 2 в 2011 г., раскоп № 2. Южно-Сахалинск, 2018.
10. Грищенко В.А. О возрасте имчинского бескерамического комплекса и имчинской неолитической культуры по результатам раскопок пункта 1 поселения Левый ручей 2 (Северный Сахалин) // Тихоокеанская археология: новые материалы, проекты, исследования. V Международный симпозиум, г. Владивосток, 6–9 мая 2022 г.: тезисы докладов. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2022. С. 40–45.
11. Можаяев А.В. Археологические раскопки жилища имчинской неолитической культуры на поселении Левый-2 в 2012 г. // Ученые записки Сахалинского государственного университета: сборник научных статей. Вып. X. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2013. С. 113–117.
12. Шевкомуд И.Я. Поздний неолит нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН, 2004.
13. Шубин В.О., Шубина О.А. Новые радиоуглеродные датировки археологических памятников Сахалинской области // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1987. С. 95–103.
14. Шубина О.А. Жилища поселений имчинской неолитической культуры (Северный Сахалин). Препринт. Южно-Сахалинск: ИМГиГ, СОКМ, 1987.
15. Шубина О.А. Каменный век Северного Сахалина (имчинская неолитическая культура): автореф. дис. ... канд. ист. н. Л., 1990.
16. Яншина О.В. Керамика поселения Имчин-2 и некоторые проблемы изучения Имчин-

ской культуры // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 1. С. 40–58.

17. Graf, K.E., 2009. «The good, the bad, and the ugly»: evaluating the radiocarbon chronology of the middle and late Upper Paleolithic in the Enisei River valley, south-central Siberia. *Journal of Archaeological Science*, Vol. 36, no. 3, pp. 694–707.

18. Vasilevsky, A.A. and Shubina, O.A., 2006. Neolithic of the Sakhalin and Southern Kurile Islands. In: Nelson, S.M., Derevianko, A.P., Kuzmin, Ya.V. and Bland, R.I. eds., 2006. *Archaeology of the Russian Far East: essays in Stone Age prehistory*. Oxford: Archaeopress, pp. 151–166.

REFERENCES

1. Vasilevskii, A.A., 2017. *Arkheologicheskie raskopki poseleniya Reka Malye Veni 1 na ostrove Sakhalin v 2013 g., raskop № 1. Sakhalinskaya oblast'. Munitsipal'noe obrazovanie «Gorodskoi okrug Noglikskii»* [Archaeological excavations of Reka Malye Veni 1 settlement on Sakhalin Island in 2013, excavation no. 1. Sakhalin oblast. Nogliksky district]. Yuzhno-Sakhalinsk: SakhGU. (in Russ.)

2. Vasilevskii, A.A., 2008. *Kamennyi vek ostrova Sakhalin* [The Stone Age of Sakhalin Island]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

3. Vasilevskii, A.A., 2009. *Nauchnyi otchet o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii SakhGU v 2008 g. T. 1. Otchet otryada 1. Arkheologicheskie raskopki mogil'nika Bol'shoi Garomai 4 v Noglikskom raione Sakhalinskoi oblasti* [Scientific report on the work of the archaeological expedition of Sakhalin State University in 2008. Vol. 1. Report of the team 1. Archaeological excavations at Bolshoi Garomai 4 burial ground in Nogliksky district, Sakhalin oblast]. Yuzhno-Sakhalinsk: SakhGU. (in Russ.)

4. Vasilevskii, A.A., Grishchenko, V.A., Fedorchuk, V.D. and Mozhaev, A.V., 2010. *Arkheologicheskie issledovaniya Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta v 2003–2007 gg.* [Archaeological research of the Sakhalin State University in 2003–2007]. In: *Priotkryvaya zavesu tysyacheletii: k 80-letiyu Zhanny Vasil'evny Andreevoi: sbornik nauchnykh trudov*. Vladivostok: OOO «Reya», 2010, pp. 73–88. (in Russ.)

5. Vasil'evskii, R.S., 1973. *Imchinskii beskeramicheskii kompleks na o. Sakhaline* [The nonceramic complex at Imchin, Sakhalin],

Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk, Vol. 2, no. 6, pp. 127–133. (in Russ.)

6. Vasil'evskii, R.S. and Golubev, V.A., 1976. *Drevnie poseleniya na Sakhaline (Susuisкая stoyanka)* [Early settlements in Sakhalin: the Susuya site]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

7. Vyazovskaya, V.V., 1973. *Mikrolity Severnogo Sakhalina* [Microliths of Northern Sakhalin]. In: *Istoriya i kul'tura narodov Dal'nego Vostoka. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo*, 1973, pp. 255–257. (in Russ.)

8. Grishchenko, V.A., 2008. *Arkheologicheskie issledovaniya na poselenii Chaivo-6, punkt 2, v Noglikskom raione Sakhalinskoi oblasti* [Archaeological research at Chaivo-6 settlement, point 2, in Nogliksky district, Sakhalin oblast]. In: *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta: sbornik nauchnykh statei. Vyp. VII. Yuzhno-Sakhalinsk: Izd-vo SakhGU*, 2008, pp. 26–37. (in Russ.)

9. Grishchenko, V.A., 2018. *Levoruch'inskii kompleks rannei fazy srednego neolita ostrova Sakhalin. Raskopki poseleniya Levyi ruchei 2, punkt 2 v 2011 g., raskop № 2* [The Levoruchinsky complex of the early phase Middle Neolithic on Sakhalin Island. Excavation of the Levy Ruchey 2, point 2 settlement in 2011, excavation area no. 2]. Yuzhno-Sakhalinsk. (in Russ.)

10. Grishchenko, V.A., 2022. *O vozraste imchinskogo beskeramicheskogo kompleksa i imchinskoi neoliticheskoi kul'tury po rezul'tatam raskopok punkta 1 poseleniya Levyi ruchei 2 (severnyi Sakhalin)* [On the age of the nonceramic complex at Imchin and the Imchin Neolithic culture based on the results of excavations of Levy Ruchey 2, point 1 settlement (Northern Sakhalin)]. In: *Tikhookeanskaya arkheologiya: novye materialy, proekty, issledovaniya. V Mezhdunarodnyi simpozium, g. Vladivostok, 6–9 maya 2022 g.: tezisy dokladov*. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2022, pp. 40–45. (in Russ.)

11. Mozhaev, A.V., 2013. *Arkheologicheskie raskopki zhilishcha imchinskoi neoliticheskoi kul'tury na poselenii Levyi-2 v 2012 g.* [Archaeological excavations of the pit dwelling of the Imchin Neolithic culture at Levy-2 settlement in 2012]. In: *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta: sbornik nauchnykh statei. Vyp. X. Yuzhno-Sakhalinsk: Izd-vo SakhGU*, 2013, pp. 113–117. (in Russ.)

12. Shevkomud, I.Ya., 2004. *Pozdnii neolit nizhnego Amura* [Late Neolithic of Lower Amur region]. Vladivostok: DVO RAN. (in Russ.)

13. Shubin, V.O. and Shubina, O.A., 1987. Novye radiouglerodnye datirovki arkheologicheskikh pamyatnikov Sakhalinskoi oblasti [New radiocarbon dates of the archaeological sites of Sakhalin oblast]. In: Drevnosti Sibiri i Dal'nego Vostoka. Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 95–103. (in Russ.)

14. Shubina, O.A., 1987. Zhilishcha poselenii imchinskoi neoliticheskoi kul'tury (Severnyi Sakhalin). [The dwellings of the Imchin Neolithic culture settlements (Northern Sakhalin)]. Yuzhno-Sakhalinsk: IMGiG, SOKM. (in Russ.)

15. Shubina, O.A., 1990. Kamennyi vek Severnogo Sakhalina (Imchinskaya neoliticheskaya kul'tura) [The Stone Age of Northern Sakhalin (Imchin Neolithic culture)], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Leningrad. (in Russ.)

16. Yanshina, O.V., 2018. Keramika poseleniya Imchin-2 i nekotorye problemy izucheniya Imchinskoi kul'tury [Towards understanding the Imchin culture, its ceramics, chronology and origin], Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii, no. 1, pp. 40–58. (in Russ.)

17. Graf, K.E., 2009. «The good, the bad, and the ugly»: evaluating the radiocarbon chronology of the middle and late Upper Paleolithic in the Enisei River valley, south-central Siberia. Journal of Archaeological Science, Vol. 36, no. 3, pp. 694–707.

18. Vasilevsky, A.A. and Shubina, O.A., 2006. Neolithic of the Sakhalin and Southern Kurile Islands. In: Nelson, S.M., Derevianko, A.P., Kuzmin, Ya.V. and Bland, R.I. eds., 2006. Archaeology of the Russian Far East: essays in Stone Age prehistory. Oxford: Archaeopress, pp. 151–166.

Т.Ю. Сем*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И РИТУАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОРНАМЕНТЕ АМУРСКИХ НАНАЙЦЕВ

Статья посвящена семантике современного орнамента амурских нанайцев. Исследование основано на материалах, собранных автором в ходе экспедиции 2021 г. в Нанайский и Хабаровский районы Хабаровского края. Используя комплекс методов – кросс-культурный, семиотический и иконографический, автор демонстрирует развитие образов и мотивов в орнаменте, сохранение традиций и их трансформацию. В современном орнаментальном творчестве нанайцев сохраняются значимые знаково-символические образы традиционной культуры, такие как родовое древо, мифологический брак женщины и зверя, змее-дракон, шаманские духи-помощники и т.д.

Ключевые слова: нанайцы, орнамент, семантика, символы, мифология, шаманизм

The reflection of mythology and rituals in the modern ornaments of the Amur Nanais. TATYANA Yu. SEM (Russian Museum of Ethnography)

The article is devoted to the semantics of the modern ornaments of the Amur Nanais. The study is build around the materials collected by the author during the 2021 expedition to the Nanaysky and Khabarovsk districts of Khabarovsk Krai. Using cross-cultural, semiotic and iconographic methods, the author demonstrates the development of images and motifs in the ornaments, the preservation of traditions and their transformation. The modern ornaments of the Nanai people present significant iconic and symbolic images of traditional culture such as family tree, mythological human–animal marriage, dragon snake, shaman’s spirit helpers, etc.

Keywords: Nanai people, ornament, semantics, symbols, mythology, shamanism

Введение

Изучение современного состояния орнаментального искусства нанайцев как одной из форм трансляции исторической памяти, раскрывающей этнокультурную идентичность этноса, является актуальной задачей современной этнографии. Именно в орнаменте сохраняются мифологические архетипы традиционного мировоззрения. Будучи направленным на восстановление орнаментальных традиций этноса,

данное исследование представляет собой актуальный пример взаимосвязи науки и общества в деле сохранения и развития этнических традиций в эпоху глобализации.

Орнаментальное творчество – это символическо-знаковое чувственное восприятие действительности и его интерпретация в коллективном сознании этнического общества. Через различные образы орнамента воспроизводятся символы культуры, транслируясь из поколения в поколение.

* Сем Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея.

E-mail: semturem@mail.ru

© Сем Т.Ю., 2023

Изучением нанайского орнамента занимались многие известные ученые: Б. Лауфер, С.В. Иванов, Н.В. Кочешков, П.Я. Гонтмахер, Л.П. Тарвид, С.В. Березницкий и др. В некоторых ранних исследованиях обращалось внимание на то, что нанайская культура является эпицентром орнаментики на Амуре [11; 38]. Вероятно, это предположение было сделано в связи с высокой степенью изученности орнамента нанайцев в сравнении с другими амурскими народами, большей численностью данного этноса, его особым географическим, геополитическим и геокультурным положением на Амуре.

В трудах по декоративно-прикладному искусству нанайцев отмечаются основные черты и особенности их орнаментального творчества [8; 10; 11; 12; 24, с. 56–70; 25, с. 41–50; 31]. Еще И.А. Лопатин писал о высокой степени развития искусства у гольдов, в чем проявилась «любовь к красоте, любовь к творчеству, вымыслу, поэзии» [14, с. 331]. Л.Я. Штернберг заметил интересную закономерность развития нанайского орнамента: его распространение за пределы проживания данного этноса. Он писал: «Через посредство нивхов изделия нанайских мастериц попадали на Сахалин к орокам» [34, с. 469]. О высокой художественности предметов культуры народов Амура, характеризующихся богатством декоративных форм и ярким колоритом, писал в своем капитальном труде С.В. Иванов [11, с. 317, 333]. Он отмечал глубокую древность и ярко выраженное своеобразие, местные истоки амурского орнамента [11, с. 424]. П.Я. Гонтмахер, изучая орнамент нанайцев, следующим образом охарактеризовал его культурные особенности: «...Он был тем духовным началом, с помощью которого люди стали передавать свои мысли, производственный и эстетический опыт. ... Орнамент для нанайцев – это своеобразная модель гармонии мира, в которой условным языком выражены их мысли, мечты, понятия о гармонии природы» [8, с. 166–167]. С.В. Березницкий исследовал современное декоративно-прикладное искусство народов Амура как компонент этнокультурной идентичности, его трансформацию в условиях киберпространства, влияние мировых религий на традиционный художественный канон, а также сущность энергетики орнамента [5; 6; 36].

Классифицируя мотивы нанайского орнамента, Б. Лауфер выделил следующие разновидности: ленточный, спиральный, спирально-ленточный, циркульный, петушиный,

рыбий, драконовидный, оленин, орнамент частей животных, растительный [38]. Исследователь обратил внимание на то, что в нанайском традиционном орнаменте отсутствуют изображения человеческих лиц и форм [38, р. 7]. Тем не менее, несколько ранее, в середине XIX в., Л.И. Шренк отмечал наличие человеческих лиц в орнаменте нивхов. Он считал их магическим оберегом от злых духов [33, т. 2, с. 91–92].

С.В. Иванов приводит несколько иную классификацию нанайского орнамента: растительный, зооморфный (дракон, рыба, птица), облаковидный, геометрический. Он, как и Б. Лауфер, исключал наличие в нанайском орнаменте антропоморфных образов [11, с. 381]. Интересно, что П.Я. Гонтмахер выделил в нанайском орнаменте сложные композиции, переходящие из одного в другой образы дево-птицы-рыбы или дево-дракона-медведя в древе жизни [8, с. 169]. То есть он признавал наличие зооморфно-растительно-антропоморфных элементов в орнаменте нанайцев, но не рассматривал их подробно. Т.Ю. Сем в специальной статье о семантике нанайского орнамента писала о сохранении антропоморфных образов в криволинейном орнаменте нанайцев на традиционных и современных образцах свадебной и праздничной одежды из фондов Российского этнографического музея (РЭМ). Реконструировав семантику нанайских орнаментов на свадебной и праздничной одежде, исследователь предположила, что они представляли собой образы верховных божеств плодородия, хозяев растительного мира. Эти мужские и женские образы переплетались с древом жизни и мордами тотемных животных (тигра, медведя, дракона, оленя) [26, с. 210–216]. Выводы автора находят подтверждение в художественных работах известной народной мастерицы Л. Пассар, которые хранятся в фондах РЭМ. Она изобразила на своих картинах родовое древо и образы животных-предков. Л. Пассар также записала родовые легенды о происхождении нанайских родов от животных: рода Ходжер – от водного дракона Пуймура, рода Оненко – от изюбря Боган, рода Самар – от коршуна Пичуэн, рода Актанка и Бельды – от тигра, рода Пассар – от солнечного змея Мудура [17].

Исследования начала XXI в. по традиционному орнаментальному творчеству народов Амура и Сахалина (эвенков-орочонов, нанайцев, уильта, удэгейцев) показали, что мотивы традиционного орнамента связаны с мифоло-

гией, космогонией, ритуалами, шаманизмом и разделяются на геометрические и криволинейные, включая зооморфные, растительные и антропоморфные элементы [20; 21; 26]. Целью настоящей работы является выявление сюжетов и мотивов современного орнамента нанайцев Амура в рамках традиционного мировоззрения. В своем исследовании мы стремимся показать развитие образов и мотивов, сохранение традиций и их трансформацию. Исследование основано на применении комплекса методов – кросс-культурного, семиотического и иконографического.

Источником для написания настоящей статьи послужили материалы экспедиционной поездки автора в июне 2021 г. в Хабаровский край к амурским нанайцам сел Троицкое, Джари, Найхин, Даерга, Нижняя Манома и Сикачи-Алян. В результате данной экспедиции были собраны многочисленные ценные сведения о материальной и духовной культуре нанайцев, включая традиции, связанные с шаманизмом, мировоззрением, одеждой, орнаментом и пр. Иллюстративный материал был получен от местных мастериц, а также найден в коллекциях местных музеев и национальных центров сел Троицкое, Джари, Найхин, Сикачи-Алян, что позволило создать репрезентативную источниковую базу по орнаменту современных нанайцев.

Семиотика современного нанайского орнамента

Изучение материалов, собранных в ходе экспедиции 2021 г., показало, что в своем современном орнаментальном творчестве нанайцы в определенной степени продолжают традиции предков. Мастерицы используют в работах старые лекала и образцы, полученные от своих мам и бабушек графареты орнаментов, которые воспринимаются современными нанайскими мастерами как канонические. Однако мотивы орнамента воспроизводятся механически, как дань традиции: к сожалению, знание символики и семантики орнаментов сегодня в значительной степени утрачено. Только некоторые нанайские мастерицы интересуются их значением. Наиболее часто им удается распознать образы родового древа, тотемных животных. Антропоморфные мотивы и сюжеты распознаются реже и уже не ассоциируются с божествами. Сюжетные композиции, связанные с ритуалами, уже не прочитываются

современными нанайскими мастерицами, хотя еще в середине XX в. и вплоть до начала 1990-х гг. семантика антропоморфных изображений связывалась с божествами-прародителями и шаманскими образами. Информация об этом, относящаяся к 1950–1970 гг., имеется в личном архиве Л.И. Сем. Она писала, что в орнаментах, по сведениям нанайских мастериц из с. Найхин, имеются изображения богини-прародительницы Омози мама или Майдя мама и божества-прародителя Мергена или Ерха мергена. И.А. Росугбу и А.А. Чадаева в 1980-х – 1990-х гг. в работах о куклах нанайцев и ульчей писали о восприятии куклы как образа богини плодородия, связанного с культом женских предков, что подтверждается общностью орнаментальных изображений на одежде нанайских кукол и на свадебно-праздничной одежде [16; 18; 32, с. 39, 52].

Согласно нашим полевым исследованиям, современные орнаменты нанайцев включают зооморфные образы (птиц, парнокопытных, хищных зверей, пресмыкающихся, земноводных, рыб и насекомых), растительные мотивы, изображения антропоморфных фигур и шаманские мотивы. Орнаментальное творчество современных нанайцев Нижнего Амура отражает художественное восприятие коллективным сознанием народа природы и человека, животного и растительного мира, а также шаманской практики.

Зооморфные образы

Наиболее распространенными зооморфными образами современного нанайского орнамента являются изображения птиц, парнокопытных, хищников и пресмыкающихся.

Птицы. Среди изображений птиц в современном орнаменте нанайцев встречаются образы филина, орла, водоплавающей птицы, лебедя, кукушки, утки. Наиболее часто на одежде имеются изображения профиля водоплавающей птицы с рыбками или зародышами. У этой птицы обозначен хохолок, крылья и перья завитками и спиралями. В теле птицы иногда изображаются зародыши в форме запятой типа восточноазиатских бусин-магатама, которые изображают души детей. В таком изображении водоплавающая птица с зародышами символизировала подательницу душ людей с родового небесного древа жизни, хозяйкой которого являлась богиня-прародительница Омсон мама или Майдя мама. Также на теле птицы часто

изображали S-образные завитки или спирали. Интересно, что спираль была связана с мифическим образом скручивания женским первопредком Мамельди вод океана и их последующим превращением в землю (Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, далее – НА МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 62. Л. 48). В подобном изображении водоплавающей птицы заметна связь с мифом о птице, ныряющей в воды первоизданного океана за землей. Образ птицы традиционно был парным. В этнической культуре народов Дальнего Востока он часто встречается на шаманской одежде нанайцев и негидальцев.

В композиции с парой водоплавающих птиц в центре изображался орел с распростертыми крыльями, его голова обозначалась овалом и двумя спиралями завитков, крылья – овалами с растительным спиральным орнаментом на них, хвост – овалами и завитками. Такой образ орла сопоставим с изображением птицы грома *кōри* на шаманском бубне уильта Сахалина (РЭМ, кол. 2079-2а); [29, с. 389]. Он также коррелирует с изображением орла у алеутов, имевшим мифологическую связь с хозяйкой охоты на морских и сухопутных животных.

Довольно часто в современном орнаменте на одежде и коврах нанайцев встречается образ филина. Он имеет глаза-спирали, контур головы оформлен в виде трехчастной вьющейся линии с ушками вверху, нос обозначен угольником, низ личины оформлен двумя фигурными линиями. На образце орнамента на ковре филин изображен рядом с антропоморфными фигурами мужчин и встроено в спирально-растительный орнамент. Его голова имеет сердцевидную форму, глаза – форму спирали, нос – угольник, брови – в форме рогатины, уши изображены как S-образные завитки. В данной композиции мужчина стоит верхом на голове филина, что демонстрирует подчиненное положение птицы как духа-помощника. Образ филина встречается на шаманской ритуальной скульптуре эвенков и удэгейцев, у которых он символизировал ясновидящую птицу, духа-помощника шамана. Этот образ также часто встречался в орнаментальном искусстве айнов и уильта Сахалина, которые идентифицировали птицу в качестве своего предка [16, с. 103; 21, с. 147–148].

Интересно вышитое изображение белых лебедей в профиль на свадебном женском халате. На спине халата также имеются сдвоенные изображения лебедей. В теле птиц изображены

спиралевидные завитки. Образ лебедя в нанайской мифологии также связан с творением мира [38, р. 749–750].

На газетнице мастерицы В.В. Дубовиковой-Бельды из с. Троицкое вышита бисером кукушка в реалистическом стиле. Ниже помещен узор с мифологической композицией о браке женщины и тигра. Представляется, что кукушка выступает на данном изображении в роли рассказчицы этого мифа.

На поле одного свадебного халата, выполненного по традиционным канонам, мастерица вышила синими нитками уток в профиль с хохолками на голове, спиралями на крыльях и хвосте, с чешуей на теле. Здесь приемы изображения птицы, очевидно, подверглись русскому влиянию.

Наряду с образами птиц, связанных с мифологическими сюжетами, в современном орнаменте нанайцев встречается образ мифической шаманской птицы *кōри* с расправленными крыльями. Этот образ в фольклоре нанайцев ассоциировался с орлом. Его семантика двояка: с одной стороны, тень от птицы, упавшая на человека, приносила ему счастье, с другой стороны, эта птица ассоциировалась со злом и смертью, верхом на ней шаман возвращался из мира мертвых бун. *Кōри* – железная, хищная птица, образ духа, находящегося на границе среднего и нижнего мира, помощник шамана [29, с. 415].

Парнокопытные. На коврах и халатах современных нанайцев имеются изображения фигур изюбров или оленей, часто с повернутой назад головой, встречаются также распластанные фигуры оленя. На женском праздничном халате из рыбьей кожи мастерицы В.В. Бельды (Рис. 1) изображена целая композиция, в которой присутствует изображение оленя в криволинейном стиле рядом с родовыми деревьями. На детском халате из рыбьей кожи изображена распластанная шкура оленя с копытами-цветами или трилистниками, от которого по сторонам отходят изображения зародышей. Вероятно, с этим образом связан персонаж верховного пантеона – космическая лосиха, богиня вселенной и душ детей и зверей, известная в ороческой, нанайской и эвенкийской мифологии [2, с. 30; 3, с. 23, 83; 7, с. 184; 22, с. 166–168]. На одной из картин мастерицы Е.А. Киле, называемой «Мой мир», изображены листочки дерева с различными сюжетами, на одном из них помещен изюбрь с повернутой головой, вся фигура которого состоит из завитков.

*Рис. 1. Халат с изображением водоплавающих птиц, змей, оленей и деревьев. Рыбья кожа.
Работа В.В. Бельды, с. Джари, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем*

Хищные звери. Наиболее часто на одежде и ковриках нанайских мастериц изображаются фигуры и морды хищных животных – тигра (Рис. 2), медведя, волка. Большинство сюжетов с образами тигров и медведей связаны с нанайской мифологией.

На халате, сшитом А.К. Бельды (с. Даерга), в фигуру женщины вписана морда тигра. Глаза выполнены спиральными завитками, пасть зверя скобообразная. Эта композиция осознается как отражение тотемического мифа о родстве зверя и человека. На газетнице в доме мастерицы имеется белая аппликация морды тигра с глазами в виде спиралей, лба в виде галочки, носа в виде трилистника и пасти, выполненной как полуовал с растительно-спиральными ответвлениями. Фигура расположена рядом с двумя женскими изображениями. Эта композиция также иллюстрирует миф о браке женщины и тигра. В школьном музее с. Найхин имеется ковер 1950-х гг., композиция которого включает центральную ячейку и окружающие ее изображения. В центре расположена морда тигра, вписанная в квадрат. Глаза животного обозначены двумя спиралями, уши и лоб изображены в форме скобы и овалов, пасть – в виде овала с ромбом в центре, нос сердцевидный. На щеках – овальные завитки, изображающие когти зверя. По бокам расположены фигуры птиц с зародышами и женские фигуры прародительниц, что также, очевидно, говорит о связи с тотемным мифом.

На вороте распашного халата из парчи работы В.В. Дубовиковой-Бельды помещена морда тигра со спиралями глаз, сердцевидным носом, скобой с ушками сверху и треугольной пастью с растительными элементами. Образ тигра в данной трактовке изображает зверя как предка рода [1, с. 235; 14, с. 208; 27, с. 79; 30, с. 90]. На спинке свадебного халата мастерицы З.Н. Бельды из фондов музея с. Троицкое имеется изображение двух тигров под родовым деревом. На другом свадебном халате той же мастерицы над разрезом внизу спинки имеется личина тигра в растительно-спиральном оформлении. На квадратном коврике из культурного центра с. Сикачи-Алян изображена розетка из четырех мужских фигур, по сторонам от которой помещен орнамент в виде тигриных морд.

Наиболее часто в орнаментальных сюжетах современные нанайские мастерицы использовали изображение «личины» медведя. Так, морда медведя изображена на вороте халата мастери-

цы А.К. Бельды (с. Даерга): глаза зверя показаны в виде сдвоенной спирали, нос – в виде овала, нижняя челюсть – в виде фигурной скобки, верхний контур образован галочкой и овальными ушками. На одном образце орнамента из рыбьей кожи мастерица В.В. Бельды (с. Джари) выполнила образ стоящего на задних лапах медведя с криволинейно-спиральным орнаментом в теле, по форме напоминающий медведей из русских сказок и мультипликации. Шаблон орнамента из бересты В.В. Дубовиковой-Бельды изображал голову медведя с криволинейно-растительным орнаментом и завитками внутри. На вороте халата из Центра нанайской культуры с. Джари изображена морда медведя, глаза которого образованы двумя спиралями, нос – двумя завитками. В фондах музея с. Троицкое имеется нарукавник работы З.Н. Бельды, который сшит из черной ткани и украшен узором в виде вытянутой морды медведя, вышитым цветными шелковыми нитками. Это изображение типично для рисунков красками по ровдужным халатам (у нанайцев в конце XIX в.) и по рыбьей коже (у удэгейцев и орочей). Медведь здесь рассматривается как предок людей, в то же время он мог восприниматься в качестве хозяина тайги, а тигр – в качестве хозяина гор, при этом оба связаны с представлениями о душах людей и зверей [2, с. 35; 7, с. 207, 215]. Фигура медведя в полусидящей позе, выполненная на картине из культурного центра с. Сикачи-Алян, состоит из спиралей и завитков и расположена между двумя деревьями. Согласно шаманской мифологии, медведь Дуэнтэ считался хозяином дерева жизни и обитал в его корнях (НА МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 6. Л. 1–4, 33–34). На костяном магическом кольце удачливого охотника тигр, медведь и рыба изображены как символы трех миров [28, с. 35–36].

Образ волка в современном орнаменте нанайцев встречается реже, но играет в мировоззрении представителей этого народа важную роль. Изображение волчьей морды встречается на панно и газетнице: голова и нос – в виде трилистника, скулы – в виде двойной спирали, уши – в виде цветков и пасть – в виде фигурной скобы. Морда волка встречается в композиции рядом с образом женщины-прародительницы, что служит иллюстрацией мифа о браке человека с волком. Таким образом, волк, как тигр и медведь, предстает как предок человеческого рода [27, с. 107]. Встречается и отдельное изображение морды волка на клапане панно

Рис. 2. Изображение тигриной морды на ковре. Аппликация на ткани.
Школьный музей с. Даерга, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем

(глаза-спирали, острые уши, нос в форме двулистника). Возможно, такое изображение волка связано с одной из ипостасей божества плодородия Ерха мергена, часто называемого в нанайском фольклоре «собачий сын», «огненный пес», «красный волк» [22, с. 329, 360, 347–358].

Среди вещей мастерицы В.В. Дубовиковой-Бельды имеется панно с фигурой лисы в криволинейно-реалистическом виде. Образ лисы широко распространен в бытовых сказках нанайцев о животных; это животное также рассматривается в качестве духа-помощника шамана [7, с. 129–130; 19, с. 40–41, 137, 142, 170].

Пресмыкающиеся. Нередко на изделиях нанайских мастериц можно встретить изображения пресмыкающихся – змей и мифологических драконов, черепах и ящериц.

Образу дракона (Рис. 3) отводится важная роль в орнаментальном творчестве современных амурских нанайцев. Его изображали на свадебной и праздничной одежде из шелка, ткани и рыбьей кожи, а также на коврах и картинах. У мастерицы С.З. Ходжер из с. Нижняя Манома образ дракона воплощен в образце аппликации и вышивки разноцветными шелковыми нитками. Дракон, по ее рассказам, считался предком рода и оберегом семьи. Интересно, что изображение дракона было выполнено ее бабушкой на ковре, который впоследствии достался внучке. Однако С.З. Ходжер передала его в музей, после чего заболела. Тогда ей приснился сон, в котором ее бабушка велела по старым образцам орнамента восстановить ковер и хранить его у себя как оберег. Ковер с изображением дракона должен был защищать от воздействия злых духов. Когда мастерица сделала это, она выздоровела: по ее мнению, дракон помог.

В музее с. Найхин хранится ковер с изображением женщины-прародительницы и морды тигра в центре, над которыми расположена фигура дракона как символа добра и счастья. На образце орнамента из Центра нанайской культуры с. Джари, выполненном из рыбьей кожи мастерицей В.В. Бельды, изображен S-образный трехлапый дракон с чешуей на теле. На выставке в Центре нанайской культуры с. Джари был представлен детский нагрудник с вышитыми парами водоплавающих птиц и змей с растительными элементами на хвостах. Эти персонажи связаны с мифом о доставании земли птицами и ее поддержании змеями или с мифом о творении земли из змей. По данным

Н.А. и А.Н. Липских, в космогоническом мифе нанайцев говорится о том, что богиня-прародительница Мамельди сотворила землю из девяти ручьев-змей (НА МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 62. Л. 48).

В фондах музея с. Троицкое хранится работа народной мастерицы З.Н. Бельды, представляющая собой праздничный левополюй женский халат, сшитый из белой ткани и украшенный орнаментом по плечам, верху рукавов и спинке. Орнамент выполнен в технике аппликации и представляет собой S-образные фигуры драконов. На спинке халата, ниже этих фигур, также изображены парные вытянутые фигуры драконов. Изображения драконов на этом изделии имели магический смысл и были призваны служить оберегами, дающими женщине счастье и благополучие. Среди картин Е.А. Киле из фондов музея с. Троицкое имелось изображение трех солнц и парных фигур драконов, выполненное в технике ажурной аппликации. Это изображение служит иллюстрацией мифа о трех солнцах, который имел широкое бытование у народов Амура и особое разнообразие вариантов которого отмечается у нанайцев. Сочетание образов солнца и дракона на картине отражает их прямую связь: образ солнечного змее-дракона, творца мира, известен в мифологии и представлениях эвенков, нивхов, нанайцев и айнов [33, т. 2, рис. 26; 37, р. 17].

У нанайцев традиционный орнамент, изображающий свернутого в спираль змея или дракона, выполнялся из бересты и помещался на ритуальных ковриках и утвари. Вероятно, с этим образом был связан какой-то ранний миф, который не был зафиксирован исследователями, но память о котором сохранилась в верованиях и искусстве народа. В космогоническом мифе айнов этот образ сохранился в виде двух первопредков, мужского и женского божества, изображаемых в виде двух змей [37, р. 17].

Черепаша работы мастерицы В.В. Бельды (с. Джари) выполнена из рыбьей кожи в технике ажурной аппликации. В тело черепахи помещен цветок, лапы оформлены в виде растительных завитков, голова – в виде овала с цветком внутри. Ритуальная скульптура черепахи из дерева использовалась у нанайцев в лечебной шаманской практике как символ земли и, как считалось, помогала от женских болезней. В долине р. Девятки имеется священная гора, которая ассоциировалась с образами мирового

*Рис. 3. Изображение дракона. Аппликация на ткани.
Работа С.З. Ходжер, с. Нижняя Манома, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем*

змея-дракона и черепахи – творцов мира, олицетворявших в мифологии нанайцев и других восточноазиатских народов верх и низ вселенной, мужское и женское начала природы, небо и землю, зиму и лето [9, с. 49, 146; 13, с. 6; 35, с. 110–111].

Изредка в орнаменте нанайских мастериц встречается изображение ящерицы как символа связи с потусторонним миром. В то же время это существо символизирует движение и жизненность, а также нижний мир: на свадебной одежде оно изображалось у корней родового дерева [4, с. 181; 12, с. 18; 32].

Земноводные. Изображения лягушки, символизовавшей связь с подземным миром, также чаще всего помещалось в корнях родового древа. На халате мастерицы В.В. Дубовиковой-Бельды (с. Троицкое) имеется композиция, включающая мужскую и женскую фигуры и лягушку. Эта композиция иллюстрирует мифологический сюжет о браке мужчины с лягушкой и девушкой. Голова лягушки изображена в виде сердцевидной фигуры, глаза – в виде спиралей, конечности – в виде двух завитков. Такая фигура лягушки часто встречается на орнаментах нанайских халатов конца XIX в. Известна и другая традиция изображения лягушки – с круглым туловищем, лапами в виде завитков и круглой головой, типичная для орнаментов, украшавших свадебную одежду. На халате современной мастерицы из с. Джари лягушка изображена между двумя драконами. В этом сочетании она, как и черепаха, символизирует землю, в то время как драконы – небо.

На халате из рыбьей кожи, сшитом В.В. Бельды, изображены рыбки, родовое древо, лягушка и олени. В этой композиции образ лягушки маркирует нижний мир. На панно той же мастерицы имеется вышитое изображение лягушки с личиной человека на теле. Здесь лягушка, возможно, предстает как средство передвижения между мирами для героя сказки. Обычно лягушка в представлениях нанайцев была связана с жизненностью, ее изображение одухотворяло объекты, поэтому ее, например, могли вырезать на рыболовном грузиле. Известны также лечебные фигурки в виде лягушек, изображавшие духов-помощников шамана. Аналогичные представления существовали и у удэгейцев. По данным Л.И. Шренка, фигурка лягушки, вырезанная из бересты, во время медвежьего праздника у нивхов накладывалась на нос медведя, в котором, как считалось, заключается его душа

[33, т. 3, с. 86]. Лечебная фигурка лягушки, вырезанная из дерева, нашивалась нивхами на одежду больного или надевалась в виде амулета на шею. В шаманском лечебном комплексе нанайцев лягушка, как и черепаха, отвечала за чадородие и женское здоровье [13, с. 96–97]. Лягушка в мифологии эвенков – участник творения мира [15, с. 19–20], а на петроглифах Нижнего Амура хозяйка вселенной Мамельди из космогонического мифа нанайцев изображена с глазами и ртом лягушки [22, с. 322]. В современных представлениях нанайцев лягушка связывается с богатством, промысловой удачей, здоровьем людей.

Рыбы. В нанайских орнаментах изредка встречаются образы рыб. Например, на одном из образцов аппликации для украшения халата рыбка изображена со спиральным хвостом и чешуей на теле. Часто с рыбой во рту изображаются водоплавающие птицы. Вероятно, символика рыб является отражением традиций ведения хозяйства и связана с рыболовством. Кроме того, некоторые виды рыб (кета, нерка) служат символами родства с аборигенными народами Амура (прежде всего – нивхами). Так, у восточных эвенков существует предание, согласно которому эпический герой-первопредок на востоке устанавливает традицию взаимных браков с племенем рыболовов и сам женится на девушке-нерке.

Насекомые. Из насекомых в современном орнаменте амурских нанайцев популярен образ бабочки. Мастерица Е.А. Киле на одном из своих триптихов в средней части изобразила бабочку со звездочкой как символ души человека. На образце орнамента из культурного центра с. Сикачи-Алян изображена фигура мужчины, стоящего на голове филина, а ниже – две птицы и две бабочки. Интересно, что у низовских нанайцев и ульчей имелись детские коврики с орнаментом в виде ажурных розеток, в которых расположены четыре бабочки [10, с. 327–328]. Их изображения связывались с представлениями о развитии души человека и бессмертии. По этой же причине у удэгейцев на гробе шаманки помещено изображение бабочек [23, с. 141].

Растительные образы

Наряду с изображениями животных в орнаментике современных нанайцев присутствуют и растительные образы. Чаще всего это родовое древо, а также спирально-растительные и цветочные элементы в оформлении различных

композиций орнамента. Спирально-растительные мотивы представляют выюнок из трилистников или двулистников, а также цветочные розетки. Исходно спиралевидный стиль орнамента использовался аборигенами Дальнего Востока, предками нивхов и айнов, от которых он проник в культуру тунгусов [11, с. 396–397].

Изображение родового древа чаще всего встречалось на свадебных халатах конца XIX в. Этот символ сохранился и в современном орнаментальном творчестве нанайцев. Наряду с одеждой образ родового древа теперь помещается и на коврах, и на берестяных картинах.

На картине из бересты, представленной в Центре нанайской культуры с. Джари (Рис. 4), такое древо изображено как пространство, включающее нанайские селения. В современного решения основу родового древа образует традиционное изображение дерева с волнистыми ветвями, по сторонам от которого расположены парные зооморфные образы. В располагающиеся на ветвях круги вписаны первые буквы названий нанайских селений, в том числе: ВН – Верхний Нерген, ВЭ – Верхняя Эконь, ДЖ – Джари, СА – Сикачи-Алян. На стволе вырезано слово «Мангбо», означающее название реки Амур. Таким образом, в современной трактовке родовое древо превратилось в топографическую карту народа.

На спинке свадебного халата из Центра нанайской культуры с. Джари, сшитого из китайского шелка с изображением кругов и драконов, вышито три родовых древа: большое в центре и два маленьких по бокам. На их ветвях помещены изображения птиц, а внизу – два оленя. Интересно, что на маленьких деревьях изображены мифические птице-змеи Бучу.

Часто спирально-растительные и цветочные элементы используются на картинах как обрамление для основной композиции. Они символизируют жизненность, рождение, развитие, цветение и связаны с культом плодородия (Полевые материалы автор, с. Джари, 2021 г.).

Антропоморфные образы

Рассмотренные выше образы животных и растений в современном нанайском орнаменте встречаются, как правило, в сочетании с антропоморфными образами, причем в соотношении с другими образами антропоморфные занимают лидирующую позицию. Их композиции включают мужские и женские фигуры, расположенные в круг или в ряд, по четыре или восемь.

Одианные фигуры встречаются реже. Антропоморфные изображения можно встретить на одежде, настенных ковриках, подстилках для табуретов и т.д.

Мужские фигуры изображаются в различной стилистике и символизируют чаще всего пляшущих человечков. Они представляются в виде Х-образных фигур или как сочетание двух спиралей рук и завитков ног, торс обычно с широкими плечами, треугольный. Иногда головы обозначаются кругом или овалом без черт лица или с трилистником внутри, маркирующим глаза и нос. Зачастую в одиночную мужскую фигуру бывают вписаны головы птиц (филин) или морды животных (тигр, медведь, дракон). Такого рода мужские фигуры чаще всего изображают шаманское божество плодородия, посредника между мирами. Его подчеркнутый фаллос призван символизировать плодотворность рода.

В орнаментальных композициях встречается сочетание мужских и женских фигур: они соединены в ряд или по кругу, как бы танцующими хоровод. Обычно круговой танец изображается вокруг цветка, символа огня и солнца. Этот сюжет распространен в орнаментах на одежде и берестяной утвари у многих тунгусо-маньчжурских народов – эвенков-орочонов, уильта Сахалина и нанайцев [21, с. 144–163]. Он служит отражением культа солнца и связанного с ним кругового коллективного танца-ритуала, исполняемого на календарных праздниках типа Икэнипкэ эвенков или Уунди нанайцев, удэгейцев и других народов Амура [22, с. 219]. Судя по рисунку Л.И. Шренка, круговые зимние танцы были также известны у нивхов [33, т. 2, табл. 11].

Женские образы в нанайском орнаменте чаще всего изображались путем соединения двух S-образных фигур без головы либо с овальной головой (Рис. 5). Тело могло быть обозначено ромбом. Такие фигуры символизировали женщину-прародительницу, богиню плодородия Омсон мама или Майдя мама. Голова у женских фигур также могла иметь форму сердца либо трилистника. Иногда на изображении двумя кружками маркировалась грудь. Редко женская фигура обозначалась Х-образно, как мужская фигура, т.е. как человек. Другие типы женских изображений ассоциировались с роженицами: обычно между ног у них помещалась фигурка человечка-ребенка. Часто женские фигуры сопровождались изображениями зародышей или

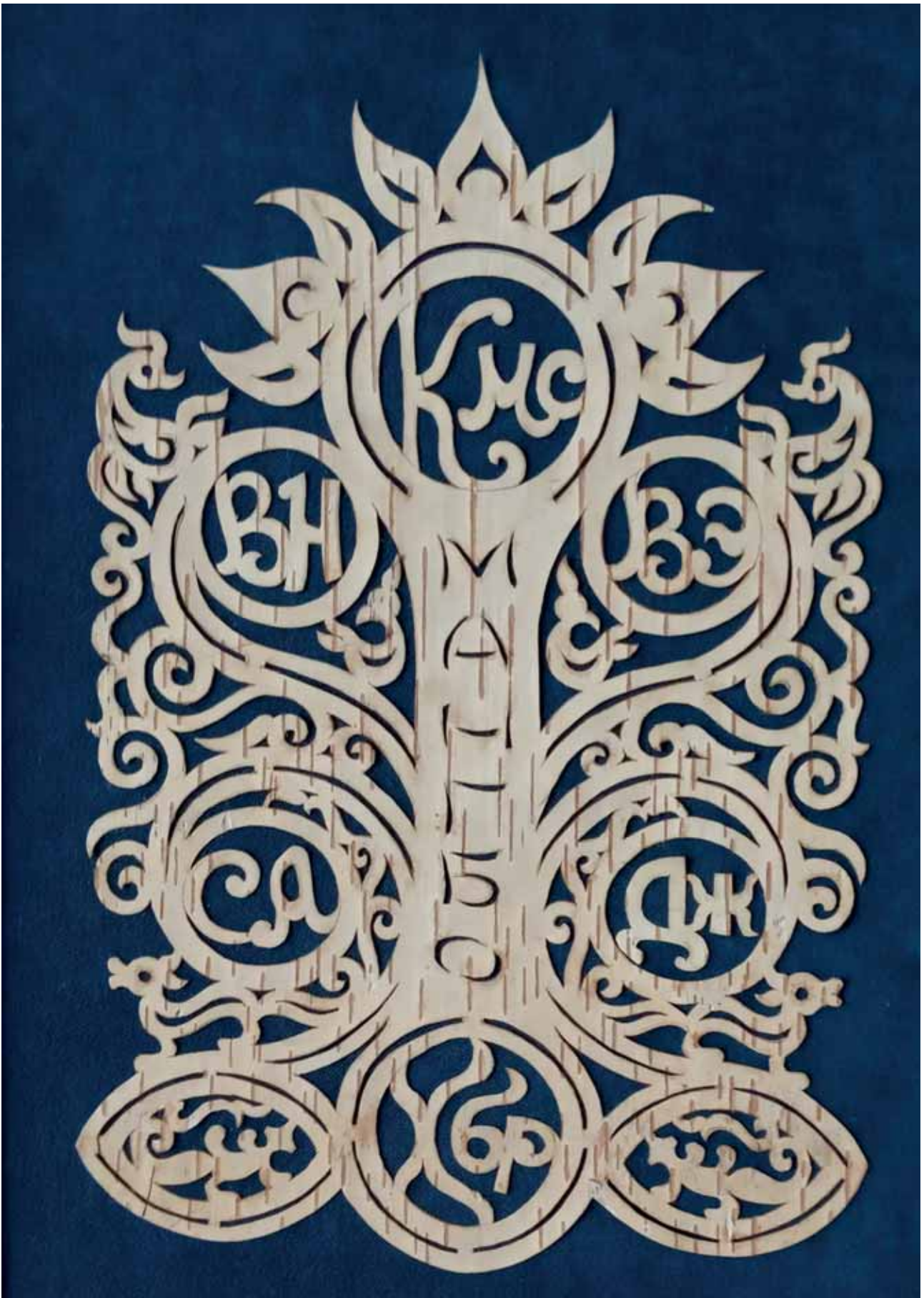

Рис. 4. Картина с изображением родового дерева – топографической карты района. Береста. с. Джари, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем

Рис. 5. Изображение женщины-прародительницы из триптиха о рождении человека. Аппликация на ткани. Работа В. Дубовиковой-Бельды, с. Троицкое, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем

птиц – символов душ детей, как бы подчеркивая силу плодородия. Имеются изображения женщин-прародительниц, вписанные в родовые деревья. Нередко в саму фигуру женщины-прародительницы могла быть вписана морда зверя, например, волка, тигра, дракона или медведя. Такие изображения иллюстрируют миф о браке женщины с животным, воспринимаемым как родовой предок.

Зачастую мужские и женские фигуры обрамлялись изображениями спирально-растительного орнамента и зародышей, подчеркивая их принадлежность к божествам плодородия и растительности. Интересно, что, согласно шаманскому мифу эвенков, именно дух леса Тегомар дал первоначально первый шаманский атрибут, бубен, и научил его камлать (Архив Российского этнографического музея. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119. Л. 48, 135).

Особую категорию образов в орнаменте современных амурских нанайцев составляют всевозможные шаманские изображения, которые пользовались популярностью в традиционной культуре и обретают новые воплощения сегодня. Их можно видеть на халатах, коврах, картинах и других изделиях. Так, антропоморфные фигуры с двумя головами, возможно, были связаны с шаманскими предками, которые у некоторых тунгусских народов (например, эвенков) изображались с двумя головами либо с одной головой, разделенной на две половины – светлую и темную. Подобным же образом выглядели у нанайцев и орочей деревянные идола шаманских духов-помощников. А эвенки шили из ровдуги подвеску к шаманскому кафтану в виде двухголового человечка – символа предка шамана (РЭМ, кол. 2245-118). Среди современных нанайских изделий Центра нанайской культуры с. Джари имеется нагрудник с изображением крупной антропоморфной личины, половина лица которой выполнена из светлой рыбьей кожи, а другая – из темной (Рис. 6). Подобная дихотомия на шаманских предметах и образах символизировала мифологическую оппозицию людей и духов. Возможно, так изображался предок шамана, известный по космогоническому мифу народов Амура как стрелок в три солнца и воспроизводимый по форме петроглифов Сикачи-Аляна.

Особое место среди современных шаманских изображений в орнаменте отводится личинам духов, причем на халатах их изображения размещаются на воротах, левой поле. Личины

духов с глазами в виде спиралей изображались на лепестках цветков, с зародышами, фигурами человечков, птиц, драконов, мифической птицей кбри. На халате из ткани черного цвета шаманки Н.Д. Заксор (с. Джари) по вороту и левой поле вышита цветными нитками личина духа с ярко-красными круглыми глазами, зловеще смотрящими на людей и охраняющими шаманку от злых духов. По-видимому, эти личины символизировали шаманских духов-помощников. На левой поле халата работы мастерицы Т.В. Бельды из с. Джари изображена двуглавая женщина-роженица, в которую вписана личина духа. Вероятно, здесь изображена мать близнецов как особое лицо, контактирующее с миром духов. На безрукавке работы З.Н. Бельды из фондов музея с. Троицкое вышиты личины духов, трактуемые как обереги. На панно из с. Сикачи-Алян в технике аппликации из рыбьей кожи вырезана фигура шаманки в халате, с бубном и колотушкой в руке в процессе камлания. Камлающая шаманка изображена и на картине современной мастерицы Е.А. Киле, хранящийся в музее с. Джари. Интересна еще одна ее картина с изображением трех солнц и парных драконов между ними. По сторонам этой композиции расположен личины духов, как бы охраняющих их. Сюжет этой картины навеян мифом о трех солнцах и стрелке Кадо, распространенным у нанайцев и других народов Амура.

Особый колорит имеет современная картина из культурного центра с. Сикачи-Алян, на которой изображен сидящий между двумя деревьями медведь. На стволе одного из деревьев помещены изображения личин-масок. Шаманские деревья играли важную роль в становлении шаманов. Не случайно современная мастерица поместила личины-маски, связанные с шаманством и ритуалами инициации, именно на древесный ствол: вероятно, они воспринимались как предки шамана. Образ медведя рядом с деревом жизни и шаманским деревом также не случаен. Согласно шаманской мифологии, медведь являлся хозяином древа жизни и, одновременно, воспринимался как муж хозяйки плодородия. В то же время медведь ассоциировался с нижним миром. Его изображение в ромбе имелось на литых бронзовых бляшках шаманских костюмов эвенков (РЭМ, кол. 8762-19194). Также медведь изображен как дух подземного мира на магическом костяном кольце для стрельбы из лука у нанайского охотника [28, с. 35–36].

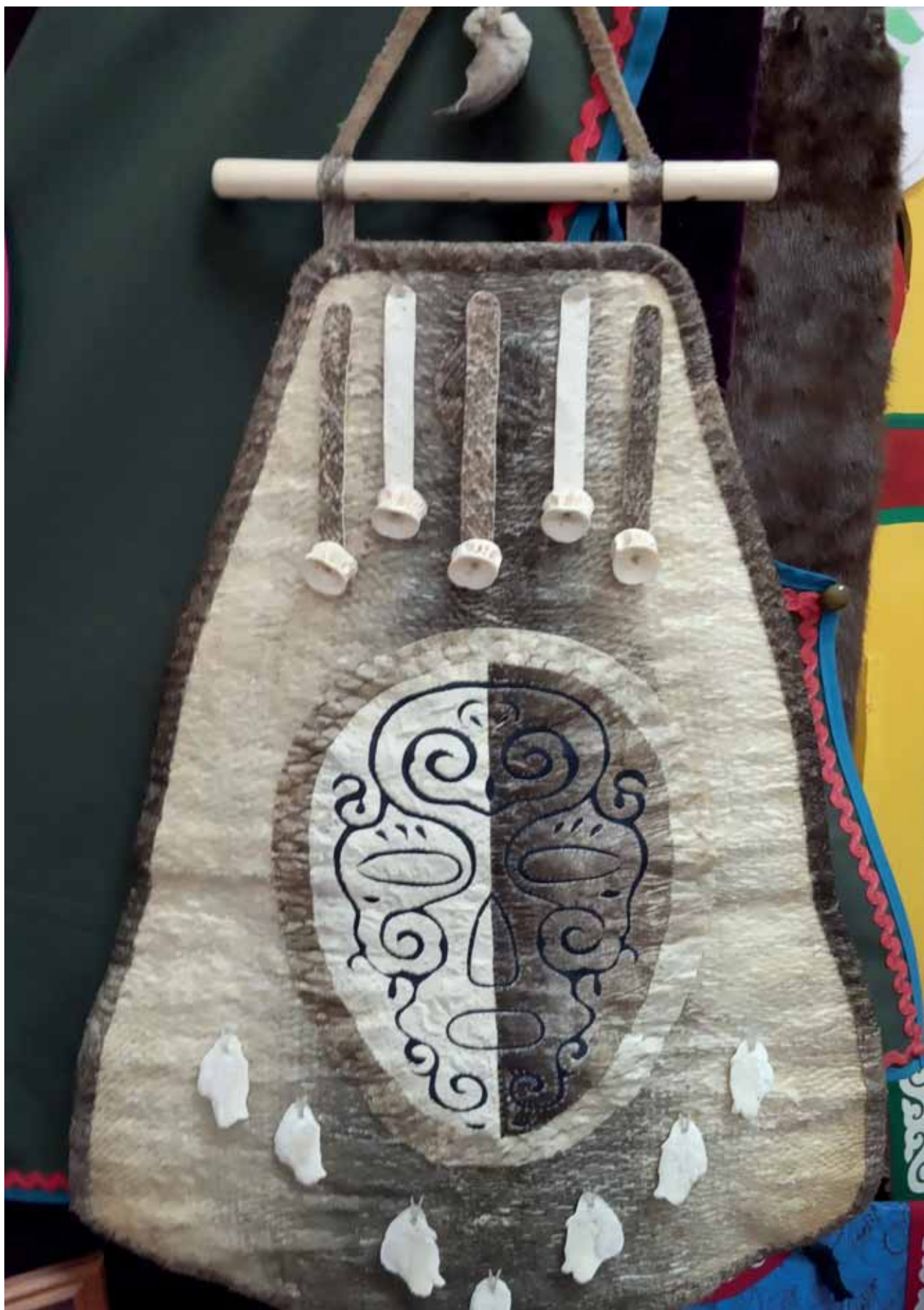

Рис. 6. Нагрудник с изображением личины шаманского духа. Рыбья кожа.
Работа сына В.В. Бельды, с. Джари, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем

Заключение

Таким образом, современная орнаментика нанайцев отражает ценностные характеристики культуры этого народа и сохраняет значимые семантические представления о природе, космосе и человеке. Осмысление традиций в современном орнаментальном творчестве нанайцев подчеркивает передачу из поколения в поколение исторической памяти, восприятие орнаментальных мотивов как сюжетов, связанных с мифологией, космогонией, шаманизмом, ритуальными танцами. Наличие в орнаменте на современных изделиях нанайцев зооморфных, растительных и антропоморфных мотивов свидетельствует о сохранении знаково-символических образов традиционной культуры в памяти современных мастериц. Речь идет прежде всего о таких образах, как родовое древо, мифологический брак женщины и зверя (тигра, медведя, волка, дракона), служащий оберегом змее-дракон, шаманские духи-помощники и т.д. Прослеживается сохранение иконографии антропоморфных образов богинь-прародительниц, которые, однако, уже не воспринимаются как сакральные. Мужские и женские образы пляшущих в круговом танце человечков сохранили иконографию, но утратили свою семантику. Отмечается также наличие восточноазиатских образов, таких как змея и черепаха, символизирующие оппозицию неба и земли, мужского и женского начал природы, а также изображения зародышей в форме восточноазиатских бусин-магатама. Наряду с этим имеются и некоторые незначительные инновации, возникшие под влиянием русской культуры. В современных картинах заметны новые модернистские веяния (использование аппликаций из рыбьей кожи, композиции в виде триптихов, новое прочтение традиционных образов и т.п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороческие сказки и мифы. Новосибирск: Наука, 1966.
2. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978.
3. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
4. Арсеньев В.К. Лесные люди удэхейцы // Арсеньев В.К. Сочинения: в 6-ти т. Т. 5. Владивосток: Примиздат, 1948. С. 137–209.

5. Березницкий С.В. Современное декоративно-прикладное и сценическое искусство коренных народов Амура и Сахалина как компоненты этнокультурной идентичности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. № 2. С. 55–68.
6. Березницкий С.В. Традициям предков верны: влияние мировых религий на мировоззрение аборигенов Дальнего Востока // Россия и АТР. 1996. № 4. С. 53–61.
7. Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003.
8. Гонтмахер П.Я. Нанайцы. Этюды о духовной культуре. Хабаровск: ХГПУ, 1996.
9. Джарылгасинова Р.Ш. Древние когуресцы: к этнической истории корейцев. М.: Наука, 1972.
10. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
11. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
12. Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX–XX вв.: проблемы этнических традиций. СПб.: Наука, 1995.
13. Кубанова Т.А. Ритуальная скульптура нанайцев: каталог. Комсомольск-на-Амуре, 1992.
14. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922.
15. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1984.
16. Островский А.Б., Сем Т.Ю. Коды коммуникации с богами: мифология и ритуальная пластика айнов. СПб.: Нестор-История, 2019.
17. Пассар Л. Легенды о происхождении нанайских родов // Северные просторы. 1989. № 2. С. 19–20.
18. Росугбу И.А. К вопросу о семантике ульчской игровой куклы // Фольклор и этнография народов Севера: межвузовский сборник научных трудов. Якутск: Северовед, 1998. С. 54–59.
19. Сем Л.И., Сем Ю.А. Мифы, сказки и предания нанайцев (гольдов, хэчжэ). СПб.: РГПУ им А.И. Герцена, 2020.
20. Сем Т.Ю. К вопросу об этнокультурных связях и семантике орнамента уйльта (ороков). Ч. 1. Основные мотивы криволинейного и гео-

метрического узора // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 37–56.

21. Сем Т.Ю. К вопросу об этнокультурных связях и семантике орнамента уйльта (ороков). Ч. 2. Зооморфные и антропоморфные мотивы // Россия и АТР. 2019. № 4. С. 144–163.

22. Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки. СПб.: Филфак СПбГУ, 2015.

23. Сем Т.Ю. Коллекции Ю.А. Сема и Л.И. Сем в собрании Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2. С. 135–143.

24. Сем Т.Ю. Коммуникация с природой в удэгейском орнаменте на берестяных коробках из коллекции Российского этнографического музея: символика образов // Homo Eurasicus в системах социальных и культурных коммуникаций. СПб., 2020. С. 56–70.

25. Сем Т.Ю. Мифология в орнаментике оро-чонов: символика и семантика образов // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 2. С. 41–50.

26. Сем Т.Ю. Образы богов плодородия в орнаментах на праздничной одежде нанайцев // Орнаментика в артефактах традиционных культур: материалы XV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2016. С. 210–216.

27. Сем Ю.А. Историческая этнография нанайцев: родовая организация и ее трансформация (по материалам XIX – начала XX в.). СПб.: Контраст, 2018.

28. Сем Ю.А. Пэрхи // Северные просторы. 1992. № 1–2. С. 35–36.

29. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. Т. 1. Л.: Наука, 1975.

30. Старцев А.Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе. Владивосток: Дальнаука, 2017.

31. Тарвид Л.П. Женское искусство народов Приамурья. Эволюция в контексте мифологии: дис. ... канд. ист. н. Владивосток, 2004.

32. Чадаева А.Я. Национальная игрушка: очерки о древних предках детской игрушки народностей Чукотки и Приамурья. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1986.

33. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края: в 3-х т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1883–1903.

34. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933.

35. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965.

36. Bereznitsky, S.V., 2023. The energy of ornament of indigenous peoples of the North. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, Vol. 16, no. 7, pp. 1197–1207.

37. Munro, N.G., 1963. Ainu. Creed and cult. New York: Columbia University Press.

38. Laufer, B., 1902. The decorative art of the Amur tribes. Memoirs of American Museum of Natural History. Vol. 7. New York.

REFERENCES

1. Avrorin, V.A. and Lebedeva, E.P., 1966. Orochskie skazki i mify [Oroch tales and myths]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

2. Avrorin, V.A. and Lebedeva, E.P., 1978. Orochskie teksty i slovar' [Oroch texts and dictionary]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

3. Anisimov, A.F., 1958. Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnykh verovanii [Religion of the Evenks: historical-genetic study and the problem of the origin of primitive beliefs]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)

4. Arseniev, V.K., 1948. Lesnye lyudi udekheitsy [Forest people Udege]. In: Arseniev, V.K., 1948. Sochineniya: v 6-ti t. T. 5. Vladivostok: Primizdat, pp. 137–209. (in Russ.)

5. Bereznitskii, S.V., 2023. Sovremennoe dekorativno-prikladnoe i stsenicheskoe iskusstvo korennykh narodov Amura i Sakhalina kak komponenty etnokul'turnoi identichnosti [Modern decorative arts and stagecraft of the Amur and Sakhalin indigenous peoples as components of ethnocultural identity], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 2, pp. 55–68. (in Russ.)

6. Bereznitskii, S.V., 1996. Traditsiyam predkov verno: vliyanie mirovykh religii na mirovozzrenie aborigenov Dal'nego Vostoka [True to the traditions of the ancestors: the influence of world religions on the worldview of the natives of the Russian Far East], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 53–61. (in Russ.)

7. Bereznitskii, S.V., 2003. Etnicheskie komponenty verovanii i ritualov korennykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona [Ethnic components of the beliefs and rituals of the indigenous peoples in the Amur-Sakhalin region]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

8. Gontmakher, P.Ya., 1996. Nanaity. Etyudy o dukhovnoi kul'ture [Nanai people. Essays on spiritual culture]. Khabarovsk: KhGPU. (in Russ.)

9. Dzharlygasinova, R.Sh., 1972. Drevnie koguretsy: k etnicheskoi istorii koreitsev [The people of Ancient Koguryo: towards an ethnic history of the Koreans]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
10. Ivanov, S.V., 1954. Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v. [Materials on the figurative art of the peoples of Siberia of the XIXth to the beginning of the XXth centuries]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)
11. Ivanov, S.V., 1963. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik [The ornaments of the peoples of Siberia as a historical source]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)
12. Kocheshkov, N.V., 1995. Dekorativnoe iskusstvo narodov Nizhnego Amura i Sakhalina XIX–XX vv.: problemy etnicheskikh traditsii [Decorative art of XIXth–XXth century Lower Amur and Sakhalin peoples: problems of ethnic traditions]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
13. Kubanova, T.A., 1992. Ritual'naya skul'ptura nanaitsev: katalog [Ritual sculpture of Nanai people: a catalog]. Komsomolsk-on-Amur. (in Russ.)
14. Lopatin, I.A., 1922. Gol'dy amurskie, ussuriiskie i sungariiskie: opyt etnograficheskogo issledovaniya [The Golds of Amur, Ussuri, and Sungari regions]. Vladivostok. (in Russ.)
15. Mazin, A.I., 1984. Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX – nachalo XX vv.) [Traditional beliefs and customs of the Evenks (late XIXth and early XXth centuries)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
16. Ostrovskii, A.B. and Sem, T.Yu., 2019. Kody kommunikatsii s bogami: mifologiya i ritual'naya plastika ainov [Codes of communication with the gods: mythology and ritual objects of the Ainu]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)
17. Passar, L., 1989. Legendy o proiskhozhdenii nanaiskikh rodov [Legends about the origin of the Nanai clans], Severnye prostory, no. 2, pp. 19–20. (in Russ.)
18. Rosugbu, I.A., 1998. K voprosu o semantike ul'chskoi igrovoi kukly [On the issue of the semantics of the Ulch toy dolls]. In: Fol'klor i etnografiya narodov Severa: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Yakutsk: Severoved, 1998, pp. 54–59. (in Russ.)
19. Sem, L.I. and Sem, Yu.A., 2020. Mify, skazki i predaniya nanaitsev [Myths, tales and legends of Nanai people]. Sankt-Peterburg: RGPU im. A.I. Gertsena. (in Russ.)
20. Sem, T.Yu., 2018. K voprosu ob etnokul'turnykh svyazyakh i semantike ornamenta uil'ta (orokov). Ch. 1. Osnovnye motivy krivolineinogo i geometricheskogo uzora [On the issue of ethnocultural ties and semantics of the ornament of Uilta people. Part 1. The main motifs of curved and geometric pattern], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 37–56. (in Russ.)
21. Sem, T.Yu., 2019. K voprosu ob etnokul'turnykh svyazyakh i semantike ornamenta uil'ta (orokov). Ch. 2. Zoomorfnye i antropomorfnye motivy [On the issue of ethnocultural ties and semantics of the ornament of Uilta people. Part 2. Zoomorphic and anthropomorphic motifs], Rossiya i ATR., no. 4, pp. 144–163. (in Russ.)
22. Sem, T.Yu., 2015. Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i etnokul'turnye svyazi). Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Tungus picture of the world: the pantheon (semantics of images and ethnocultural connections). Essays in history and ethnography]. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (in Russ.)
23. Sem, T.Yu., 2012. Kollektzii Yu.A. Sema i L.I. Sem v sobranii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya [Collections of Yu.A. Sem and L.I. Sem in the Russian Ethnographic Museum], Muzei. Traditsii. Etnichnost', no. 2, pp. 135–143. (in Russ.)
24. Sem, T.Yu., 2020. Kommunikatsiya s prirodoi v udegeiskom ornamente na berestyanykh korobkakh iz kollektzii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia: simbolika obrazov [Communication with nature in the Udege ornament on birch bark boxes from the Russian Ethnographic Museum: symbolism of images]. In: Homo Eurasicus v sistemakh sotsial'nykh i kul'turnykh kommunikatsii. Sankt-Peterburg, 2020, pp. 56–70. (in Russ.)
25. Sem, T.Yu., 2020. Mifologiya v ornamentike orochonov: simbolika i semantika obrazov [Mythology in the ornaments of the Oroqens: symbolism and semantics of images], Traditsionnaya kul'tura, Vol. 21, no. 2, pp. 41–50. (in Russ.)
26. Sem, T.Yu., 2016. Obrazy bogov plodorodiya v ornamentakh na prazdnichnoi odezhde nanaitsev [Images of fertility gods in the ornaments on festive clothes of Nanai people]. In: Ornamentika v artefaktakh traditsionnykh kul'tur: materialy XV Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii. Sankt-Peterburg: IPTs SPGUTD, 2016, pp. 210–216. (in Russ.)

27. Сем, Ю.А., 2018. Istoricheskaya etnografiya nanaitsev: rodovaya organizatsiya i ee transformatsiya (po materialam XIX – nachala XX v.) [Historical ethnography of the Nanai people: tribal organization and its transformation (based on the materials of the XIXth and early XXth centuries)]. Sankt-Peterburg: Kontrast. (in Russ.)
28. Сем, Ю.А., 1992. Perkhii [Perkhi], Severnye prostory, no. 1–2, pp. 35–36. (in Russ.)
29. Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: v 2-kh t. T. 1 [A comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: in 2 volumes. Vol. 1]. Leningrad: Nauka, 1975. (in Russ.)
30. Startsev, A.F., 2017. Etnicheskie predstavleniya tunguso-man'chzhurov o prirode i obshchestve [Ethnic views of the Tungus-Manchu ethnic groups on the nature and society]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
31. Tarvid, L.P., 2004. Zhenskoe iskusstvo narodov Priamur'ya. Evolyutsiya v kontekste mifologii [Women's art of the peoples of the Amur region. Evolution in the context of mythology], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)
32. Chadaeva, A., 1986. Natsional'naya igrushka: ocherki o drevnikh predkakh detskoi igrushki narodnostei Chukotki i Priamur'ya [National toy: essays on the ancient ancestors of children's toys of the peoples of Chukotka and the Amur region]. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo. (in Russ.)
33. Shrenk, L.I., 1889–1903. Ob inorodtsakh Amurskogo kraia: v 3-kh t. [On the native ethnicities in the Amur Region: in 3 volumes]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (in Russ.)
34. Shternberg, L.Ya., 1933. Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ainy [The Gilyak, Orochi, Goldi, Negidal, Ainu: articles and materials]. Khabarovsk: Dal'giz. (in Russ.)
35. Yuan Ke, 1965. Mify drevnego Kitaya [Myths of ancient China]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
36. Bereznitsky, S.V., 2023. The energy of ornament of indigenous peoples of the North. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, Vol. 16, no. 7, pp. 1197–1207.
37. Munro, N.G., 1963. Ainu. Creed and cult. New York: Columbia University Press.
38. Laufer, B., 1902. The decorative art of the Amur tribes. Memoirs of American Museum of Natural History. Vol. 7. New York.

УДК 1(091)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-3/52-57>

Д.В. Конончук, Д.Д. Котова*

«ЦЗИЧЖА ЗНАКОМИТСЯ С [ЧЖОУСКОЙ] МУЗЫКОЙ»: ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ**

Настоящая статья служит предисловием к публикации перевода фрагмента древнекитайского исторического памятника «Чунь цю Цзо чжуань», посвященного суждениям о чжоуской музыке Цзичжа, принца царства У, во время его пребывания в княжестве Лу в 544 г. до н.э. Этот фрагмент следует считать значимым не только в общеисторическом контексте, но и в свете истории «Ши цзина», а также раннего конфуцианства. В предваряющей перевод статье авторы рассматривают детали биографии главного персонажа описываемого фрагмента, характеризуют исторический фон его поездки, анализируют ее возможные причины, а также обращаются к вопросу о времени происхождения данного текста.

Ключевые слова: «Цзо чжуань», Цзичжа, царство У, конфуцианство, чжоуская музыка, меритократия

«Prince Jizha meets the music [of Zhou]»: translators' foreword. DMITRIY V. KONONCHUK, DIANA D. KOTOVA (Far Eastern Federal University)

The article serves as a foreword to the publication of a fragment from *Chun Qiu Zuo Zhuan* translated into Russian. The fragment is dedicated to the judgments about Zhou music that Prince Jizha of Wu expressed during his stay in the state of Lu in 544 BC. This fragment should be considered significant not only in the general historical context, but also in the light of the history of *Shijing* and early Confucianism. The article, which precedes the translation, examines the details of Jizha's biography, characterizes the historical background of his trip, analyzes its possible reasons, and also addresses the issue of dating of the text.

Keywords: *Zuo Zhuan*, Prince Jizha, Wu (state), Confucianism, Zhou music, meritocracy

* КОНОНЧУК Дмитрий Васильевич, кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: kononchuk.dv@dvfu.ru

КОТОВА Диана Дмитриевна, аспирант Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: kotova.ddm@dvfu.ru

© Конончук Д.В., Котова Д.Д., 2023

** Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного федерального университета. Проект № 22-08-06-006.

Одним из самых ярких, выдающихся фрагментов древнекитайского исторического памятника «Чунь цю Цзо чжуань» («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») является, без сомнения, фрагмент 9.29.2, который содержит повествование о поездке Цзичжа (季札), принца царства У (吳), в Срединные уделы (Чжунго 中國) в 29-м году правления луского Сян-гуна (襄公, 544 г. до н.э.). Повествование включает в себя обширный фрагмент «Цзичжа знакомится с [чжоуской] музыкой» («Цзичжа гуань юэ» 季札觀樂) – рассказ о визите принца в княжество Лу (魯). Фрагмент интересен в первую очередь глубокими и эстетически утонченными суждениями усского принца о «чжоуской музыке», знакомство с которой состоялось у него при луском дворе.

Приобщение к высокой музыке в Древнем Китае воспринималось как со-настраивание ей, и, соответственно, инициируемое музыкой переживание понималось как присущее самой музыке. В этом заключается одна из главных причин, по которой музыка здесь считалась центральным средством как воспитания людей, так и государственного управления, что в конфуцианской парадигме, по сути, означало одно и то же. Чрезвычайно сильное воздействие музыки на человеческое восприятие известно еще с первобытности у многих народов, что само по себе широко известно. Но осознание этого явления и попытка «приручить» его, используя в благих (как это представлялось) социально-политических целях управления людьми, стало одним из кирпичиков самобытного фундамента китайской цивилизации.

На русский язык данный фрагмент переводился несколько раз. Впервые этот яркий сюжет, содержащий ценнейшие в контексте предыстории будущего «Канона поэзии» сведения, был переведен Н.Т. Федоренко и издан на русском языке одновременно с первым полным переводом самого «Ши цзина» [5, с. 481–483]. В переводе, однако, имелись лакуны: отсутствовали предшествовавший представлению диалог с луским Шусунь Му-цзы (叔孫穆子), одно предложение из суждения о «Малых одах» (сяо я 小雅) и полностью суждения о гимнах (сун 頌) и танцах (у 舞). А.М. Карапетьянц восполнил эти лакуны, но лишь частично: им был добавлен перевод отсутствующего предложения из суждения о «Малых одах» и суждения о гимнах [2, с. 341–349]. Фрагмент из «Цзо чжуани» о путешествии Цзичжа был с некоторыми изменениями воспроизведен Сыма

Цянем в «Ши цзи» (глава 31 «Наследственный дом усского Тай-бо») и, соответственно, присутствует в переводе Р.В. Вяткина [3, с. 28–30]. Данный перевод снабжен многочисленными важными и интересными примечаниями автора. Однако, поскольку вариант вышеупомянутого фрагмента, переведенный Р.В. Вяткиным, не вполне идентичен исходному, отличаясь в том числе в ряде эстетических деталей, мы имеем возможность предложить читателю переведенный не только заново, но и впервые целиком фрагмент «Цзо чжуани», посвященный пребыванию Цзичжа в Лу.

Княжество, а позже царство У располагалось на далекой юго-восточной периферии китайской ойкумены, в землях варваров *и* (夷) и *мань* (蠻). Будучи для Срединных уделов далекой окраиной, У считалось «варварским» царством и, в общем, генетически являлось таковым. И хотя формально уская правящая династия предпочитала вести свою родословную от бежавшего в земли *мань* дяди чжоуского Вэнь-вана (文王) Тай-бо (太伯), жители У считались чуждыми высокой культуре чжоуского ритуала, «брили волосы и покрывали тела татуировками» (*дуань фа вэнь шэнь* 斷發文身) [19, с. 256–261]. На этом фоне Цзичжа представляет собой яркое исключение.

Цзичжа (дословно – «четвертый сын [по имени] Чжа»), в источниках также известный как «Уский¹ принц Чжа» (Угун-цзы Чжа 吳公子札), Яньлинский² Цзи-цзы (Яньлин Цзи-цзы 延陵季子), был четвертым сыном усского вана Шоумэна (壽夢) от его старшей жены. Шоумэн был девятнадцатым потомком Тай-бо. В истории У он оказался весьма примечательной фигурой. Это был правитель, при котором У серьезно усилилось и вступило в регулярные отношения со Срединными уделами; сам Шоумэн принял титул вана [12, 31.3–5]. Даты рождения Шоумэна и его сыновей нам неизвестны, но, исходя из дат смерти деда Цзичжа – Цюйци (去齊, 586 г. до н.э.), самого Шоумэна (561 г. до н.э.) и его старшего сына Чжуфая (諸樊, 548 г. до н.э.), последней известной даты жизни Цзичжа (515/514 г. до н.э.), а также обстоятельств его жизни, представляется, что Цзичжа вряд ли родился раньше 580 г. до н.э. и позже 570 г. до н.э., а скончался вскоре после 515 г. до н.э.

¹ Там, где топоним является частью титульного именованья той или иной персоны в источниках, мы приводим его с заглавной буквы.

² По названию пожалованного ему удела в У.

«Цзо чжуань» и опирающийся на его сведения «Ши цзи» сообщают, что Цзичжа по своим способностям превосходил старших братьев и Шоумэн завещал оставить узкий престол именно ему. Однако Цзичжа после смерти Шоумэна категорически отказался от царственной доли и в ответ на настойчивые просьбы «покинул свое [княжеское] жилище и [принялся] возделывать землю» (*ци ци ши эр гэн 棄其室而耕*) [12, 31.7; 14, 9.14.2]. На престол вступил старший сын Шоумэна Чжифань, а после его смерти в 548 г. до н.э. – второй сын Юйцзи (餘祭). Согласно «Ши цзи», было принято решение передавать престол между братьями по старшинству, чтобы в конце концов он достался Цзичжа [12, 31.8].

На четвертом году правления Юйцзи, согласно «Цзо чжуани», в царстве У происходят события, о которых «Ши цзи» по какой-то причине умалчивает (хотя знакомство Сыма Цяня с текстом «Цзо чжуани» не вызывает сомнений). «Цзо чжуань» сообщает, что в 544 г. Юйцзи был убит слугой из пленных юэсцев [14, 9.29.1–2]³. События 544 г. до н.э. – возможное убийство Юйцзи и долгое путешествие Цзичжа по Средним уделам – представляются чем-то большим, чем совпадение. Забегая вперед, отметим, что эта череда событий – убийство правителя и отъезд Цзичжа в Средние уделы – повторится вновь в 515 г. до н.э. Если «завещание Шоумэна» мы принимаем как реальный факт, то в этом случае жизнь Цзичжа – человека, который, в соответствии с этим завещанием, рассматривался как наиболее достойный кандидат на власть – подвергалась бы большому риску. Это заставляет нас думать, что он, интеллигент и эрудит, далекий от придворных интриг, тяготился своим положением. Цзичжа угодил в то, что можно назвать «ловушкой меритократии»: с точки зрения традиционной чжоуской парадигмы, которую чуть позже переосмыслит и вновь поднимет на щит конфуцианство, правителем должен быть человек умственно и нравственно чистый (как легендарные Шунь или Юй), однако же в реальных условиях политической борьбы времен Чуньцю такой человек сразу бы оказался ее жертвой. Судя по всему, умный Цзичжа это понимал. И тогда, в 544 г. до н.э., его отъезд и долгое отсутствие в У явились формой бегства – сразу же после убийства вана Юйцзи (не исключено, что еще до убийства, в условиях возможного заговора с целью смены правителя).

Так или иначе, на четвертом году правления Юйцзи Цзичжа отбывает в Средние уделы [12, 31.10; 14, 9.29.1–2]. Через владения Сюй он прибывает в Лу, где и происходит его знакомство с чжоуской музыкой, описанное во фрагменте. После Лу Цзичжа продолжил свою поездку по Средним уделам, совершив посольский визит в Ци (齊), затем в Чжэн (鄭), где, согласно «Цзо чжуани», имел беседу с великим реформатором Цзычанем (子產), в Вэй и, наконец, в Цзинь, где якобы предсказал скорое разделение Цзинь на три владения – Чжао, Хань и Вэй. Обратный путь Цзичжа вновь лежал через царство Сюй (徐). При первом визите Цзичжа сюйскому вану понравился его драгоценный меч, что уточненный узкий принц заметил по выражению его лица (*ци сэ юй чжи 其色欲之*) [11, 7.6]. Цзичжа намеревался на обратном пути подарить меч вану, однако к моменту его возвращения тот скончался. Цзичжа снял меч и подвесил его на дереве над могилой вана⁴. Этот поступок в силу своей «медийности» стал широко известен и лег в основу известного и по сей день чэньюя «Цзичжа подвешивает меч» (*Цзичжа гуа цзянь 季札掛劍*) [12, 31.15].

В 527 г. до н.э. умер узкий ван Юймэй, последний из трех старших братьев Цзичжа. Власть в У, наконец, должна была перейти к Цзичжа нему, однако Цзичжа и на этот раз уклонился от престола – его занял сын Юймэя Ляо (僚). Как считается, перед очередной войной с Чу в 515 г. до н.э. ван отправил уже немолодого Цзичжа вместе с его сыном в новую поездку в Средние уделы. Вполне возможно, что истинной причиной отъезда Цзичжа, по аналогии с событиями 544 г. до н.э., мог быть заговор против Ляо. Война оказалась неудачной для У, и в ее ходе Ляо был свергнут своим двоюродным братом Гуаном (光), сыном Чжифаня. Это был знаменитый в будущем узкий ван Хэлюй (闔廬), при котором именно в У раскроется полководческий талант легендарного циского Сунь-цзы и будут одержаны исторические победы над Чу. Цзичжа по возвращении отдал ритуальные почести убитому правителю Ляо и присягнул новому. Дальнейших сведений о Цзичжа у нас нет. Судя по всему, вскоре после 515 г. до н.э. он скончался.

В силу высокой образованности и личной этики принца Цзичжа принято считать одним из самых примечательных исторических персонажей второй половины VI в. до н.э. Был ли он

³ На страницах «Исторических записок» Юйцзи правит до 531 г. до н.э. [12, 31.17].

⁴ Согласно «Синь сюй», «опоясал (*дай 帶*) мечом могилу правителя и ушел» [11, 7.6].

на деле таковым? Дипломатическо-церемониальная деятельность, которую включали в себя две длительные поездки по Срединным уделам, дает основания полагать, что уский принц имел определенную известность и при жизни. Но, с другой стороны, в «Лунь юе» у Конфуция, который был младшим современником Цзичжа и отличался в своем учении щедростью на высоко нравственные (с его точки зрения) примеры и на похвалы высокоморальным людям, мы не находим о Цзичжа ни одного высказывания⁵. Из других ранних конфуцианских памятников лишь однажды, в «Ли цзи», в уста Конфуция вкладывается похвала Яньлинскому Цзи-цзы за соответствующие ритуалу похороны сына на чужбине [7, 4.196]. Наиболее известные сюжеты с участием Цзичжа – «Цзичжа знакомится с [чжоуской] музыкой» и «Цзичжа подвешивает меч» – объединяет запоминающийся образ прошлого южанина, внезапно оказавшегося подлинным цзюнь-цзы, глубоко осведомленным в вопросах истории и ритуалов Чжоу. Именно это позволило высококультурному ускому принцу остаться в истории.

Фрагмент «Цзичжа гуань юэ» – небольшой, но яркий текст, представляющий собой собрание эстетических суждений. Можем ли мы считать эти суждения аутентичными ситуации VI в. до н.э.? Этот вопрос крайне важен, поскольку «репертуар» комментируемого Цзичжа представления, в целом, совпадает со структурой «Ши цзина» – древнекитайского «Канона поэзии». В случае положительного ответа на этот вопрос мы должны будем сделать вывод о том, что в середине VI в. до н.э. структурное ядро будущего «Ши цзина» уже существовало.

Царство Лу, удел великого Чжоу-гуна (周公), в VI в. до н.э. оставалось центром культурной памяти Чжоу, поэтому исторический Цзичжа вполне мог начать путешествие в Срединные уделы именно с Лу, и, конечно же, более чем обоснованным с его стороны выглядит желание прикоснуться к этой культурной памяти и попросить о знакомстве с чжоуской музыкой. Поэтому музыкальное представление для Цзичжа при луском дворе вполне могло быть реальным событием. Реальным, вероятно, было и впе-

чатление лусцев от глубокой эрудированности и высокой культуры уского принца. Сведения об этом в каком-то фиксированном (пусть и не столь роскошном, как в нынешнем тексте) виде могли существовать на момент создания «Цзо чжуани» и послужить основой для небольшого литературно-эстетического шедевра, ярко описывающего высокий вкус уского принца (и другие подробности его путешествия). Именно поэтому создается впечатление, что Цзичжа говорит в этом тексте о чжоуской династии скорее как о достоянии прошлого, об истории, а не о современности. Несмотря на политическую и военную слабость, в VI в. до н.э. чжоуский дом еще сохранял сакральный статус своей власти и всячески старался его поддерживать [1, с. 130–132].

В пользу позднего происхождения текста о поездке Цзичжа, включая и фрагмент о чжоуской музыке, свидетельствуют и другие факты. Среди других комментариев к «Чунь цю» ни в «Гуньян чжуани», ни в «Гулянь чжуани», вслед за самой летописью «Чунь цю» сообщающих о поездке Цзичжа, нет ни сюжета о знакомстве Цзичжа с чжоуской музыкой, ни последующих подробностей, включая беседу с Цзычанем и предсказание о разделении Цзинь между Чжао, Хань и Вэй. К слову, разделение это произойдет только через 100 лет, в 453 г. до н.э. Между тем, в эпоху Цзичжа в Цзинь существовали и другие, не менее могущественные кланы – Фань, Чжунхан и Чжи. Также в тексте предсказывается, хоть и не столь явственно, гибель уделов Чэнь (в действительности – в 478 г. до н.э.), а также Чжэн (лишь в 376 г. до н.э.). Поэтому текст о путешествии уского принца в его нынешнем виде вряд ли мог появиться ранее первой четверти IV в. до н.э. Именно конец V – начало IV вв. до н.э. рассматривается исследователями в качестве времени создания «Цзо чжуани» [4, с. 26–27]. Окончательный же облик «Цзо чжуани» сложился при редактировании во времена Западной Хань, во II–I вв. до н.э. Вероятнее всего, фрагмент о чжоуской музыке является собой произведение обоих этапов становления текста «Цзо чжуани». Таким образом, все вышесказанное позволяет с высокой степенью вероятности утверждать, что слова, вложенные в уста уского принца в том виде, в котором они даны в тексте «Цзо чжуани», историческому Цзичжа не принадлежат. Это и в самом деле небольшой эстетический шедевр, но все же он является творением более поздних этапов истории китайской культуры и мысли.

⁵ Такой поступок, как неоднократный отказ от престола в пользу более достойного (по ритуалу), заслуживает у Конфуция самых восторженных оценок [8, 7.15, 8.1, 8.6]). При этом, казалось бы, о более близком по времени примере Цзичжа Конфуций умалчивает. Не исключено, что он о нем просто не знает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Л.С. Древний Китай: в 3-х т. Т. 2. М.: Восточная литература, 2000.
2. Карапетьянц А.М. Начало и фиксация стихотворной традиции в Китае // Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности: собрание трудов. М.: Восточная литература, 2010. С. 341–349.
3. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. 5. М.: Восточная литература, 1987.
4. Ульянов М.Ю. К проблеме авторства и времени создания Чунь цю Цзо чжуань: этапы формирования // Чунь цю Цзо чжуань (Комментарий Цзо к «Чунь цю»). М.: Восточная литература, 2011. С. 26–34.
5. Федоренко Н.Т. «Книга песен» // Шицзин. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 469–530.
6. Гу Цзяньпин. Ханьцзы туцзе цзыдянь (Иллюстрированный этимологический словарь китайских иероглифов). Шанхай: Дунфан, 2008.
7. Ли цзи (Записки о ритуале). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2017.
8. Лунь юй (Избранные беседы) // Лунь юй. Да сюэ. Чжун юн. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2013.
9. Мао ши эр ши цюань (Стихи в версии Мао: свиток 20) // Сыбу цун кань чу янь. Т. 5. Шанхай: Шудянь чу бань шэ, 2015. С. 5–10.
10. Си цы чжуань (Комментарий привязанных слов) // Чжоу и. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2011.
11. Синь сюй (Новое введение). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2014.
12. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2008.
13. Сюй Шэнь, Дуань Юйцай. Шовэнь цзецзы чжу («Шовэнь цзецзы» с комментариями). Нанкин: Фэнхуан, 2007.
14. Цзо чжуань (Комментарий Цзо). Т. 2. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2012.
15. Чунь цю цзин чжуань цзи цзе (Собрание толкований на канонический комментарий к «Веснам и осеням»). Т. 1–2. Шанхай: Шанхай гуцзи, 1997.
16. Ши цзин. Т. 1. Го фэн. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2011.
17. Ши цзин. Т. 2. Я сун. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2011.
18. Ян Боцзюнь. Чунь цю Цзо чжуань чжу (Комментарий Цзо к «Веснам и осеням» с примечаниями). Т. 2. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2018.
19. Ян Сюйминь, Дай Цзинь. 20 шицзи 80 няньдай и лай Цзичжа яньцзю цзуншу (Цзичжа:

обзор исследований с 1980-х гг.) // Хуайинь шифань сюэюань сюэбао. 2022. № 3. С. 256–261.

20. Zuo tradition. Zuozhuan: commentary on the «Spring and Autumn Annals». Seattle; London: University of Washington Press, 2016.

REFERENCES

1. Vasil'ev, L.S., 2000. Drevnii Kitai: v 3-kh t. T. 2 [Ancient China: in 3 volumes. Vol. 2]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
2. Karapet'yants, A.M., 2010. Nachalo i fiksatsiya stikhotvornoj traditsii v Kitae [The beginning and fixing of the poetic tradition in China]. In: Karapet'yants, A.M., 2010. U istokov kitaiskoj slovesnosti: sobranie trudov. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
3. Sima Qian, 1987. Istoricheskie zapiski («Shi ji»). T. 5 [Records of the grand historian. Vol. 5]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
4. Ul'yanov, M.Yu., 2011. K probleme avtorstva i vremeni sozdaniya Chun qiu Zuo zhuan: etapy formirovaniya [On the issue of Chun qiu Zuo Zhuan authorship and time of creation: stages of formation]. In: Chun qiu Zuo zhuan (Kommentarii Zuo k «Chun qiu»). Moskva: Vostochnaya literatura, 2011, pp. 26–34. (in Russ.)
5. Fedorenko, N.T., 1957. «Kniga pesen» [«Book of Songs»]. In: Shijing. Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1957, pp. 469–530. (in Russ.)
6. 顾建平, 2008. 汉字图解词典 [Illustrated etymological dictionary of Chinese Characters]. 上海: 东方出版中心. (in Chinese)
7. 禮記 [The book of rites]. 北京: 中华书局, 2017. (in Chinese)
8. 论语 [The analects]. In: 论语. 大学. 中庸. 北京: 中华书局, 2013. (in Chinese)
9. 毛诗二十卷 [Mao Shi: the twentieth scroll]. In: 四部叢刊初編. Vol. 5. 上海: 书店出版社, 2015, pp. 5–10. (in Chinese)
10. 繫辭傳 [Great commentary]. In: 周易. 北京: 中华书局, 2011. (in Chinese)
11. 新序 [New arrangements]. 北京: 中华书局, 2014. (in Chinese)
12. 司马迁, 2008. 史记 [Records of the grand historian]. 北京: 中华书局. (in Chinese)
13. 许慎, 段玉裁, 2007. 说文解字注 [Commentary on Shuowen Jiezi]. 南京: 凤凰. (in Chinese)
14. 左传. 中 [The Zuo tradition. Vol. 2]. 北京: 中华书局, 2012. (in Chinese)
15. 春秋經傳集解 [Collected interpretations of the canonical commentary on Chun qiu]. 上海: 上海古籍出版社, 1997. (in Chinese)

16. 诗经. 国风. 上 [The classic of poetry. Vol. 1. Airs of the states]. 北京: 中华书局, 2011. (in Chinese)
17. 诗经. 雅颂. 下 [The classic of poetry. Vol. 2. Odes and hymns]. 北京: 中华书局, 2011. (in Chinese)
18. 杨伯峻, 2018. 春秋左傳注. 下 [Chun Qiu Zuo Zhuan with commentaries. Vol. 3]. 北京: 中华书局. (in Chinese)
19. 杨绪敏, 戴静, 2022. 世纪80年代以来季札研究综述 [Jizha: a review of studies since the 1980s], 淮阴师范学院 学版, no. 3, pp. 256–261. (in Chinese)
20. Zuo tradition. Zuozhuan: commentary on the «Spring and Autumn Annals». Seattle; London: University of Washington Press, 2016.

«ЦЗИЧЖА ЗНАКОМИТСЯ С [ЧЖОУСКОЙ] МУЗЫКОЙ»⁶

Перевод и комментарии Д.В. Конончука, Д.Д. Котовой

Принц⁷ Чжа [из] У прибыл с церемониальным визитом [в Лу]⁸, и имел прием у Шусунь Му-цзы⁹, [который был весьма] рад¹⁰ ему. Обращаясь к Му-цзы, [Принц Чжа] сказал:

– [Вы,] Господин, [боюсь,] можете не умереть [своей] смертью! [Вы сами] любите добро, но не умеете подбирать [добрых] людей [на посты в государстве]. Я слышал, что благородный муж с тщанием относится к подбору людей. [Вы,] мой Господин, служите наследственным министром¹¹ [дома] Лу и ответственны за великую [задачу] управления им. [Если Вы] неосторожно возвысите [недоброго], как [потом] справитесь с этим? Несчастье непременно наступит [Вас,] господин¹².

[Затем¹³ принц Чжа] попросил ознакомить [его] с чжоуской музыкой¹⁴. Было приказано,

чтобы музыканты исполнили для него песни-нань [уделов] Чжоу[-гуна] и Шао[-гуна]¹⁵.

[Принц Чжа] сказал:

– Как прекрасно! Начало [уже] закладывает основу¹⁶, хоть еще и не [завершено]. Силы [по истине] напряжены, но не сетуют.

[Музыканты] для него исполнили [песни уделов] Бэй, Юн и Вэй. [Принц Чжа] сказал:

– Как прекрасно! Бездонно! [В песнях] печаль, но [она] не ранит. Я слышал, что такова благодать дэ вэйских Кан-шу и У-гуна – вот что такое песни-фэн [удела] Вэй!

[Музыканты] для него исполнили [песни царского [дома]]¹⁷. [Принц Чжа] сказал:

– Как прекрасно! [В песнях] тоска по прошлому¹⁸, но нет уныния, не таков ли [дом] Чжоу [после его перемещения] на восток?

[Музыканты] для него исполнили [песни удела] Чжэн. [Принц Чжа] сказал:

⁶ Перевод указанного фрагмента «Цзо чжуани» производился нами по: [14, р. 1469–1477].

⁷ В оригинале *гун цзы* (公子) – «сын гуна (князя)».

⁸ В «Ши цзи» фрагмент о беседе Цзичжа с Шусунь Му-цзы отсутствует, сразу после сообщения о визите в Лу говорится о просьбе Цзичжа познакомить [его] с чжоуской музыкой.

⁹ Шусунь Му-цзы – Шусунь Бао (叔孫豹, ? – 538/537 г. до н.э.), посмертное имя-хао Му (穆), представитель рода Шусунь (叔孫) или Шу (叔), одного из трех знатных родов Лу, являвшихся потомками луского Хуань-гуна (桓公, правил в 711–694 гг. до н.э.) и поэтому именовавшихся также «тремя Хуанями» (*сань Хуань* 三桓), министр-цин Лу.

¹⁰ Знак «說» в тексте «Цзо чжуани» следует читать как «юэ» в значении «радоваться», «иметь удовольствие».

¹¹ Словосочетанием «цзун цин» (宗卿) обозначается министр, находящийся в кровном родстве с правителем государства.

¹² В данном фрагменте Цзичжа приписывается «предсказание»: спустя шесть лет, в 538 г. до н.э. Шусунь Му-цзы будет умерщвлен собственным сыном, которому излишне доверял [14, 10.4.2].

¹³ В «Ши цзи» рассказ о музыкальном представлении начинается сразу же после упоминания о приезде Цзичжа в Лу.

¹⁴ Правители Лу в силу происхождения от Чжоу-гуна имели право на придворную музыку, аналогичную той, что звучала при дворе Сына Неба. Ду Юй

в «Чунь цю цзин чжуань цзи цзе» 19 отмечает, что «каждый из всех этих [номеров] соответствовал наиболее употребляемым в песнях того или иного удела (諸國) мелодиям».

¹⁵ В тексте «Цзо чжуани» – *Чжоу нань Шао нань* (周南召南). Слово «нань» (南) имеет, как известно, исходное значение «юг», однако в контексте «Ши цзина» обозначает отдельный жанр песен, что фиксируется, в частности, в оде-я «Барабаны и колокола» («Гу чжун») из собрания «Малых од», где имеется фраза «[исполняют] оды-я и нани» (*и я и нань* 以雅以南). Подробнее о соотношении песен-фэн и песен-нань см.: [2, с. 344–346].

¹⁶ Выражение переключается с тем, как описана музыка Чжоу[-гуна] и Шао[-гуна] в «Мао ши юй»: «Путь [истинного] начала, основа преобразующего воздействия [благодати-дэ] вана» (始之道王化之基) [9, р. 9].

¹⁷ Согласно «Чунь цю Цзо чжуань чжу» Ян Боцзюня [18, р. 1006], а также дословно повторяющим его комментариям Го Даня, Чэн Сяоцина и Ли Биньюаня к «Цзо чжуани» [14, р. 1471], речь идет о землях царского домена Восточного Чжоу, т.е. районы Лои (雒邑).

¹⁸ Вариант перевода слова «сы» (思), включающего в себя семантику одновременно и желания прошлого, и тоски от несбыточности этого желания.

– Как прекрасно! [Однако] в них [низких] подробностей¹⁹ чересчур много, народ не²⁰ может [такое] вынести, так, вероятно, [и Чжэн] первыми выродится²¹!

[Музыканты] для него исполнили [песни удела] Ци. [Принц Чжа] сказал:

– Как прекрасно! Широко, разливисто! Великие песни-*фэн*²²! Являет восточное море – такова [музыка] удела [самого] Тай-гуна²³, [поистине] неизмеримого.

[Музыканты] для него исполнили [песни удела] Бинь. [Принц Чжа] сказал:

– Как прекрасно! Открыто и привольно! Задорно, но без распушенности – не таково ли бывало [воинам] в походе Чжоу-гуна на Восток²⁴?

[Музыканты] для него исполнили [песни удела] Цинь. [Принц Чжа] сказал:

– Как прекрасно! Вот то, что называется [настоящими] мелодиями Ся²⁵. Ведь [цинцы] смогли [обрести земли] Ся, через это и величие [музыки]²⁶. Величие в [своем] совершенстве – таково [само место] старого [удела] Чжоу.

¹⁹ Слово «*си*» (細, дословно – «тонкость») собрание комментариев понимает как «男女間瑣碎之事, 有關政治極少» («отношения между мужчиной и женщиной в подробностях, [то, что] мало касается государственного управления»). Впрочем, С. Дюран, В. Ли и Д. Шаберг в своем переводе полагают, что слово «тонкость» может относиться также к сугубо музыкальным характеристикам чжэнских песен, таким как высокое звучание или быстрый ритм [20, р. 1242].

²⁰ В тексте «Ши цзи» вместо отрицания *бу* (不) – отрицание *фу* (弗).

²¹ Вероятно, авторы «Цзо чжуани» устами Цзичжа излагают некий принцип должного: государство, где много внимания уделяют любовным утехам и мало – государственным делам, неминуемо погибнет. Однако в действительности княжество Чжэн было ликвидировано только в 376 г. до н.э., в результате захвата его территории княжеством Хань.

²² В слове *фэн* (風) здесь также имеется семантический оттенок географического направления, и, в принципе, здесь возможен перевод «великое направление».

²³ В тексте «Ши цзи» вместо сочетания *Да гун* (大公) – сочетание *Тай-гун* (太公).

²⁴ Имеется в виду содержание воинской песни «Восточные горы» [16, I.XV.III], описывающей поход Чжоу-гуна на восток и содержащей ностальгические думы о доме, женах и невестах, характерные для солдатского фольклора.

²⁵ Ся (夏) – первая легендарная династия в истории Китая, давшая название древнекитайской народности.

²⁶ Судя по всему, здесь имеет место игра слов. Слово Ся (夏) означает и наименование древней

[Музыканты] для него исполнили [песни удела] Вэй. [Принц Чжа] сказал:

– Как прекрасно! Плавно, переливчато! Величественно, но изящно²⁷, трудно, но легко исполняется²⁸, [если] такому [правителю] придать благодати *дэ*, то быть [ему] главой союза²⁹.

[Музыканты] для него исполнили [песни удела] Тан. [Принц Чжа] сказал:

– Какая глубина тоски по прошлому! Вероятно, там остались люди³⁰ рода Тао-танского [Яо]! [Если бы это было] не так, откуда [в музыке] неизбывность этой³¹ печали? Не будучи

династии, и «великий». Вероятно, Цзичжа хотел сказать, что цинцы обрели земли, некогда принадлежавшие Ся, посредством чего музыка их сумела обрести величие.

²⁷ В тексте «Ши цзи» вместо знака «*вань*» (婉, «изящный») знак «*куань*» (寬, «широкий»).

²⁸ В «Си цы чжуани» 3 слова *цзянь* и 險易 приводятся в качестве противопоставления: «трудный и легкий». Версию комментатора времен Вэй-Цзинь Ду Юя (杜預, 222–285) о том, что вместо знака «*цзянь*» (險, «трудный») следует читать «*цзянь*» (儉, «бережливый»), следует считать неверной [18, р. 1007].

²⁹ В «Ши цзи» вместо знака «*мин*» (明, «просвещенный») используется знак «*мэн*» (盟, «союз», «альянс»). Мы полагаем, что выстраиваемый Цзичжа образ Вэй – это экстраполяция образа Цзинь, частью которого Вэй к тому времени давно уже являлось. Незадолго до описываемых событий, в 547–546 гг. до н.э. Цзинь прилагало ряд дипломатических усилий к стабилизации ситуации в Поднебесной, в частности – путем создания союза сильнейших государств, вождем которого видело себя. Эти события описаны в том числе в «Цзо чжуани» [14, 9.26–27]. После Лу Цзичжа посетил еще ряд княжеств и, пребывая в Цзинь, согласно «Цзо чжуани» [14, 9.2] (а также «Ши цзи» [11, 31.14]), предсказал представителям трех семей, в т.ч. и вэйскому Сянь-цзы, раздел власти в Цзинь между ними. Если последнее к моменту предполагаемого создания «Цзо чжуани» уже стало фактом, то первое, а именно – возможная ассоциация впечатления Цзичжа от музыки удела Вэй с предшествовавшими его визиту дипломатическими усилиями Цзинь, знаковыми для того исторического момента, но не оказавшими долгосрочного влияния на ситуацию, может считаться показателем высокой степени аутентичности записи речей усюкого принца. Цинский комментатор Яо Най (姚鼐, 1731–1815) полагает, что кто-то из авторов или редакторов «Цзо чжуани» по каким-то особым причинам намеренно допускал глорификацию Вэй [20, р. 1244].

³⁰ В тексте «Ши цзи» вместо слова «*минь*» (民, «люди», «народ») – слово «*фэн*» (風, «песни-фэн»).

³¹ В тексте «Ши цзи» слово «*ци*» (其) отсутствует.

потомком высокой благодати *дэ* [государя Яо], кто смог бы [создать] подобное этому?

[Музыканты] для него исполнили [песни удела] Чэнь. [Принц Чжа] сказал:

– Удел без главы проживет ли долго?³²

[Что до песен удела] Куай³³ и нижеследующих³⁴, [принц Чжа] не вынес суждений о них.

[Музыканты] для него исполнили «Малые оды»³⁵. [Принц Чжа] сказал:

– Как прекрасно! Тоска по прошлому, но без двоедушных [замыслов вернуть его]³⁶, горечь, но без [выражения ее в] словах³⁷. Не таково ли [время] упадка чжоуской благодати *дэ*? Не иначе, [в Чжоу еще] оставались люди, [следовавшие] первым царям в этом.

[Музыканты] для него исполнили «Великие оды». [Принц Чжа] сказал:

– Сколь обширно! Блистательная радость³⁸ Витиевато, но с присущим достоинством³⁹, не такова ли благодать-*дэ* [самого] Вэнь-вана?

[Музыканты] для него исполнили гимны-*сун*. [Принц Чжа] сказал:

– О, [это само] совершенство! Достоинство, но без заносчивости, изящество, но без извилистости⁴⁰, [тех, кто] вблизи⁴¹, [эта музыка] не подавляет, [тех, кто] вдали, не отчуждает, переходит [в иную], но не переступает грани⁴², возвращается повтором, но не до пресыщения, [в ней] печаль, но не отчаяние, радость, но не легкомыслие, [ее часто] исполняют, а она не оскудевает, [она] обширна, но неисчерпаема, одаривает, а [сама] не истрачивается, принимается, но не [рождает] алчности, в покое, а не застаивается, в движении, а не расплывается. Пять мелодий [в ней] гармоничны, восемь ветров [с восьми сторон] смиряют [друг друга]. [Составляющие ее] ритмы удерживают [себя] в мерах, целое удерживает [себя] в порядке; вот

³² В 478 г. до н.э. государство Чэнь было захвачено Чу. Это событие нашло свое отражение в «Цзо чжуани» в записях 17 года правления Ай-гуна [14, 12.17].

³³ Государство Куай было очень рано, в 767 г. до н.э., захвачено Чжэн.

³⁴ Как сообщается в комментарии «Чунь цю Цзо чжуань чжу» [18, 29.13], речь идет о музыке удела Цао. Государство Цао было ликвидировано Сун в 487 г. до н.э.

³⁵ Согласно комментарию, «Малые оды» создавались во времена упадка династии Чжоу.

³⁶ Слово «эр» (貳) с семантикой некоего внутреннего разделения или раскола в ряде фрагментов «Цзо чжуани» [14, 5.9] понимается переводчиками как «эр синь» (二心, дословно – «два сердца»), и подобная семантика отвечает нашему пониманию данного фрагмента. В комментарии Ду Юя [18, 29.13] слово «эр» коррелирует со словом «пань» (叛, «возмущаться», «бунтовать»), что, в свою очередь наводит на идею о близком эр по значению слову «пань» (判, «разделять», «решать», «оценивать»). Как мы полагаем, слово «эр» имеет здесь сложную семантику тайного замысла с целью возвращения бывшего величия.

³⁷ В «Лунь юе» [8, 17.9] Конфуций относит к числу достоинств стихов-*ши* (詩) то, что они «способны вызывать обиду» (кэ и юань, 可以怨). Сыма Цянь в «Ши цзи» [12, 84.3] передает мысль более конкретно: «Малые оды», по его словам, «выражают обиду, но не [призывают] к беспорядкам» (юань фэй эр бу луань, 怨誹而不亂).

³⁸ Тавтофон *си си* (熙熙) комментаторская традиция и исследователи понимают по-разному. «Чунь-цю Цзо чжуань чжу» [18, 29.13], а следом за ним современные китайские переводы [14, р. 1473, 1475] предпочитают интерпретировать его как «хэ юэ» (和樂), «хэ мэи» (和美) с общим смыслом «созвучно в гармонии». Дюрэн, Ли и Шаберг также испытывают трудности при переводе этого тавтофона и, следуя Калгрэну, понимают его как «блистательно», при этом ссылаясь также на вариант «всеохватно» из классического японского сборника комментариев к «Цзо чжуани» К. Такэдзо. Наш вариант «блистательная радость» основан не только на базовой семантике знака «си» (熙), но и на противопоставлении эпох упадка Чжоу и ее бывшего расцвета, которым отвечает музыкальная эстетика «Малых» и «Великих» од соответственно. В этом смысле *си* с семантикой радости видится нами как противоположность *сы* (思) с семантикой тоски по прошлому.

³⁹ Дословно – «изящно, но с прямым стержнем» (цюй эр ю чжи ти, 曲而有直體). Выражение «чжи ти» (直體), на наш взгляд, удачно сочетает в себе семантику прямоты как антипода извилистости *цюй* (曲) и прямоты как достоинства, «внутреннего стержня». Та же идея выражена в самом начале следующего фрагмента, описывающего реакцию Цзичжа на гимны *сун* (頌).

⁴⁰ В тексте «Ши цзи» слово «цюй» (屈, «сгибаться») дано в написании «цзю».

⁴¹ В тексте «Ши цзи» вместо слова «эр» (邇, «близко») – слово «цзинь» (近, «близко»).

⁴² В тексте «Ши цзи» слова «цянэ эр» (遷而, «переходит, но...») переставлены местами.

то, что объединила превосходная благодать *дэ* [государя]⁴³.

[Затем принц Чжа] посмотрел танцы⁴⁴ *Сян-сяо*⁴⁵ и *Нань-юэ*⁴⁶ и сказал:

⁴³ В предисловии Мао сказано: «Гимны превозносят образ благодати *дэ* [государя] в [своей] полноте» (頌者美盛德之形容) [9, p. 8].

⁴⁴ Описание танцевальной части представления, данного принцу Чжа, содержит шесть актов, что наводит на аналогию с «шестью династийными танцами» (*лю дай у*, 六代舞), хотя совпадение между их составами лишь частичное. Ду Юй, а также последующие комментаторы и переводчики исследуемого фрагмента ассоциируют первые два танца с основателем династии Чжоу Вэнь-ваном [18, p. 1008–1009].

⁴⁵ *Сян-сяо* – боевой (дословно – «слоновий») танец с бамбуковыми шестами-*сяо*. В первом и в шестом танцевальных актах, соответственно, представляющих танцы *Сян-сяо* и *Шао-сяо*, словом «*сяо*» транскрибируется предмет, обозначаемый знаком «*箭*». Ян Боцзюнь в обоих случаях интерпретирует «*箭*» как свирель *сяо* (簫) [18, p. 1008–1009, 1165]. Между тем, еще в «Шо вэнь цзе цзы» знак «*箭*» артикулируется сразу в двух, казалось бы, совершенно разных значениях: «бить людей бамбуковой палкой (*гань*, 竿)» и «танцевальная музыка Шуня» [13, 6.2.2970], причем второе значение, не исключено, взято именно из описания шестого акта танцевального представления принцу Чжа. Судя по этимологическому составу, знак «*箭*» восходит к образу обрезанного стебля бамбука, и, как нам представляется, «обрезок бамбука» – его исходное значение. Понятно, что подобным знаком могли именоваться как бамбуковый шест, так и бамбуковая свирель. Китайские специалисты по истории танца Ян Яли и Го Сяоянь посвятили танцу *Сян* специальное исследование, в ходе которого согласовали посвященные танцу *Сян* цитаты из комментария ученого VI в. Сюнь Аньшэна к «Ли цзи» [7, 12.79], а также из комментариев Кун Инда (575–648) к «Чжо чжуани» и «Ли цзи». Они пришли к выводу, что, поскольку, согласно Сюнь Аньшэну, *Сян* танцевали с *гань гэ* (干戈, дословно – «щитами и алебардами»), прав Кун Инда, утверждающий, что танец *Сян* был назван слоновьим, поскольку он имитировал боевые удары колющим оружием. И хотя Кун Инда, заметим, уклоняется от ответа на вопрос о том, что представляет собой предмет, обозначенный словом «*сяо*» (箭), мы считаем, что это слово могло означать именно бутфорское оружие, но не музыкальный инструмент. То есть «*箭*» – это бамбуковый шест.

⁴⁶ В противоположность боевому танцу *Сян-сяо* *Нань-юэ* – это гражданский танец с флейтами-*юэ*. В стихотворении «Цзянь си» («Как легко...») из цикла «Песни-*фэн* [удела] Бэй» [16, 1.3.13.3] от имени танцора описывается использование флейты-*юэ* (韶) во время танца. Танцор держит ее в левой руке,

– О, это прекрасно! Хоть и несет в себе сожаление⁴⁷.

Посмотрел танец *Да-У*⁴⁸ и сказал:

– О, это прекрасно! Чжоу в [своей] полноте, словно бы [сама она] здесь.

Посмотрел танец *Шао-ху*⁴⁹ и сказал:

– [В нем] широта мудрейшего [правителя], хотя [его] добродетельность и знала постыдное. [Вот она,] трудность [положения] мудрейшего [правителя]⁵⁰.

Посмотрел танец *Да-Ся*⁵¹ и сказал:

– О, это прекрасно! Юй упорно трудился, но не к добру [лично для себя]. Ведь если бы не Юй, кто бы смог выправить⁵² эти [несчастья, принесенные потопом]?

Посмотрел танец *Шао*⁵³-*сяо*⁵⁴ и сказал:

фазанье перо – в правой. В случае, если танец подразумевал игру на флейте, а правая рука при этом была занята, то, как можно предположить, флейта-*юэ* могла быть многостольной. На эту же мысль наводит рисунок иероглифа «*箭*». Впрочем, танцоры *Шао* также изображаются с фазаньим пером в правой руке и со свирелью в левой.

⁴⁷ Не вполне ясно, что именно вызывает в данном танце сожаление (*хань*, 憾). Возможно, то, что времена совершенномудрого Вэнь-вана давно миновали, хотя Ду Юй приписывает сожаление самому Вэнь-вану, который не смог при жизни установить «великое равновесие» (*тай пин*, 太平), вероятно, потому, что не успел завоевать Поднебесную [18, p. 1008–1009, 1165]. В «Ши цзи» вместо слова «*хань*» – слово «*гань*» (感, «чувство»).

⁴⁸ Дословно – «великий [танец] У[вана]». В тексте «Ши цзи» после выражения «*цзянь у Да-У*» (見舞大武) – слово «*чжэ*» (者), превращающее фразу в «Посмотрел танцоров *Да-У*».

⁴⁹ *Шао-ху* – танец, связываемый китайскими комментаторами с основателем династии Шан Чэн Таном (成湯). Значение *ху* (獲) здесь неясно. Изначальное значение слова *хо/ху* – «кипятить» – не слишком уместно, однако занятно, что существует знак с таким же фонетиком, но с другим ключом – 劓, значение которого идентично *сяо* (箭, «срезать»). Также обращает на себя внимание наличие в знаке графемы «*цао*» (艸, «трава»). Не исключено, что это могли быть пучки растений, которые использовались в танце, подобно фазаньим перьям.

⁵⁰ Имеется в виду шанский правитель Чэн Тан, который сверг династию Ся.

⁵¹ Дословно – «великий [танец] Ся».

⁵² В тексте «Ши цзи» вместо слова «*сю*» (脩, «исправлять») – слово «*цзи*» (及, «управляться [с]»).

⁵³ В тексте «Ши цзи» вместо наименования «*шао*» (韶) – наименование «*чжао*» (招).

⁵⁴ *Шао-сяо* – ассоциируемый с легендарным Шунем танец со свирелями-*сяо*. По всей вероятности,

– О, [это] благодать-дэ в [своем] совершенстве, [как она] велика! Словно Небо, под кото-

изначальная семантика наименования *Шао* может быть раскрыта через этимологию данного знака, левая часть которого – знак «чжао» (召, «звать», «привлекать»). Поскольку слово «шао» (韶) имеет сугубо эстетическое значение красоты как таковой, вероятно, возникло оно из образа музыки, привлекающей либо собирающей людей, привлекательной музыки. Что касается *сяо*, то фрагмент из «Шан шу» 5.5 позволяет предположить, что в случае с танцем *Шао*, в отличие от танца *Сян*, речь идет не о бамбуковом шесте-*сяо*, а о свирели-*сяо* (簫). Именно свирель изображается в левой руке танцора на более поздних китайских иллюстрациях *Шао* наряду с фазаньим пером в правой. Более тонкое различие атрибутики танцев *Шао-сяо* и *Нань-юэ* составляет предмет отдельного исследования.

рым нет ничего, что оно не может покрыть⁵⁵, словно Земля, на которой нет ничего, что она не может вместить. Когда благодать *дэ* столь превосходна, не стоит⁵⁶ что-либо прибавлять к этому. Прекратим [на этом] знакомство [с музыкой]. Если есть иная музыка, я не осмелюсь просить [исполнить ее].

⁵⁵ В тексте «Ши цзи» слово «дао» (疇, «покрывать») дано в написании «燾».

⁵⁶ В тексте «Ши цзи» вместо фразы «невозможно что-либо добавить к этому» (ци ме и цзя юй цы и, 其蔑以加於此矣) – более лаконичная фраза «ничего добавить» (у и цзя и, 無以加矣).

Н.Л. Мамаева*

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЧЖОУ ЭНЬЛАЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ ЕДИНОГО ФРОНТА В КИТАЕ В 1930-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.

В марте 2023 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Чжоу Эньлая, одного из самых ярких и влиятельных деятелей в истории Китая XX в., определявших направления революционной борьбы в стране до 1949 г. и содержание социалистической модернизации после образования КНР. Статья посвящена уточнению содержания и результатов функционирования единого фронта в Китае 1930-х – 1940-х гг. и конкретизации роли Чжоу Эньлая в этом процессе.

Ключевые слова: Чжоу Эньлай, единый фронт, Коминтерн, СССР, Коммунистическая партия Китая, Гоминьдан, Китайская Республика

Towards the issue of Zhou Enlai's role in the formation of the Second United Front policy in China. NATALYA L. MAMAIEVA (Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences)

March 2023 marks the 125th anniversary of the birth of Zhou Enlai, one of the most brilliant and influential figures in the XXth century history of China, who determined the directions of the revolutionary struggle in the country until 1949 and the content of socialist modernization after the formation of the People's Republic of China. The article clarifies the content and results of the functioning of the Second United Front in China and highlights the role of Zhou Enlai in this process.

Keywords: Zhou Enlai, Second United Front, Communist International, USSR, Communist Party of China, Kuomintang, Republic of China

Введение

По мере погружения в историю Китая становится очевиднее системообразующая роль в ней единого фронта прогрессивных антияпонских сил, его значительное место в ряду исторических событий в Китае 1930-х – 1940-х гг. Одновременно на повестку дня выходит задача углубления знаний относительно политики и практики Чжоу Эньлая в области формирования и развития конкретного содержания единого

фронта, у истоков которого он стоял плечом к плечу с Коминтерном. Содержание и результаты функционирования единого фронта с опорой на сотрудничество Гоминьдана и Компартии Китая позволяют представить всестороннюю характеристику роли Чжоу Эньлая в политическом процессе, направленном изначально на усиление Китая и недопущение капитуляции Китайской Республики перед японским агрессором.

* МАМАЕВА Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: mamaeva_nl@mail.ru

© Мамаева Н.Л., 2023

В Китае личность Чжоу Эньлая (1898–1976), представителя первого поколения китайских революционеров, известного партийно-политического и государственного деятеля, формировавшего стратегию победы Коммунистической партии Китая (КПК) в демократической революции, одного из основателей КНР, пользуется глубоким уважением и любовью. Будучи человеком с активной жизненной позицией, участником практически всех значимых политических событий Китая 1920-х – 1970-х гг., он в любых условиях оставался одним из самых ярких и влиятельных деятелей страны, определявших направления революционной борьбы в Китае до 1949 г. и содержание социалистической модернизации после образования КНР. Его биография – яркое тому свидетельство. Занимая высокие посты в революционный период истории КПК, в КНР он продолжил руководящую работу. В 1949–1954 гг. занимал должность премьера Государственного административного совета, в 1954–1976 гг. – премьера Госсовета КНР, председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая, в 1954–1958 гг. – министра иностранных дел.

В течение всей своей жизни Чжоу Эньлай открыто демонстрировал дружеские чувства к Советскому Союзу, к россиянам. Его роль в развитии добрососедских, а в иные исторические периоды и братских отношений между народами России и Китая, как, например, в «счастливое десятилетие» российско-китайской дружбы и сотрудничества – 1950-е гг., была весьма значительной. Не случайно, что деятельность Чжоу Эньлая, одного из главных вершителей политической и духовной истории Китая XX в., рассматривается в российском китаеведении с особым вниманием. Изучение истории КПК предпринимается нами в значительной степени через призму деятельности Чжоу Эньлая, которая охватывала множество проблем и направлений и неотделима практически от всех основных исторических событий Китая того времени.

Именно в России появилась уникальная книга о Чжоу Эньлае, вышедшая из-под пера классика российского китаеведения, уже ушедшего от нас академика С.Л. Тихвинского [6]. Его труд не только повествует об участии Чжоу Эньлая практически во всех значимых исторических событиях Китая 1920-х – 1970-х гг., но и выявляет его роль в организации революционного

и политического процесса 1920-х – 1970-х гг. и руководстве им. В своей книге С.Л. Тихвинский, имевший тесные контакты со многими крупными государственными и политическими деятелями Китая, убедительно показал, что историю делают люди и Чжоу Эньлай – один из них.

К предыстории антияпонского национального единого фронта в Китае

Публикации «Декларации ЦК КПК о сотрудничестве Гоминьдана и Компартии Китая» от 22 сентября 1937 г. и «Заявления Чан Кайши об установлении сотрудничества двух партий» от 23 сентября 1937 г., имевших официальный статус, предшествовали инициативы в данном направлении со стороны Гоминьдана, Компартии Китая и Коминтерна, причем Компартия Китая демонстрировала особый интерес к проблеме сотрудничества партий. Начало активности прогрессивных сил приходится на 1935 г. – год принятия Коминтерном на его VII конгрессе новой, более соответствующей требованиям времени стратегии революционного движения. Переход от советского движения как основного на антияпонское движение потребовал много усилий, вплоть до участия в организации этого процесса И.В. Сталина, придававшего исключительно большое значение определению оптимального пути развития китайской революции и советско-китайских отношений [2, с. 74].

Деятельность Чжоу Эньлая в данной ситуации сначала концентрировалась вокруг идеи прекращения гражданской войны в Китае как необходимой предпосылки усиления страны перед лицом японской агрессии. Приказ Чан Кайши о прекращении гражданской войны между Гоминьданом и КПК и реорганизации правительства от 24 декабря 1936 г., которому предшествовали так называемые Сианьские события, ускорившие его издание, являлся крупным переломным событием в китайской истории. Известна значительная роль в разрешении «конфликта интересов» в Сианьских событиях Чжоу Эньлая, возглавившего делегацию КПК по урегулированию ситуации в направлении прекращения гражданской войны и создания единого фронта антияпонских патриотических сил. После этого приказа пришла очередь обращения к идее сотрудничества патриотических антияпонских сил: отдельных личностей, движений, организаций и партий, включая Гоминьдан.

Результат принятия и публикации вышеназванных основополагающих для организационного и политического становления единого фронта документов 1937 г., в разработке которых активное участие принимал Чжоу Эньлай, был положительным. Открывалась дорога для сотрудничества двух партий – КПК и правящей партии Китайской Республики – Гоминьдана («Национальная партия») – по множеству направлений, определение и выявление которых в значительной степени осуществлялось Чжоу Эньлаем как главной фигурой формировавшегося единого фронта со стороны КПК.

Характеризуя внутривнутриполитическую обстановку, в которой создавался единый фронт, обратим особое внимание на тот факт, что выдвигавшиеся в официальных обращениях КПК идеи и лозунги, направленные против японской агрессии и в том числе на установление взаимосвязи КПК с демократическими движениями и организациями, падали на благодатную почву. Речь идет о наличии элементов преемственности в развитии революционного процесса, которые характеризовались демократической направленностью и формировались, по сути, с Синьхайской революции (1911 г.), осуществившей свержение маньчжурского гнета и провозглашение республики. Отметим, что уже в документах КПК 1920-х гг. активно использовались такие термины, как «демократическая революция», «революционно-демократическое движение». В демократическом ракурсе воспринималось и понятие «единый фронт», которое имело свою историю с начала 1920-х гг. Одна из его основных характеристик – это расширение социального состава участников революционного процесса, вовлечение в него демократически ориентированных слоев населения, включая левую группировку Гоминьдана. В материалах Чрезвычайного совещания ЦК КПК (Пекин, 21–24 февраля 1926 г.) [3, с. 300], а также Чрезвычайного совещания ЦИК КПК Китая (13 декабря 1926 г.) [3, с. 450] выдвигались идеи расширения демократических составляющих революционного процесса, сближения с движениями «За объединение Китая», «За демократизацию общественного строя», «За возвращение народу власти в городе и деревне». Коммунистическому движению в Китае – как и Чжоу Эньлаю – были совсем не чужды демократические составляющие, в чем мы сможем убедиться далее.

В мае 1937 г. Коммунистическая партия Китая приняла решение отказаться от прежнего курса на советизацию страны и приняла уставную Коминтерна на сотрудничество в рамках единого национального фронта с Гоминьданом и Нанкинским республиканским правительством (подробнее см.: [4, с. 453]). КПК рассчитывала при этом на получение возможности легальной деятельности на подконтрольных Гоминьдану территориях, на расширение политического влияния в масштабах всей страны и упрочение позиций коммунистов в национальном антияпонском движении.

Встроенный консервативными силами Гоминьдана в политическую среду тезис о ликвидации КПК как необходимой предпосылки начала военного сопротивления Китая Японии уступил место переговорному процессу между коммунистами и Гоминьданом как основному каналу сближения патриотических сил страны.

Переговорный процесс: некоторые характеристики

Чжоу Эньлай был назначен руководителем делегации КПК на переговорах с Гоминьданом, которые в течение февраля–сентября 1937 г. прошли шесть раундов. На переговорах обсуждался главный на тот момент вопрос – о формировании и содержании единого национального фронта борьбы против японских агрессоров. В результате переговорного процесса идея единого фронта получила частичную поддержку, причем не только на словах, но и на деле. В марте 1938 г. Чжоу Эньлай был назначен заместителем начальника политуправления Военного комитета Китайской Республики и управления по мобилизации народных масс при этом комитете. В конце 1938 г. он возглавил представительство КПК и 8-й армии в Чунцине. Получив большую, чем прежде, возможность ведения общественной и политической работы, а также выступая в качестве секретаря ЦК КПК, секретаря Южнокитайского бюро ЦК КПК и главного редактора «Синьхуа жибао», Чжоу Эньлай активизировал свое участие в организационной и пропагандистской сферах деятельности.

На практике сотрудничество партий и переговоры о его содержании и формах в течение января–июня 1937 г. осуществлялись, преодолевая трудности, медленно, но неуклонно. Центр тяжести в официальных и неофициальных контактах между КПК и Гоминьданом, Коминтерном и представителями Компартии

Китай концентрировался на определении содержания единого фронта. Это была нелегкая задача, решение которой потребовало дополнительных усилий со стороны переговорщиков, в том числе в формате личных встреч и бесед Чан Кайши и Чжоу Эньлая – усилий, которые не следует недооценивать. В этой связи обратим должное внимание на деятельность Чжоу Эньлая в данном направлении.

В организации и реализации строительства антияпонского единого фронта как явления, адекватного требованиям времени, Чжоу Эньлай продемонстрировал большие способности. Его восприятие места и роли единого фронта сопоставимо с задачей политического строительства с китайской спецификой. Именно в этом ракурсе Чжоу Эньлай стремился выстроить организационный статус единого фронта. В ходе переговорного процесса он проявил выдающиеся способности переговорщика, обладающего глубокими знаниями о положении в стране, особенностях революционного процесса в Китае, истории КПК и национально-освободительного движения в Китае. В дискуссиях о содержании политики единого фронта Чжоу Эньлай продемонстрировал знание теоретического наследия Сунь Ятсена, политики и практики Гоминьдана, которое накладывалось на опыт работы, полученный в 1920-х гг. и тесно связанный с деятельностью коммунистов в период первого единого фронта (1924–1927 гг.). Не останавливаясь подробно, отметим, что после возвращения в Китай из Европы в 1924 г. Чжоу Эньлай стал активным проводником политики «первого сотрудничества КПК и Гоминьдана», оказывал значительную помощь в реорганизации Гоминьдана и его превращении в «партию действия» [5].

Благодаря опыту сотрудничества с Гоминьданом в рамках первого единого фронта китайские коммунисты демонстрировали высокую планку в оценке революционной ситуации в Китае 1920-х гг. Они более объективно, чем Коминтерн, оценивали революционный потенциал Гоминьдана, то есть не завышали его, а также подвергали сомнению якобы существовавшую готовность Национально-революционной армии (НРА) Китайской Республики к перерождению в направлении коммунистических идеалов. В период Северного похода НРА (1926–1928 гг.), важнейшего события революционного движения в Китае 1920-х гг., китайские коммунисты сотрудничали с Гоминьданом

в различных формах, приближая победу НРА. Они адекватно воспринимали значительную роль военного фактора в истории Китая и в дальнейшем, в 1930-е – 1940-е гг., включили в собственную теорию и революционную практику военную политику как центральное звено [5, с. 343].

Первое сотрудничество Гоминьдана и КПК в рамках единого фронта в 1920-х гг. демонстрировало как успехи, так и неудачи. В основе деятельности первого единого фронта лежали отношения сотрудничества, которые плодотворно использовались для решения целого ряда важнейших проблем: при разработке программных положений партии Сунь Ятсена, формировании теории и практики становления Гоминьдана как политической «партии действия», при строительстве новой государственности и новой армии. Объединение революционных сил в 1920-е гг. складывалось и развивалось под флагом борьбы с системой регионально-го милитаризма, поставившей Китай на грань раскола, утраты демократических завоеваний Синьхайской революции, перед лицом возросшей угрозы империалистического давления вплоть до возможности потери национального суверенитета. Одним словом, единый фронт 1920-х гг. сыграл в непростой ситуации в Китае значительную роль.

Формат взаимодействия Чан Кайши и Чжоу Эньлая

Формирование содержания антияпонского единого фронта осуществлялось с опорой на научный подход, на знание социально-экономической и политической ситуации в стране, а также национальной специфики революционного процесса, что не исключало использования традиционного для Компартии Китая метода проб и ошибок. В разряд особенностей функционирования революционного процесса можно включить неформальные контакты Чан Кайши и Чжоу Эньлая, которые осуществлялись в формате дополнительных обсуждений проблем единого фронта. Неформальные контакты развивались параллельно с официальными переговорами представителей КПК и Гоминьдана, формировавшимися в рамках единого фронта. Первые переговоры Чжоу Эньлая с Чан Кайши состоялись в Ханчжоу 26 марта 1937 г. В ходе беседы затрагивались наиболее острые вопросы текущего этапа формирования единого фронта. К ним относились вопросы военной

политики обеих сторон, в том числе была озвучена возможность получения Компартией трех дивизий общей численностью в 40 000 бойцов, плюс еще 10 000 бойцов местной охраны. Одновременно Чан Кайши отклонил важную идею Чжоу Эньлая о представительстве Коммунистической партии Китая в одном из важнейших органов власти Китайской Республики – Национальном собрании, подготовка к выборам которого набирала в Китае обороты. Также Чан Кайши была отклонена просьба об освобождении политзаключенных [1, с. 1103].

Вторые переговоры Чжоу Эньлая с Чан Кайши продемонстрировали тенденцию более мягкого отношения последнего к коммунистам и стремление к поиску компромиссных решений. Переговоры имели место в середине июня 1937 г. Отдельные решения в области формирования властных структур и управления в некоторых пограничных районах подтверждали уже принятые на первых переговорах Чжоу Эньлая и Чан Кайши решения. В основном пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся коммунисты получили право на выдвижение кандидатуры Председателя правительства района, было объявлено согласие Чан Кайши с возможностью дополнительного финансирования войск КПК и отдельных направлений административной политики в освобожденных районах. Получили поддержку, хотя и ограниченную, не принятые на первых переговорах принципиально важные предложения Чжоу Эньлая об участии КПК в выборах в Национальное собрание и об освобождении политзаключенных коммунистов. Было заявлено о допущении коммунистов к участию в работе конференции по вопросам национальной обороны. Главным результатом взаимодействия Чан Кайши и Чжоу Эньлая представляется переход Чан Кайши на позицию сотрудничества с КПК, хотя и с обращенным к ней призывом о сдержанности, а также одобрение идеи демократизации управления и вовлечения в демократическое движение анти-японских группировок [1, с. 1118–1121]. Так, с упором на отдельные конкретные мероприятия складывалось содержание единого фронта, в том числе его тесная связь с политикой и управленческой практикой Компартии Китая в освобожденных от японского агрессора районах.

Не будем преувеличивать положительные результаты неформального взаимодействия Чжоу Эньлая и Чан Кайши и отметим обстоятельства, препятствовавшие реализации даже

уже принятых решений. Сохранялось недоверие между Компартией Китая и Гоминьданом, что снижало эффективность деловых контактов [2, с. 329–330]. Карательные походы гоминьдановских войск и жесточайший гоминьдановский террор конца 1920-х – начала 1930-х гг. не были забыты коммунистами. Отметим факт неприятия Чжоу Эньлаем идеи диктатуры Гоминьдана в любой форме, в том числе в форме подчиненности КПК Отделу политической подготовки. Имела также место несогласованность по вопросу реформирования войск, а также по организационным вопросам, включая предложение Гоминьдана о создании Национальной революционной союзной лиги в составе определенного числа кадровых работников Гоминьдана и равного числа кадровых работников Компартии под председательством Чан Кайши [2, с. 336]. Идея председательства Чан Кайши в Союзной лиге воспринималась Чжоу и его коллегами, китайскими коммунистами, с большим опасением, что имело под собой определенные основания.

Одна из важнейших причин сохранявшегося недоверия Компартии Китая к Гоминьдану видится в нерешенности проблемы легализации КПК в районах, освобожденных коммунистами от японской оккупации. Более того, в теоретическом плане Гоминьдан не предусматривал полной легализации КПК в Китайской Республике. Требование введения полной легализации Коммунистической партии правомерно выдвигалось Чжоу Эньлаем в качестве необходимой предпосылки создания программного обеспечения деятельности единого фронта. При этом подчеркнем, что Чжоу Эньлай изначально не преувеличивал достоинств Гоминьдана и не имел особых надежд на тесное сотрудничество КПК и Гоминьдана. В своей переписке с Г. Димитровым от 15 марта 1941 г. Чжоу Эньлай характеризовал Чан Кайши как «олицетворение давления, угрозы и обмана» [2, с. 519].

Подходы Чжоу Эньлая к изучению проблем единого фронта демонстрировали тенденцию широкого охвата исторических событий и рассмотрение ситуации с единым фронтом на фоне общего текущего положения в стране. Именно такой подход обеспечил Чжоу результативность в изучении и реализации многовекторной политики единого фронта. Взаимодействие Чжоу Эньлая и Чан Кайши в формате неформальных контактов внесло свою лепту в формирование политики сближения между

партиями, сдерживало усиление влияния про- японских группировок в Гомиьндане и в итоге выполнило свою роль в недопущении капитуляции Китайской Республики перед японским агрессором, способствовало стабилизации на определенный период мирного сотрудничества КПК и Гомиьндана.

Как свидетельствуют источники, деятельность Чжоу Эньлая как основного переговорщика, а по сути теоретика и практика политики единого фронта вызывала у Чан Кайши большой интерес и своего рода признание. Как правило, беседы Чжоу Эньлая и Чан Кайши инициировались Чан Кайши. В ходе этих встреч регулярно обсуждались принципиально важные вопросы, осуществлялось сближение партий и укрепление единого фронта.

Чжоу Эньлай

о проблемах единого фронта

Будет не преувеличением отметить особое место Чжоу Эньлая в сложной политической ситуации в Китае конца 1930-х гг. – начала 1940-х гг. Немало интересной информации о развитии единого фронта в течение 1937–1939 гг. содержит Доклад Чжоу Эньлая по китайскому вопросу Президиуму Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) (Москва, 29 декабря 1939 г.), который с полным основанием может рассматриваться как один из наиболее значимых исторических источников, освещающих проблемы антияпонского единого фронта. Рассмотрение в докладе проблем единого фронта на фоне характеристики положения в стране делает оценки и характеристики Чжоу более убедительными. Многие темы и направления, обсуждавшиеся в течение 1937 г. с участием представителей обеих партий, получили свое развитие. Чжоу Эньлаем были выдвинуты также новые ориентиры и предложения. Определенные надежды в плане разрешения проблем сотрудничества Гомиьндана и КПК и развития демократического процесса в системе управления возлагались на учрежденный в 1938 г. Национальный политический совет (НПС) как на консультативный орган власти. Хотя сотрудничество на платформе НПС имело место, независимо от этой реальности на местах продолжалась практика арестов коммунистов [2, с. 329–330].

Подчеркнем особое внимание Чжоу к внедрению в процесс государственного строительства элементов парламентаризма и демократизации

политической системы как на центральном уровне, так и в локальных масштабах. Как отмечал Чжоу Эньлай, развитию демократических составляющих политического процесса активно препятствовал Гомиьндан, в том числе фактическим непризнанием легального положения КПК даже в Северном Китае, где уже использовался опыт объединенных комитетов или совместных совещаний Гомиьндана и КПК [2, с. 342–343].

Согласно Чжоу Эньлаю, работа в направлении превращения НПС в блоковую партию имела место, однако в результате непоследовательной политики Гомиьндана и чинимых финансовыми компрадорами англо-американской ориентации препятствий попытки реорганизации властных структур в Китайской Республике в рамках единого фронта не увенчались успехом.

Легализация Компартии Китая правомерно предусматривалась Чжоу Эньлаем в качестве необходимой предпосылки важных принципиальных начинаний программного и организационного плана. Чжоу выдвинул ряд конкретных предложений по содержанию единого фронта: от больших проектов до второстепенных. Так, предложение Чжоу по разработке общей программы единого фронта звучит следующим образом: «Общей программой единого фронта могла бы стать Программа антияпонской войны и Строительства государства Сунь Ятсена». Политическую основу единого фронта Чжоу Эньлай видел в учении Сунь Ятсена о «трех народных принципах» [2, с. 330–331, 336–337]. Интересные предложения Чжоу Эньлая о программном обеспечении единого фронта не удалось реализовать по ряду причин. К ним относятся в первую очередь, как уже упоминалось, сохранявшееся взаимное недоверие партий друг к другу. Ситуация осложнялась склонностью Чан Кайши к однопартийной диктатуре.

Провозгласив организационной основой единого фронта сотрудничество КПК и Гомиьндана, Чжоу обозначил задачи, требующие быстрого решения: расширение единого фронта через вовлечение в сферу его деятельности народных масс, особенно мелкой буржуазии, а также дружественных партий и дружественных армий. Ключевым принципом единого фронта Чжоу Эньлай справедливо провозглашал укрепление единого фронта как гарантии продолжения антияпонской войны. Одним из важнейших направлений деятельности единого фронта вы-

двигал борьбу против попыток международного империализма, направленных на ухудшение взаимоотношений между Китаем и СССР.

Особое внимание Чжоу Эньлай уделял вопросу о формах сотрудничества Гоминьдана и КПК – вопросу, который имел свою историю в связи с опытом «первого сотрудничества КПК и Гоминьдана». По словам Чжоу Эньлая, КПК рассматривает и обсуждает три формы сотрудничества: первая – вступление коммунистов в ряды Гоминьдана с сохранением прежней партийной принадлежности¹, вторая – создание объединенного комитета КПК и Гоминьдана, третья – «сохранение нынешних взаимоотношений, причем официально не оформленных» [2, с. 342–343].

Высокий интеллектуальный уровень Чжоу Эньлая, знание им истории Китая и Компартии Китая, политической программы Сунь Ятсена и Гоминьдана, истории и содержания первого единого фронта, а также наличие большого опыта по формированию национального антиимпериалистического движения 1920-х гг. были той основой, на которой Чжоу Эньлай систематизировал свои знания проблем антияпонского единого фронта, обобщал и формулировал свои оценки и конкретные предложения в направлении выявления и углубления содержания сотрудничества. Помимо стремления к программному и организационному обеспечению деятельности единого фронта Чжоу осуществлял движение вперед и в направлениях, тесно связанных с вопросами военной политики Китайской Республики, в первую очередь – с военной политикой КПК по вопросам переформирования Китайской Красной Армии (ККА) и системы управления в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся. Проблемы демократизации власти рассматривались им не только в границах основного пограничного района, но и в масштабе Китайской Республики, включая деятельность Национального политического совета. Под углом зрения демократизации системы управления выдвигалась задача организации демократических выборов в Национальное собрание. При этом упомянутые направления работы правомерно ставились в зависимость от достижения полной, то есть в масштабах всей страны, легализации КПК. Между тем, наибольшую осведомленность Чжоу Эньлай проявлял в вопросах установления демократического

правления в локальных масштабах, прежде всего – в Основном пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся, считая этот район показателем демократического правления, имеющим опыт выборов властных структур на основе всеобщего избирательного права [2, с. 345–347].

Вызывает большой интерес проделанная Чжоу Эньлаем работа в области партийного строительства и партийно-организационной деятельности КПК. В Докладе Чжоу Эньлая по китайскому вопросу Президиуму ИККИ (Москва, 29 декабря 1939 г.) содержалась принципиально важная и интересная информация о существовании пяти форм работы Компартии на китайской территории: легальной (в пограничном районе), полулегальной (в 8-й и 4-й армиях), легальной в сочетании с нелегальной (в партизанских районах), в основном нелегальной (где власть у Гоминьдана), строго подпольной (в районах, оккупированных Японией). На примере основного пограничного района Чжоу Эньлаем был детально прописан процесс создания демократических органов власти на местах [2, с. 345–347, 350–351], который использовался в ходе дальнейшей работы партии в освобожденных от японского агрессора районах.

Следует отметить, что вплоть до наиболее ожесточенного «конфликта интересов» между Гоминьданом и КПК в Южном Аньхуэе в 1941 г., имевшего форму вооруженного противостояния военных сил Гоминьдана и КПК, жесткого давления Гоминьдана на прогрессивных деятелей и на малые партии, развивалось многостороннее изучение и практика единого фронта, возникали новые идеи, как и предвидел Чжоу Эньлай. Кроме того, усиливалось направление привлечения в единый фронт малых партий.

Нельзя сказать, чтобы события с 4-й армией были совершенно неожиданными, но все же сохранялась надежда на мирное развитие взаимоотношений между КПК и Гоминьданом. При этом подчеркнем, что Чжоу Эньлай, сохранявший четкие и реалистичные требования к оценке Гоминьдана, не был склонен к преувеличению его достоинств. Как отмечалось в его Докладе по китайскому вопросу Президиуму ИККИ от 29 декабря 1939 г., Гоминьдан проявлял непоследовательность в отношении единого фронта: то признавал его заслуги, то отменял свое признание [2, с. 337]. В неблагоприятной атмосфере обострения отношений между КПК и Гоминьданом Чан Кайши все же предприни-

¹ Гоминьдан выступал за эту форму партийного строительства.

мал усилия в поиске соглашения компромиссного характера. В ходе этих событий Чан Кайши неоднократно посылал своих представителей к Чжоу Эньлаю, который считал, что события в Южном Аньхуэ подорвали доверие к Гомиьндану. Хотя острая фаза противостояния была пройдена, однако в повседневной жизни поток жестких мер Гомиьндана не остановился. Оказывалось давление на прогрессивных деятелей, имело место удаление членов КПК из ряда провинциальных правительств, устранялись профессора и учителя из учебных и научных заведений, оказывалось давление на союз «За демократический режим». В целях сокращения числа «негомиьндановцев» в составе Национального политического совета осуществлялись перевыборы его членов.

О результатах политики единого фронта

Хотя единый фронт так и не принял четкой организационной и юридической формы, что, как и в случае с первым единым фронтом, снижало его эффективность, однако по ряду направлений сотрудничество партий демонстрировало успех. Это означает, что на базе перехода от гражданской войны к войне с японским агрессором еще в ходе переговоров делегации КПК в Лушани (Чжоу Эньлай, Цин Бансянь, Линь Боцзюй) с Чан Кайши в июне 1937 г. была достигнута договоренность по ряду важных вопросов, в том числе по реорганизации правительства советского района Шэньси–Ганьсу–Нинся в демократическое правительство Особого района с подчинением его гомиьндановской власти. Была скорректирована военная политика. 11 сентября 1937 г. была переименована и вошла в 18 армейскую группировку 8-я армия НРА. В Сиани было учреждено постоянное представительство КПК, где жил и работал Чжоу Эньлай, а в Нанкине – официальное представительство ЦК Компартии Китая и 8-й армии, в Ухани, Чунцине – представительства КПК.

Официальное провозглашение сотрудничества Гомиьндана и КПК как организационной и политической формы взаимодействия по широкому кругу вопросов имело глубочайший резонанс, в том числе в гомиьндановской среде и коммунистических кругах. По сути, единый фронт открыл новые возможности как для страны в целом, так и для Гомиьндана и КПК в отдельности. Для Компартии Китая, получившей в некоторых районах официальный легальный статус, улучшились, хотя и с ограничениями,

условия отработки на практике основных форм стратегии и военно-политической новодемократической тактики: маневренно-партизанская война вооруженных сил КПК, создание опорных баз в тылу японских войск и ряд других элементов партийной линии, которые более четко обозначились в ходе Антияпонской войны (1937–1945 гг.).

Отметим, что в рамках единого фронта были достигнуты и принципиально важные результаты – такие, как вступление Китайской Республики в войну Сопrotивления с японским агрессором и недопущение объединенными силами единого фронта на полях сражений и в тылу капитуляции Китая перед Японией, свершение которой имело бы роковые последствия для Советского Союза. Роль Чжоу Эньлая как главы делегации КПК на переговорах с Гомиьнданом, одновременно – постоянного участника неформальных бесед с Чан Кайши, члена Северного бюро КПК, Президиума ЦИК КПК, члена ИККИ в течение 1931–1943 гг. можно определить коротко, но четко – как выдающуюся даже на фоне его именитых единомышленников и коллег.

Нельзя не назвать в качестве одного из важнейших факторов характеристики и содержания единого фронта включение в сферу его деятельности развития советско-китайских отношений. Содержание данного направления, получившего адекватное отражение в советско-китайском Договоре о ненападении (21 августа 1937 г.), продемонстрировало подкрепленное финансовой поддержкой СССР усиление Китайской Республики как единственной официальной власти в стране, прорыв международной блокады Китая и провал надежды Японии на реализацию в Китае идеи молниеносной войны. Наряду с выгодами для Китайской Республики советско-китайские договоренности предусматривали поддержку не только Гомиьндана, но и идеологического соратника СССР – Компартии Китая. Не останавливаясь подробно на освещении сюжетов, связанных с взаимодействием единого фронта и международной политики, отметим как факт развитие в послевоенное время тенденции сотрудничества КПК с демократически ориентированными партиями и движениями, сыгравшими значительную роль в победе демократической революции в 1949 г. под руководством КПК. Можно сказать, что многовекторное функционирование антияпонского единого фронта прокладывало дорогу вовлечению в революционный процесс демократически

ориентированных партий и движений, который развивался параллельно и взаимосвязано с процессом формирования новодемократических идей и практик Мао Цзэдуна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. Т. 4. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2003.
2. ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. Т. 5. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. М.: РОССПЭН, 2007.
3. Документы по истории Коммунистической партии Китая. 1920–1927 гг. М.: ИДВ РАН, 2021.
4. История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10-ти т. Т. 7. Китайская Республика (1912–1949). М.: Восточная литература, 2013.
5. Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999.
6. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: по материалам биографии Чжоу Эньлая. М.: Восточная литература, 1996.

REFERENCES

1. VKP(b), Komintern i Kitai: dokumenty. T. 4. VKP(b), Komintern i sovetskoe dvizhenie v Kitaye. 1931–1937. Ch. 2 [All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and China: documents. Vol. 4. All-Union Communist Party

(Bolsheviks), the Comintern and the Soviet movement in China, 1931–1937. Part 2] Moskva: ROSSPEN, 2003. (in Russ.)

2. VKP(b), Komintern i Kitai: dokumenty. T. 5. VKP(b), Komintern i KPK v period antiyaponskoi voiny. 1937 – mai 1943. [All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and China: documents. Vol. 5. All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and the Communist Party of China during the anti-Japanese war. 1937 – May of 1943]. Moskva: ROSSPEN, 2007. (in Russ.)

3. Dokumenty po istorii Kommunisticheskoi partii Kitaya. 1920–1927 gg. [Documents on the history of the Chinese Communist Party, 1920–1927]. Moskva: IDV RAN, 2021. (in Russ.)

4. Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI v.: v 10-ti t. T. 7. Kitaiskaya Respublika (1912–1949) [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 volumes. Vol. 7. The Republic of China, 1912–1949]. Moskva: Vostochnaya literatura, 2013. (in Russ.)

5. Mamaeva, N.L., 1999. Komintern i Gomin'dan. 1919–1929 [The Comintern and the Kuomintang: 1919–1929]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

6. Tikhvinskii, S.L., 1996. Put' Kitaya k ob'edineniyu i nezavisimosti, 1898–1949: po materialam biografii Chzhou En'laya [China's path to unification and independence, 1898–1949: following Zhou Enlai's biography]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

УДК 94(561.5)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-3/72-81>

И.И. Юрганова*

ЯСАЧНАЯ ПОЛИТИКА И КРЕЩЕНИЕ «ИНОРОДЦЕВ» В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Статья посвящена процессу христианизации территорий Восточной Сибири как одному из элементов государственной политики, направленной на экономико-административное освоение края. Автор рассматривает вопросы крещения в контексте предоставляемых государством льгот, когда неофиты освобождались от оплаты основного налога – ясака, что способствовало увеличению формально православного населения. Участие государства в регулировании процесса христианизации этносов Восточной Сибири, как полагает автор, явилось основной причиной его перманентности на протяжении XVII – начала XX вв.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, ясак, инородцы, Русская православная церковь, миссионерская деятельность

Tax policy and the baptism of non-Russian population in Eastern Siberia.
INNA I. YURGANOVA (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article focuses on the process of Christianization of the territories of Eastern Siberia as one of the elements of state policy aimed at the economic and administrative development of the region. The author examines the issues of baptism in the context of benefits provided by the state to neophytes, who were exempted from paying the main tax – yasak, which contributed to the increase in the formally Orthodox population. The author believes that participation of the state in regulating the process of Christianization of Eastern Siberian ethnic groups was the main reason for its permanence from the XVIIth to the early XXth century.

Keywords: Eastern Siberia, yasak, non-Russian population, Russian Orthodox Church, missionary activity

Процесс христианизации восточных окраин Российской империи, на территории которой проживало значительное количество этносов, соотносим с XVIII в. В 1727 г. из состава Си-

* ЮРГАНОВА Инна Игоревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН, ведущий научный сотрудник Отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: inna.yurganova@mail.ru

© Юрганова И.И., 2023

бирской митрополии с центром в г. Тобольске, была выделена Иркутская епархия, на протяжении почти полутора столетий оставшаяся самой территориально обширной церковно-административной единицей Русской православной церкви. В 1764 г. была учреждена Иркутская губерния. В 1782–1783 гг. создано три наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское, состоящее из Иркутской, Нерчинской, Якутской и Охотской областей. Затем, в 1796 г., территория Сибири была разделена на Западную и Восточную, соответственно Тобольскую и Иркутскую губернии [21, с. 36]. В XVIII в. Сибирь была территорией со стабильно повышающимся приростом населения (при отсутствии миграционных процессов и незначительности рекрутских наборов), превосходящим среднестатистические показатели по стране, и преобладанием русского населения (64–67% к началу XIX в.) [13, с. 97].

Налогом или натуральной податью в Сибири был ясак (ясачная подать). После включения сибирских земель в состав русского государства и в систему территориального администрирования была создана сеть зимовий и острогов как мест сбора ясака. Налог собирали мягкой рухлядью (мехами) и скотом. Первоначально ясачные дела находились в юрисдикции Сибирского Приказа, затем – Кабинета Его Императорского Величества (далее – Кабинет), занимавшегося имущественными вопросами императорской династии.

История ясачной политики русского государства получила достаточное освещение в отечественной историографии. По мнению исследователя начала XX в. П.М. Головачева, ясачный вопрос являлся определяющим во взаимоотношениях пришлых русских и коренного населения Сибири [5]. В 1920-х – 1930-х гг. присоединение Сибири рассматривалось как процесс завоевания, а сбор ясака – как важный элемент колониальной политики царизма в Сибири [3, с. 119]. Затем, когда в исторической науке возобладала точка зрения мирного присоединения, процесс объяснения стал трактоваться не столь однозначно. Это, в частности, характерно для работ С.В. Бахрушина, благодаря которым в научный оборот было введено значительное количество ранее неизвестных исторических источников. На их основании было подтверждено, что в целом, с некоторыми исключениями (тунгусы, чукчи и др.), процесс объяснения сибирских этно-

сов носил мирный характер [1, с. 95–129; 2; 14; 15; 20]. Л.М. Горюшкин обосновал коронную принадлежность ясачного обложения [6]. В современной отечественной историографии признанными авторитетами в области изучения аграрного законодательства и землеустройства народов Сибири, в том числе и ясачной политики, являются представители иркутской исторической школы во главе с Л.М. Дамешком [7; 8, с. 323–422; 9; 10; 16, с. 228–241]. В трудах сибирских историков отражены некоторые вопросы взаимосвязи ясачной политики государства и вовлечения народов Восточной Сибири в православие [11; 19].

Очевидно, что государственная власть была заинтересована в стабильности окраин, и правительственная политика была направлена на сохранение и увеличение численности местных этносов, в то время как ясакоплательщики обеспечивали доходы государства. Размер возлагаемого на население ясака определялся реалиями расстановки сил и потестарно-политической ситуацией. В южных районах Сибири, на которые распространялось влияние монгольских государственных образований, объяснение определялось возможностями каждой из сторон, вызывая ситуации двоеданства, когда часть кочевого населения имела возможность выйти за пределы территории русского влияния. Вместе с тем известен пример тунгусского князя Гантимура, многочисленный род которого принял ясачный оклад и стал союзником России в противостоянии с Китаем [3, с. 121].

На протяжении столетий ясак оставался характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов от собственника земли, и их проживание на «породных землях» было важнейшим условием оплаты налога, собираемого на основании данных окладных книг. Первоначально сбор с «ясачных иноземцев» не регламентировался, сборщики «брали, что принесут», что приводило к многочисленным злоупотреблениям, истреблению пушных богатств и накоплению недоимок [10, с. 23]. Исследователи указывают, что до 1760-х гг. сбор ясака производился преимущественно натурой, но в связи с сокращением пушного промысла в 1763 г. было разрешено принимать ясачную подать и деньгами [8, с. 324].

В 1764 г. в г. Тобольске была учреждена Главная ясачная комиссия во главе с сибирским губернатором Д.И. Чичериным, а в сибирских

провинциях – местные комиссии, результатом деятельности которых стало изменение порядка сбора ясака. Сбор становился обязанностью представителей местной родовой знати по принципу круговой поруки. Комиссиями была узаконена замена натурального (пушного) налога денежным: каждый род облагался мехом определенного вида, или деньгами, или тем и другим вместе. Была разрешена замена пушнины деньгами «в случае не улова зверя». Так, например, комиссией под руководством якутского воеводы М.М. Черкашенинова для территории Якутского уезда в 1766–1769 гг. была установлена «соболино-лисыя» система землепользования, когда землей наделялись лишь ясакоплательщики.

Л.М. и И.Л. Дамешек указывают, что во второй половине XVIII в. впервые в российской административно-финансовой практике были разделены финансовые интересы Казны и императорского Кабинета в Сибири, так как ранее пушнина поступала в Сибирский приказ и затем ее лучшие сорта направлялись в Кабинет. После ликвидации Сибирского приказа был издан именной указ императрицы Екатерины II «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1763 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему», что юридически закрепило право собственности Кабинета на сибирский ясак [10, с. 23]. В 1822 г. на основании «Устава об управлении инородцев»¹ ясачный сбор был переведен на денежную основу. Следует отметить, что на сибирские кочующие и бродячие народы не распространялись общегосударственные налоги.

Однако понижение количества ясачного сбора не прекращалось, что вызвало издание в 1826 г. «Положения о Ясачных комиссиях». В 1827 г. было подготовлено Сибирским комитетом² и утверждено императором «Общее наставление комиссиям Западной и Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих

инородцев окладных ясачных книг». Задачами комиссий являлись «переобложение инородцев Сибири новым окладом ясака, сбор информационных материалов относительно претворения в жизнь сибирских узаконений 1822 г., прием от населения различных жалоб и передача их в главные управления Сибири». Комиссии в составе трех чиновников должны были руководствоваться установленным Уставом разделением сибирских инородцев на оседлых, кочевых и бродячих. Оседлые приравнивались к сословию государственных крестьян (со всеми обязанностями кроме рекрутской повинности), кочевые и бродячие оставались в ясачном налогообложении, но, «учитывая такую обширную территорию, комиссии с незначительным количеством состава людей не могли без содействия местной администрации справляться с поставленной задачей» [4, с. 83].

В 1832 г. на заседании Сибирского комитета было вынесено решение «о единообразном исполнении в обеих частях Сибири» налогового освобождения на 3 года для принявших крещение инородцев и вычете их доли из общего налогового сбора с рода, в том числе ясачной подати (на основании окладных книг). 23 декабря 1832 г. решение Комитета было утверждено императором и направлено для исполнения сибирским генерал-губернаторам. Полное налоговое освобождение на 3 года предусматривалось только для тех, кто, принимая православие, переходил на оседлый образ жизни, приобретая права и обязанности крестьянского сословия (Российский государственный исторический архив, далее – РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 289). В 1835 г. именованным указом был утвержден новый размер ясачной подати, составляющей в целом в денежном и натуральном сборе около 450 тыс. руб. (122 тыс. по окладу 1763 г.). Однако он также не был успешным, и ясачные недоимки приобретали хронический характер. К началу XX в. ясак выплачивали бродячие инородцы Сибири, кочевые инородцы Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, большинство населения Якутской области и часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний [10, с. 24].

Содействуя крещению иноверцев, государство использовало различные инструменты для их привлечения в православие. Указом Петра I (1720 г.) предписывалось: «...которые крещенные разных народов люди восприняли право-

¹ Впервые в законодательных актах понятие «инородец» было введено «Уставом об управлении инородцев» (1822), где были определены принципы системы управления неславянскими народами Сибири, их административный и правовой статус.

² Сибирский комитет – высший законосовещательный и распорядительный орган Российской империи по делам восточных окраин страны. Первый Сибирский комитет был создан для рассмотрения отчета М.М. Сперанского по обозрению Сибири и действовал в 1821–1838 гг., второй – в 1852–1864 гг.

славную греческого закона веру ... давать льготы на 3 года, дабы тем призвать к восприятию веры греческого закона лучшую охоту, а с некоторых дворов и их дети приходят креститься только некоторые персоны, а не все того двора жители, одну льготу давать только тем, которые святое крещение принять перечисленные тягла, на прочих остаточное вневерить без всяких подати имать с другими в ряд» (Российский государственный архив древних актов, далее – РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 796. Л. 937). Императорским указом 1731 г. предусматривались «всякие льготы» для новоокрещенных, указом 1733 г. предписывалось «нечинение обид и притеснений ясачным людям, живущим в Якутском воеводстве и в Камчатке», указом 1740 г. был подтвержден запрет «принуждения ко крещению», указом 1764 г. сохранялись трехлетняя ясачная льгота и одаривание крестами и иконами. Помимо этого, неофиты освобождались от наказаний за преступления или проступки, совершенные до крещения.

Подтверждением факта вступления в православную веру являлся документ, выдаваемый священнослужителями – билет, предъявляемый сборщикам ясака и/или в воеводскую канцелярию. Исторические архивы сохранили «билеты» о трехлетней льготе: «за взятие святого крещения на 1766 г. по окладу ясака не взять, а подлинный билет взять для свидетельства при сборной ясачной книге в ящику воеводской канцелярии» (РГАДА. Ф. 607. Оп. 2. Д. 84).

С целью контроля за христианизацией епископом Иркутским и Нерчинским Софронием (Кристалевским) были введены специальные «Реэстры о новоокрещенных», куда заносились данные о крестившихся. Священнослужители были обязаны ежегодно отчитываться перед духовным заказчиком о численности неофитов в своем приходе, а заказчик в свою очередь предоставлял сводные данные в духовное правление. В табличной форме реестра за 1776 г., составленного веропроповедником Гаврилой Ноговицыным, помимо даты крещения, фамилии, имени и возраста неофитов, указывалось «ясачный или не ясачный» и «когда, кто дает об ясачной льготе билеты». В последней графе документа присутствуют отметки «билет дан по его просьбе» отцу/мужу/племяннику или «билет дан на имя ево то же числа». Всего по реестру Ноговицына было выдано 15 билетов, из которых 7 – ясачным (РГАДА. Ф. 416. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–6). В реестре священника

Амгинской Преображенской церкви Д. Гоголева за 1775 г. сделаны отметки, что все крещенные мужчины – ясачные и всем выданы билеты. Отметим, что, согласно реестрам, билеты выдавались по просьбам, в том числе и детям: «Шологонского роду наслегу князьца Тембрина Лебедина родника его некрещенного тунгуса Болена Лебедина дочь его 6 лет..., а во святом крещении наречена Илария... билет даден по прощении Намского улуса Одейской волости и наслегу роднику и ясачному новоокрещенному Федору Васильеву» (РГАДА. Ф. 416. Оп. 1. Д. 5. Л. 33–36). По данным Якутской воеводской канцелярии, в 1770–1775 гг. священниками и веропроповедником было выдано более 600 билетов, на большинстве из которых имеются отметки канцеляристов и подканцеляристов о снятии ясака (РГАДА. Ф. 416. Оп. 1. Д. 5; Ф. 607. Оп. 2. Д. 85, 86). Очевидно, что в документах воеводской канцелярии отложились билеты, предъявленные либо сборщиками ясака, либо самими неофитами, что представляется лишь частью из выданных билетов. Учитывая кочевой образ жизни местного населения, можно предположить, что некоторые из билетов «не доходили» до места назначения. Кроме того, известны прецеденты игнорирования билетов местной администрацией. Епископ Иркутский и Нерчинский Иннокентий (Нерунович) в 1741 г. писал, что новоокрещенные «нередко подвергаются жестоким истязаниям» со стороны сборщиков ясака и поборам канцелярских служителей (РГАДА. Ф. 607. Оп. 2. Д. 15. Л. 7–8, 48–50). В документах Иркутского губернского правления имеется рапорт священника А. Бобровникова 1827 г. о «не признании бурятскими тайшами ... оных билетов, якобы не имея повеления Главного начальства, взыскивающего с них подати» (ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3839).

Формуляр билетов единообразен и начинается словами «По указу Ее Императорского Величества...», затем следует указание на место проживания, имя и фамилия (до крещения), возраст неофита, его имя, полученное при крещении, дата события, сведения о восприемниках и ссылка на льготу по уплате ясака, например: «... Иоанном Шадриним дан сей билет Кангаласской волости наслегу князьца Софрона Сыранова ясачному новоокрещенному Белоногову якутским именуемым Туносор понеже сын ево родник ясачный якут Усабыт воспринял святое крещение мною священником сего генваря

1770 года, от роду 19 лет, во крещении наречен Григорием, у коего восприемником был Фома Охлопков. По указу Ея Императорского Величества, состоявшегося 1763 года генваря 23 дня, с означенного Ивана Белоногова ясак ясашным конным так и прочим сборщикам ясака и других податей с вышеописанного числа впредь на 3 года с него не взимать. Сей билет ему объявить в воеводскую канцелярию или ясашным сборщикам. Дан генваря 30 дня 1770 года» (РГАДА. Ф. 607. Оп. 2. Д. 85. Л. 12). В текстах билетов указывалась принадлежность окрещенного к роду, родовому князю – «родник князьца». Интересно, что у князьцов встречаются якутские имена, и можно сделать предположение, что они еще не были окрещены.

Одним из практических результатов выдачи билетов стал рост количественных показателей христианизации, так как после истечения срока льготы крещение принималось вторично в другой церкви или у другого священника, что в условиях кочевого или полукочевого образа жизни прихожан и дефицита духовных кадров было сложно установить. В связи с этим в 1778 г. предписанием епископа Иркутского и Нерчинского Михаила (Миткевича) указывалось: «Некоторый Иркутской епархии священник пришедшую к нему крещеную уже прежде назвавшуюся некрещенной обманом братских женку безовсякого о ней разведывания необучивши ее молитвам и святой веры вторично оную крестил... Подтверждаем указом, чтоб священник крестить желающих не спешил, но разведал бы, не были ли крещены прежде, и обучал бы молитвам и святой веры. Ежели сего исполняемо не будет, то за сие они священники лишены будут своих чинов» (Государственный архив Иркутской области, далее – ГАИО. Ф. 275. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–11об.).

Предоставление ясачных льгот являлось предметом внимания Сибирских комитетов и высших законосовещательных и исполнительных органов империи. В 1832 г. на заседании Главного управления Восточной Сибири рассматривался вопрос о методике освобождения от налогов воспринимающих христианскую веру, а именно: «следует ли подлежащую, так же к сложению ясачную подать, взимаемую с целых инородческих родов или обществ, а не с каждого родовича отдельно, исключать из общего оплачиваемого родом оклада, или же сумма оного должна быть неприкосновенною, а причитающееся к сложению при сем случае

количество сбора должно быть относимо на остающиеся в роде наличные души». В итоге, приняв во внимание заключения Советов общего губернского и главного управлений, а также утвержденное императором мнение Государственного совета (1826 г.), Сибирский комитет вынес решение о «причислении к христианским обществам с трех летнею льготой от платежа всех податей ... По силе 2 статьи Высочайшего указа, данного Министров финансов в 21 день июня 1827 года, слагаемый с перечисляемых в другие сословия оседлых инородцев ясачный сбор исключается из окладных книг, а с остающихся в Роде взимается только то, что за сим вычетом следует» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 289. Л. 7).

Помимо этого, власть оказывала содействие церкви в случаях сопротивления крещению. Известно письмо сибирского губернатора и автора «Устава об управлении инородцами» М.М. Сперанского на имя алларского тайши Батора Васильева, в котором «начальник Сибири» предостерегал как Васильева, так и других родоначальников от действий, направленных на запрет крещения их родовичей (соплеменников) (ГАИО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 4. Л. 272). В империи была законодательно установлена добровольность вступления в православную веру: «отноюдь не угрожая ничем, ни же приводя к этому насилею каковым-либо» (ГАИО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 4. Л. 236–238). Духовные управления и консистории были обязаны рассылать поступающие к ним реестры (ведомости) о новоокрещенных в родовые, инородные управы и Степные думы в результате чего возникали конфликтные ситуации. Так, Степные думы Иркутского округа требовали, чтобы священнослужители согласовывали с ними списки желающих принять крещение, объясняя это тем, что в числе неопитов могли оказаться их соплеменники, совершившие какие-либо преступления, или беглые батраки. Помимо этого, значительная численность крестившихся, по мнению членов думы, могла приводить к недоимке ясака. В свою очередь, священники обвиняли родоначальников в совершении насильственных действий в отношении родовичей, выражавших желание принять православное крещение (ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3839. Л. 2–3). При возникновении подобных инцидентов церковь прибегала к помощи местной администрации.

В письме архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского Мелетия (Леонтовича)

миссионеру Г. Синявину отмечается недобросовестное отношение к составлению «росписи всех новокрещенных»: «...Потрудитесь заняться исправлением исповедной росписи о новокрещенных вашего миссионерского стана, применительно к форме». Архиерей указывает, что миссионер должен иметь «подробную перепись, основанную на ревизских сказках, проверенную по церковным документам, где должно пометить целиком все семейства, крещенных и некрещенных и в этом деле необходимо иметь справку с подворными списками, которые должны быть доставлены из родовых управлений по требованию» (ГАИО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 3. Л. 19). Очевидно, что епархиальная власть требовала строгой отчетности в вопросах приведения к крещению и при возникновении конфликтных ситуаций с местным населением опиралась на помощь государства. Можно утверждать, что льгота в виде трехлетнего освобождения от основного налога на территории Сибири являлась прерогативой государства, осознававшего необходимость повышения численности православного населения. Вместе с тем стремление к стабильности в пополнении Кабинета обеспечивало сохранность ясачного обложения кочевых и бродячих народов Сибири до 1917 г. Ясачные льготы являлись действенным инструментом для привлечения в православие, но при этом часть населения Восточной Сибири по-прежнему оставалась в язычестве, а часть соотносила свою веру с буддизмом. Так, миссионеры указывали, что к началу XX в. только в Енисейской епархии проживало более 2 000 язычников, а результаты духовной миссии были «крайне малопродуктивны» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1894).

Но имели место и иные факты. В 1835 г. на заседании Сибирского комитета рассматривалось представление генерал-губернатора Восточной Сибири о награждении бурятского тайши А. Назарова и других старшин Балаганских бурят «за выстройку за свой счет домов и снабжение скотом, хлебом и другими принадлежностями земледельческими 26 семейств инородческих, принявших Св. Крещение». Результатом данного представления стало произведение тайши Назарова и заседателя Степной думы А. Алексева в последующий класс службы, а прочие участники получили благодарности (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 312). Список бурят, «принявших крещение при Заложном миссионерском стане Верхоленского

уезда Иркутской губернии за 1877–1878 г. для освобождения от уплаты ясака», содержит имена 117 человек в возрасте от 4 до 76 лет (ГАИО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 4). Заметим, что все новоокрещенные буряты получили фамилию Сапожников. На основании выписки из журнала заседания комитета Православного миссионерского общества установлено, что верхоленский купец М.А. Сапожников в 1877 г. пожертвовал в фонд общества 1000 руб. Видимо, его фамилия давалась неофитам в знак признательности (ГАИО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 3. Л. 28).

Одной из задач Русской православной церкви в сфере инкорпорации сибирских этносов в имперскую государственную систему была пропаганда оседлого образа жизни и традиций земледельческой культуры. Православные монашеские обители и миссионерские станы являлись профильными экономическими субъектами, тип хозяйствования которых формировался в зависимости от природно-климатических условий (земледелие, скотоводство, рыбные ловли, пивоварение и др.). Новоокрещенные селились вокруг монастырей и станов, создавая поселки и деревни, включаясь в хозяйственную систему обители. Показательным примером подобной практики стала деятельность Алтайской духовной миссии, признанной делегатами Сибирского миссионерского съезда (Иркутск, 1910 г.) «миссией образцовой» [17, с. 6]. Учрежденная в 1830 г., Алтайская миссия к 1910 г. имела 25 станов и окормляла 380 поселений русских крестьян и крещенных алтайцев с населением более 52 000 человек [18, с. 371–372]. Тем не менее, показатели оседлого (крестьянского) населения Восточной Сибири возрастали в основном вследствие переселенческой политики государства, а численность крещенных оседлых была невелика – 5,5% от общей численности «инородческого населения» (см. Табл. 1).

В «Сведениях о делах по устройству иноверцев в Сибири...» отмечено, что «...племена Сибири, различаются одного от другого местностью и климатом обитаемых стран, промыслом, верой и свойствами. Так буряты не имеют почти никакого сходства с якутом, камчадалом с остяком или самоедом». Члены Сибирского комитета осознавали, что представители населения южных плодородных земель Сибири «охотно принимают оседлость, соединенную с выгодными льготами», а для жителей северной

**Численность инородцев Восточной Сибири в 1829-1830 гг.
(по данным Сибирского комитета)**

	Оседлые, торговые и земледельцы	Кочевые христиане	Кочевые иноверцы	Бродячие христиане	Бродячие иноверцы	Всего (душ)
Енисейская губерния	2 068 (6,6%)	12 529 (40,3%)	460 (1,4%)	1 798 (5,8%)	14 294 (45,8%)	31 149
Иркутская губерния	19 236 (10,4%)	4 429 (2,4%)	156 352 (84,7%)	2 313 (1,3%)	2 177 (1,2%)	184 507
Якутский округ	нет	147 950 (92,4%)	932 (0,6%)	10 893 (6,8%)	220 (0,1%)	159 995
Охотское приморское управление	нет	1 413 (22,7%)	нет	3 110 (50%)	1 702 (27,3%)	6 225
Камчатское приморское управление	нет	нет	нет	нет	3 585	3 585
Всего	21 304 (5,5%)	166 321 (43,1%)	157 744 (41%)	18 114 (4,6%)	21 978 (5,7%)	385 461

Источник: РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 53. Л. 167.

и средней полосы «сомнительно, чтобы инородец, привыкший от века к столь вольной жизни, легко согласился променять свою подвижную юрту на постоянную крестьянскую избу и перешел к тяжким и скучным для него трудам земледельца» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 109. Л. 8об.–9об.). Данной позиции придерживалось и Министерство государственного имущества, указывая, что у кочевых сибирских этносов «нет сильного желания к переходу в оседлое состояние» и с начала XIX в. численность желающих «оказалась ничтожной». В период работы второй ясачной комиссии поступали многочисленные прошения о возвращении в кочевое состояние. Вероятно, одной из причин данного явления послужило окончание периода льгот и необходимость оплаты крестьянских податей, превосходящих ясак.

Очевидно, что на территории Восточной Сибири налоговая политика государства была специфичной и учитывала особенности региона. Но и в данной специфике имелись исключения из правил. Примером этого могут служить взаимоотношения российского государства и жителей Чукотского полуострова. Установить

мирные отношения с жителями Чукотки не удавалось на протяжении почти двух столетий. В середине XIX в. якутский гражданский губернатор доводил до сведения Кабинета, что «из сибирских инородцев, состоящих в зависимости от России, без совершенного подданства, чукчи платят дань, количество и качество которой оценивается их собственным произволом» [12] (РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 59). Христианизация Чукотки также имела особенный характер и первые успешные ее результаты соотносимы с деятельностью священника А.И. Аргентова (1816–1896). К началу XX в. на полуострове действовала Чауно-Чукотская миссия, начальник которой отмечал, что лишь некоторую часть из крещенных чукчей возможно причислить к приходским храмам, а «большинство чукчей по образу жизни и безразличию к православию должны, по-прежнему, оставаться в ведении миссионеров» (Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 228-и. Оп. 1. Д. 537).

Таким образом, мы можем сделать вывод о зависимости роста православного населения северо-восточных окраин империи от внутренней политики государства. Деятельность Рус-

ской православной церкви в Сибири по вовлечению сибирских этносов в христианство была составной частью данной политики. Административное и хозяйственно-экономическое освоение восточносибирских территории осуществлялось во взаимодействии государственных и церковных структур. Миссионерская деятельность церкви в Сибири была одновременно деятельностью государственной, направленной на инкорпорацию неславянских народов в имперскую парадигму. Обеспечение делегируемых государством временных налоговых преференций, одаривание и возможности изменения социального статуса привлекали инородцев в православие. Вместе с тем исторические источники содержат сведения о фактах повторного крещения и незначительной численности переходов новоокрещенных в оседлое (крестьянское) состояние. И несмотря на то, что к началу XX в. большинство представителей инородческого населения Восточной Сибири были окрещены и соотносились с православным населением, очевидна формальность христианской составляющей в повседневности кочевых и полукочевых сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 95–129.
2. Бродников А.А. Алданские события 1639 г. (к вопросу о взаимоотношениях русских служилых людей и коренного населения Якутии в первой половине XVII в.) // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.. Екатеринбург, 1993. С. 46–51.
3. Бродников А.А. Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 119–123.
4. Васильев А.Д. Якутская областная администрация и организация второй ясачной комиссии (1828–1830 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4. С. 82–87.
5. Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири. М., 1902.
6. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1976.
7. Дамешек Л.М. Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 11. С. 51–57.
8. Дамешек Л.М. Избранное: в 3-х т. Т. 1. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2018.
9. Дамешек Л.М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII–XX вв.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022.
10. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Механизмы финансовых отношений императорского Кабинета и сословия сибирских инородцев в эпоху империи // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 21–25.
11. Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX вв.: в 2-х ч. Иркутск: МИОН, 2006.
12. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII вв.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009.
13. Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990.
14. Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935.
15. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937.
16. Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX – начало XX вв.): учебное пособие / Под ред. Л.М. Дамешака. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022.
17. Пивоваров Б.И. Алтайская духовная миссия и миссионеры // Из духовного наследия алтайских миссионеров. Новосибирск, 1998. С. 4–32.
18. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948.
19. Софронов В.Ю. Три века сибирского миссионерства: в 3-х ч. Тобольск: ТГПИ, 2005.
20. Шунков В.И. Труды С.В. Бахрушина по истории Сибири // Бахрушин С.В. Научные труды: в 4-х т. Т. 3. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 5–12.
21. Юрганова И.И. Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах Российской империи (вторая половина XVIII в.) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 6. С. 34–43.

REFERENCES

1. Bakhrushin, S.V., 1927. Yasak v Sibiri v XVII v. [Yasak in XVIIth century Siberia], *Sibirskie ogni*, no. 3, pp. 95–129. (in Russ.)
2. Brodnikov, A.A., 1993. Aldanskie sobytiya 1639 g. (k voprosu o vzaimootnosheniyakh russkikh sluzhilykh lyudei i korennoho naseleniya Yakutii v pervoi polovine XVII v.) [The Aldan events of 1639 (on the issue of the relationship between Russian service people and the indigenous population of Yakutia in the first half of the XVIIth century)]. In: *Kazaki Urala i Sibiri v XVII–XX vv.* Ekaterinburg, 1993, pp. 46–51. (in Russ.)
3. Brodnikov, A.A., 1999. Sbor yasaka: zavisimost' protsessa obyasachivaniya ot potestarno-politicheskoi situatsii v regione (po materialam Vostochnoi Sibiri XVII v.) [Collecting yasak: the dependence of the taxation process on the potestar-political situation in the region (the case of 17th century Eastern Siberia)]. In: *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii. Vyp. 1. Kul'turnyi kosmos Evrazii.* Novosibirsk, 1999, pp. 119–123. (in Russ.)
4. Vasil'ev, A.D., 2021. Yakutskaya oblastnaya administratsiya i organizatsiya vtoroi yasachnoi komissii (1828–1830 gg.) [Yakut regional administration and the organization of the Second yasak commission, 1828–1830], *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 4, pp. 82–87. (in Russ.)
5. Golovachev, P.M., 1902. Vzaimnoe vliyanie russkogo i korennoho naseleniya Sibiri [Mutual influence of the Russian and indigenous population of Siberia]. Moskva. (in Russ.)
6. Goryushkin, L.M., 1976. Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.) [Agrarian relations in Siberia in the period of Imperialism, 1900–1917]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
7. Dameshek, L.M., 2015. Nalogi i povinnosti narodov Sibiri v poreformennyi period [Taxes and duties of the peoples of Siberia in the post-Reform period], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*, Vol. 11, pp. 51–57. (in Russ.)
8. Dameshek, L.M., 2018. Izbrannoe: v 3-kh t. T. 1. Sibirskie «inorodtsy» v imperskoi strategii vlasti (XVIII – nachalo XX vv.) [Selected works: in 3 volumes. Vol. 1. Non-Russian population of Siberia in the imperial strategy of power (XVIIIth – early XXth centuries)]. Irkutsk: Ottisk. (in Russ.)
9. Dameshek, L.M., 2022. Etnicheskiy faktor okrainnoi politiki imperii v regional'nom izmerenii: sibirskii variant (XVIII–XX vv.) [The ethnic factor of the regional policy in Russian Empire: the case of Siberia (XVIIIth – XXth centuries)]. Irkutsk: Izd-vo IGU. (in Russ.)
10. Dameshek, L.M. and Dameshek, I.L., 2022. Mekhanizmy finansovykh otnoshenii imperatorskogo Kabineta i sosloviya sibirskikh inorodtsev v epokhu imperii [Mechanisms of financial relations between the Imperial Cabinet and non-Russian population of Siberia in the imperial period], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 78, pp. 21–25. (in Russ.)
11. Dulov, A.V. and Sannikov, A.P., 2006. Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoi Sibiri v XVII – nachale XX vv.: v 2-kh ch. [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVIIth – early XXth centuries]. Irkutsk: MION. (in Russ.)
12. Zuev, A.S., 2009. Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraya polovina XVII–XVIII vv.) [The annexation of Chukotka to Russia (the second half of the XVIIth – XVIIIth centuries)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (in Russ.)
13. Kabuzan, V.M., 1990. Narody Rossii v XVIII v. Chislennost' i etnicheskii sostav [The peoples of Russia in the XVIIIth century. Population number and ethnic composition]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
14. Okun', S.B., 1935. Ocherki po istorii kolonial'noi politiki tsarizma v Kamchatskom krae [Essays on the history of the tsarist colonial policy in the Kamchatka Territory]. Leningrad. (in Russ.)
15. Okladnikov, A.P., 1937. Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-mongolov (XVII–XVIII vv.) [Essays on the history of the Western Buryat-Mongols (XVIIth and XVIIIth centuries)]. Leningrad. (in Russ.)
16. Dameshek, L.M. ed., 2022. Ocherki istoriografii i istochnikovedeniya istorii Sibiri epokhi imperii (XIX – nachalo XX vv.): uchebnoe posobie [Essays on historiography and source studies of the history of Siberia in the imperial period (XIXth – early XXth centuries): a textbook]. Irkutsk: Izd-vo IGU. (in Russ.)
17. Pivovarov, B.I., 1998. Altaiskaya dukhovnaya missiya i missionery [Altai Orthodox mission and missionaries]. In: *Iz dukhovnogo naslediya altaiskikh missionerov.* Novosibirsk, 1998, pp. 4–32. (in Russ.)
18. Potapov, L.P., 1948. Ocherki po istorii altaitsev [Essays on the history of the Altaians]. Novosibirsk. (in Russ.)

19. Sofronov, V.Yu., 2005. Tri veka sibirskogo missionerstva [Three centuries of Siberian missionary work]. Tobolsk: TGPI. (in Russ.)

20. Shunkov, V.I., 1955. Trudy S.V. Bakhrushina po istorii Sibiri [The works of S.V. Bakhrushin on the history of Siberia]. In: Bakhrushin, S.V., 1955. Nauchnye Trudy: v 3-kh t. T. 3. Ch. 1. Moskva: Izd-vo AN SSSR, pp. 5–12. (in Russ.)

21. Yurganova, I.I., 2020. Khristianizatsiya i ispolnenie pravoslavnoi obryadnosti na vostochnykh okrainakh Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XVIII v.) [Christianization and issues of performing Orthodox rites on the eastern outskirts of Russian Empire (the second half of the XVIIIth century)], Gumanitarnyi vector, Vol. 15, no. 6, pp. 34–43. (in Russ.)

Т.З. Позняк*

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЫ ОКтябрьской РЕВОЛЮЦИИ В ДВР: СОВЕТСКИЕ ПРАКТИКИ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА В БУФЕРНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Статья посвящена истории подготовки и празднования пятой годовщины Октябрьской революции в Дальневосточной республике. Автор констатирует, что празднование этого события проводилось по советским канонам и инструкциям органов РКП(б), хотя формально республика была отдельным государством. Торжества были нацелены на повышение градуса доверия большевикам со стороны населения республики, на дискредитацию внешних и внутренних врагов ДВР и Советской России. Пятая годовщина революции стала удачным поводом для инициированной сверху, но поданной как инициатива снизу кампании за ликвидацию ДВР и объединение Дальнего Востока с Советской Россией.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Октябрьская революция, годовщина, советские праздники, пропаганда

The celebration of the fifth anniversary of the October Revolution in the Far Eastern Republic: Soviet practices of party leadership in a buffer state.
TATYANA Z. POZNYAK (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article deals with how the fifth anniversary of the October Revolution was celebrated in the Far Eastern Republic. The author states that the celebration of this event was carried out according to the Soviet canons and instructions of the bodies of the Communist party, although nominally the republic was an independent state. The celebrations were aimed at increasing the degree of confidence of the Far Eastern population in the Bolsheviks and at discrediting the external and internal enemies of the Far Eastern Republic and Soviet Russia. The fifth anniversary of the revolution was a good occasion for a campaign (initiated from above, but presented as an initiative from below) for the absorption of the Far Eastern Republic by Soviet Russia.

Keywords: Far Eastern Republic, October Revolution, anniversary, Soviet holidays, propaganda

Тема праздничной культуры Советской России 1920-х –1930-х гг., и в частности празднования годовщин Октябрьской революции, часто привлекала внимание исследователей. В пер-

* ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: tzpoznyak@mail.ru

© Позняк Т.З., 2023

вые десятилетия советской власти книги и статьи, посвященные празднованию Октября, носили дидактический и практический характер, создавались в качестве пособий для политпросветработников [10; 18; 24]. В советское время данная тема рассматривалась либо в контексте агитационно-пропагандистской деятельности Коммунистической партии и воспитания советского человека [23], либо как часть нового советского быта и обрядности [8; 17].

Современные исследователи анализируют советские праздники в рамках различных парадигм: одни рассматривают их как часть повседневной культуры, нового досуга и одновременно как средство коммунистической пропаганды и агитации, воспитания нового человека, формирования политической культуры советского общества [9; 12; 20; 21; 22]; другие, на фоне мемориального поворота, охватившего гуманитарные науки, – в контексте коммеморации и мифологизации истории [3; 4; 11; 13]. В постсоветское время о раннесоветских праздниках был опубликован ряд обобщающих монографий [14; 15; 19]. Исследования проблемы проводились на материалах не только Москвы и Петрограда, но и регионов, включая Дальний Восток. Праздники раннесоветского времени в БМАССР анализируются в статьях Н.Е. Жуковой, А.Н. Соболевой, диссертации С.В. Хомякова [9; 20; 21]. В монографии Н.Г. Кулинич праздники раннесоветского времени в дальневосточных городах рассматриваются как часть досуговой культуры и механизм воспитания нового советского человека [12, с. 127–150]. Хронологические рамки этих исследований включают период после окончания Гражданской войны и установления на Дальнем Востоке советской власти. При этом праздничная культура Дальневосточной республики обойдена вниманием исследователей.

Целью данной статьи является реконструкция истории подготовки и празднования пятой годовщины Октябрьской революции в Дальневосточной республике (ДВР). Случай буферного государства представляет интерес в качестве одного из примеров того, как еще до формального установления советской власти в ДВР взаимодействовали экономические, политические и идеологические практики Советской России. Источниками исследования послужили нормативные и циркулярные документы Дальбюро ЦК РКП(б), протоколы заседаний комитетов РКП(б) и праздничных комиссий, их отчеты о проведенных мероприятиях.

Одним из показателей политических и социокультурных изменений в Дальневосточной республике, фактически идентичных преобразованиям Советской России, являлось проведение массовых революционных праздников. 17 августа 1920 г. Министерство труда ДВР издало приказ № 14, согласно которому, наряду с отдыхом в традиционные религиозные праздники – Рождество 25–26 декабря (2 дня), Пасха (2 дня, кроме воскресенья), Духов день (1 день), Благовещение (1 день), Преображение (1 день), Вознесение (1 день), Успение (1 день), Крещение (1 день), были введены нерабочие дни в новые советские праздники. Формулировка приказа говорит о полном замещении Верхнеудинским правительством числа праздников, их названия и значения из декретов советской власти: «Министерство Труда объявляет, что работы воспрепятствуют следующие дни, посвященные воспоминаниям об исторических и общественных событиях»: 1 января – Новый год, 22 января – день 9 января 1905 года, 12 марта – Низвержение Самодержавия, 18 марта – День Парижской коммуны, 1 мая – День Интернационала, 7 ноября – День Пролетарской революции (Государственный архив Республики Бурятия, далее – ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 2. Д. 22. Л. 22; Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1. Л. 88).

Празднование годовщины Октябрьской революции в Советской России – 7 ноября по новому стилю – было провозглашено 16 сентября 1918 г. постановлением ВЦИК [6, с. 352]. Этот день стал главным в советской системе революционных праздничных дней, которые признавались нерабочими. Они были закреплены принятыми 2 декабря 1918 г. Правилами Совнаркома о еженедельном отдыхе и о праздничных днях, включенными затем в Кодекс законов ВЦИК о труде [7, с. 122–124]. Традиционные религиозные праздники в ДВР оставили нерабочими днями, видимо, не только из боязни вызвать недовольство рабочих и служащих и, как написано в приказе, «в согласии с Центральным бюро профессиональных союзов», но и в соответствии с пунктом 8 Правил Совнаркома РСФСР о еженедельном отдыхе трудящихся от 2 декабря 1918 г.: «Местные советы профессиональных союзов, с согласия Наркомата труда, могут устанавливать, помимо вышеуказанных, особые дни отдыха, но не свыше 10 в году, согласуя эти дни отдыха с обычными в данной местности» [7, с. 124].

Организацией празднования пятой годовщины Октябрьской революции в ДВР в 1922 г. занимался агитационно-пропагандистский отдел (агитпропотдел) Дальбюро ЦК РКП(б). Впервые вопрос о праздновании был поставлен на заседании постоянного совещания при агитпропотделе 18 сентября 1922 г. А.Л. Сноскарев предложил следующий план: «1. По линии правительственной: а) сооружение памятника Октябрьской революции на площади Свободы; б) Нота советскому правительству; в) амнистия заключенным; г) воззвание к населению; д) обход казарм, приютов, тюрем, производственных предприятий; е) беседы с рабочими делегациями; ж) организация бесплатных спектаклей в театрах и киносеансов для рабочих масс; з) Закон о ликвидации кабальных сделок в крестьянском населении. 2. По армейской линии: а) парад, б) участие в демонстрации, в) вечера воспоминаний, г) фактическая связь шефов (подарки) частям. 3. Рабочие организации: а) демонстрации; б) организация делегаций к правительству, в Дальбюро и Губком. 4. По партийной линии: а) номера журнала, посвященного Октябрьской революции, б) Издание номера газеты с дополнительным тиражом для бесплатной раздачи населению в) канун Октябрьской революции ознаменовывается вечерами воспоминаний; г) в день Октябрьской революции ставятся бесплатные лекции, д) в театрах и иллюзионах либретто и кино; е). Облакомы издают лозунги и плакаты». Он также предложил тематику лекций и докладов, которые члены Дальбюро и правительства должны были прочитать различным аудиториям на собраниях: «1) Международное положение – Петров; 2) Международное рабочее движение – Шитов; 3) Хозяйственное строительство – Никифоров или Покровский; 4) Идеология партии – Каратаев» (Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 56).

Другие участники совещания часть предложений не поддержали. Они высказали сомнение в необходимости сооружения памятника в условиях полного отсутствия средств: «целесообразнее было бы вместо памятника выплатить жалованье служащим». Беседы с рабочими делегациями, по их мнению, не дадут желательных результатов, поскольку в делегации придут товарищи, возглавляющие профорганизации, «а желательно вести беседы именно с рабочей гущей – массой». Вместо этого предлагался об-

ход накануне праздника членами правительства и Совета министров фабрик, заводов и мастерских «для бесед с самой “неподдельной” рабочей средой» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 56). Вопрос об издании закона о расторжении кабальных сделок вызвал опасения некоторых участников тем, что он был бы нарушением права частной собственности¹. Многие сомневались и в результативности вечеров воспоминаний.

В результате совещание постановило: «1. Памятник не сооружать. 2. Ноту Сов[етскому] правительству не посылать. 3. Вместо бесед делегаций рабочих с правительством признать желательным, чтобы члены правительства и Совмина накануне праздника обходили фабрики, заводы, тюрьмы, казармы и приюты для бесед. 4. Вечера воспоминаний по парт[ийной] линии отменить. 5. Лекции поручить читать Никифорову или Покровскому по хозяйственному строительству, Шитову по рабочему вопросу, Карташеву об идеологии партии, Петрову о Международном положении. 6. Тезисы лекций должны быть представлены в агитпропотдел Дальбюро не позже 20 октября, дабы имелась возможность разослать их на места. 7. Не создавая рабочего аппарата по проведению праздника, организационную работу возложить на специально выдвинутого товарища². 8. Организаторы всех организаций, принимающих участие в празднике, должны контактировать между собой всю работу» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 56об.).

Однако затем³ была получена директива из Москвы: «Немедленно организуйте местную комиссию подготовке празднования пятилетней годовщины октябрьской революции составе: одному представителю Губкома РКП, Губисполкома, Губпрофсовета, военведа и комсомола. Подготовительную работу вести аппаратом агитпропа губкома. Расходы подготовке отнести

¹ Закон о признании ничтожными сделок кабального характера был принят правительством 17 октября 1922 г., несмотря на сомнение ответственных партийных работников в его законности (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 23–23об.).

² Это решение выпадало из обычной практики – в октябре 1921 г. для подобной же цели, празднования четвертой годовщины Октябрьской революции, была создана Центральная и нижестоящие комиссии (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1031. Л. 40).

³ Хотя телеграмма датирована 21 сентября, входящий номер Дальбюро – 28 сентября 1922 г.

местные средства. Промышленных районах необходимо организовать демонстрации. 21 сентября № 27556. Секретарь ЦК РКП В. Куйбышев Завагитпропом цека Бубнов» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 12).

В результате была создана, как и в предыдущем году, Центральная комиссия по празднованию. Агитпропотдел разработал и разослал областным комитетам РКП(б) циркуляр № 232 «О праздновании 5-ой годовщины Октябрьской революции». Особой задачей для парторганизаций ДВР была определена борьба с интервенцией и ее последствиями. В циркуляре было указано, что для руководства всей подготовительной работой, а также и самого празднования при Дальбюро ЦК РКП создается особая Центральная Комиссия в составе представителей от агитпропотдела, профсоюзов, армии и органов государственной власти. «При губкомах также создаются комиссии по проведению дня Октябрьской революции в составе тех же организаций». Основные цели и задачи праздника были определены следующим образом: «День 7-го ноября должен быть сделан днем тесного общения РКП с широкими массами рабочих, крестьянства и армии, днем единения рабоче-крестьянской власти с избранниками ее, днем подведения итогов 5-ти летней борьбы и работы пролетариата, днем изучения основных задач, стоящих перед трудящимися в данный момент, значения единства воли и действия в пролетарском движении, осуществляемого РКП и Коминтерном, днем собирания сил для организации победы на Дальнем Востоке, продолжающем еще быть в сфере влияния умирающей реакции. День празднования Октябрьской революции должен быть проведен с подъемом, воодушевлением с уверенностью в правоте своего дела и в полную победу над всеми препятствиями, стоящими на пути» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 54). План празднования включал пункты, предложенные А.Л. Сноскаревым, без учета критики участников вышеуказанного совещания. Подготовку на местах предлагалось начать со дня получения циркуляра (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 54–55).

30 сентября Центральная комиссия постановила предложить правительству ассигновать из секретного фонда сумму на расходы по празднованию и распределить ее по областям: Забайкальской комиссии – 50%, Приамурской – 25%, Амурской – 15% и Прибайкальской – 10%; приложить усилия к привлечению шефов для ока-

зания материальной помощи прикрепленным частям НРА; просить правительство об ассигновании 3 тыс. руб. золотом на улучшение экономического положения приютов; предложить Забайкальской комиссии провести совместное заседание (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 58–58об.). 5 октября комиссия утвердила директиву правительства облуправлениям и облэмиссарам (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 59).

20 октября 1922 г. А.Л. Сноскарев подвел итоги работы, проделанной комиссией за две недели: на места были разосланы директивы, средства, плакаты и тезисы по докладам, журнал и газеты были подготовлены к изданию. Он также высказал критику в адрес Забайкальской областной комиссии – «громоздкая и не работоспособная». Заместитель председателя правительства ДВР Д.С. Шилов уведомил комиссию о подготовке правительством воззвания, утверждении закона о кабальных сделках, а также о том, что к следующему заседанию через комфракцию правительства будет проведено ассигнование на подарки приютам. Комиссия постановила: признать работу Забайкальской областной комиссии слабой, для усиления работы выделить работоспособный президиум, предложить губкому партии назначить председателем комиссии Е.И. Накорякова, предложить областной комиссии предоставить центральной к 25 октября планы демонстрации, парада, обхода предприятий членами центральной и областной власти, план украшения города, а также начать агиткампанию в печати, предложить правительству к 1 ноября составить воззвание и проект об амнистии (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 60–60об.).

Согласно распоряжениям центра во всех областях Дальневосточной республики были созданы губернские/областные⁴ комиссии по празднованию пятой годовщины Октябрьской революции. Последние в свою очередь разослали директивы на места – в уездные, городские и районные комитеты РКП(б), где также были организованы соответствующие органы. Все руководящие директивы из центра пересылались на места с добавлением материалов,

⁴ В источниках созданные в областях ДВР комиссии и комитеты партии именуется «губернскими» по примеру Советской России, хотя органы гражданской власти – «областными», при этом законов о переименовании областей в губернии до ликвидации ДВР не издавалось. В статье «областной» и «губернский» используются как синонимы.

разработанных на областном уровне. С мест в Дальбюро сразу посыпались запросы о финансировании и директивах (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 13–18).

Денег в бюджете республики катастрофически не хватало, небольшие суммы, выделенные областям, были переведены с задержкой, а собственных денег на местах на организацию массовых мероприятий и украшение улиц не было. Прибайкальской комиссии Дальбюро выделило 170 руб., они были распределены между местными комиссиями: Верхне-Удинскому горкому РКП(б) и губкомиссии – 50 руб. зол., Петровско-Заводскому уездному комитету – 30 руб., Хилокскому районному бюро партии – 10 руб., Троицко-Савскому и Баргузинскому – по 30 руб., Верхне-Чикойскому – 20 руб. (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 5об.). В столице Управление делами Совмина разослало всем министрам циркуляр от 25 октября 1922 г. с требованием украсить собственные здания, поскольку у Комиссии по празднованию и городского управления не было на это средств (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 19).

На примере Забайкальской и Амурской областей можно проследить, как проходила подготовка праздника на местах.

В Забайкальскую губернскую комиссию (Забгубкомиссия) вошли агитотдел губкома партии, представители РКСМ, райпрофсовета, посека⁵, подива⁶, облуправления, горуправления. Для проведения празднеств в Чите в комиссию привлекли представителя городского райкома партии, который должен был проводить все становления комиссии, касающиеся города.

Комиссия по празднованию при Забгубкоме попросила комфракцию Дальцентросоюза выделить 500 руб. золотом, однако последняя отказала, поскольку и так предоставляла огромные суммы на партийные нужды: «В отпуске 500 рублей золотом, просимых комиссией, отказать и сообщить Дальбюро, что Центросоюз в течение полугода на разные общественные нужды выдал более 50000 рублей золотом...» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 11).

В соответствии с указаниями Центральной комиссии Забгубкомиссия разработала план подготовки и проведения праздника и разослала его по области, приказала создать комиссии при уездных и районных комитетах «по такому же принципу, что и губернские». План

подготовки к празднику включал следующие пункты: областное управление вырабатывает воззвание к крестьянскому населению, облкомиссия, а в уездах – уездкомиссии «намечают приюты, казармы, арестные дома, тюрьмы, подведомственные им производственные предприятия для обхода их в день празднования или за день до членами правительства и главами учреждений, коим подведомственны те или иные предприятия», облкомиссия принимает меры к улучшению пайка в дни празднования в казармах, тюрьмах, приютах за счет соответственных правительственных учреждений; городское управление и райпрофсовет обеспечивают устройство бесплатных спектаклей и сеансов для рабочих Читы. Репертуар театров и кино поручили подобрать Агитпропотделу и утвердить в губкомиссиях. Улицы и площади планировали украсить арками за счет средств городского управления. Отделы народного образования должны были организовать празднования в школах: устроить спектакли, игры, а перед их началом объяснить детям «смысл и значение празднования».

Особых воинских комиссий в области, уездах, гарнизонах создавать не планировалось, представители армии входили в комиссии при партийных комитетах: «в каждую соответственно входит представитель воинских организаций: Посекр – в Областную, Военком УВУ – в уездную и гарнизонную», полевые части создают полковые комиссии, которые выделяют представителя в гарнизонную (уездную, областную). Подготовительная работа в войсках предполагала проведение бесед, политчасов, «чтобы каждый народоармеец на празднике осознавал значение Октябрьской революции». В конце октября военкомы гарнизонов с представителями комиссий должны были обойти казармы для выяснения необходимого ремонта и произвести «таковой средствами как Комиссий (по ассигновкам областей), так и собственными». Армии предлагалось предоставить рабочую силу и материалы (по возможности) для украшения помещений, улиц, площадей (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 45).

Празднование предполагалось в течение трех дней. В частях НРА 5 и 6 ноября коммунистические ячейки и военкомы устраивают в клубах, общежитиях, казармах вечера воспоминаний, вопросов и ответов на темы «Октябрьская революция», «Колчаковщина» и «Семеновщина». 6 ноября члены правительства обходят бойцов

⁵ Политсекретариат.

⁶ Политотдел дивизии.

по плану гарнизонной комиссии, «желательно присутствие членов правительственных учреждений на вечерах воспоминаний, вопросов и ответов». 7 ноября начинается парадом и митингом и проходит в «открытых бесплатных развлечениях (спектакли, инсценировки, суды и прочее) смотря по наличию сил, средств и других возможностей как в гарнизонном масштабе, так и в отдельных частях силами и инициативой последних» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 45). 8 ноября вечером комячейки устраивают торжественные открытые заседания с обязательным участием комсостава и добровольным – бойцов, делаются доклады на темы: «Октябрь», «Коминтерн», «Итоги гражданской войны и экономическое строительство». В дни празднования части получают усиленный и улучшенный паек.

План для рабочих профсоюзных организаций включал участие в демонстрациях, издание ДВСПС возвания к рабочим, 6-го ноября устройство вечеров воспоминаний в рабочих клубах Читы 1, Большого острова, Черновских копей, в зале Народного собрания; торжественное заседание профсоюзов на Чите 1.

Губкому РКП(б) поручалось подготовить номер газеты «Забайкальский крестьянин», посвященный Октябрю, со статьями на темы «Что привело к революции и чего она добивалась», «Что дал Октябрь рабочему и крестьянину», «Наши задачи к 6-ой годовщине», издать лозунги, афиши, программы празднования. Члены губкома должны были сделать доклады в рабочих клубах, в воинских частях на темы «Международное положение», «Международное рабочее движение», «Хозяйственное строительство», «Идеология партии» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 46).

Забгубкомиссия разработала детальный план парада и демонстрации 7 ноября, маршрут следования колонн для Читы 1 и 2 (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 25–25об.).

Огромное значение придавалось вовлечению в празднование подрастающего поколения, пропаганде среди учащихся коммунистических идей. Забайкальская комиссия разработала план празднования годовщины в школах Читы: «Начинается с 5 ноября, в этот день учащиеся некоторых школ ... и детские дома идут в ИНО, где для них устраивается вечер рассказывания по Бичер-Стоу “Хижина дяди Тома” с туманными картинками, 6 ноября объявляется “Днем новой школы” и проводится в духе творчества, само-

инициативы и активности учащихся». В рамках этого дня с учащимися беседуют о старой и новой школе, рассказывается, «что дал Октябрь для школы, что такое Красный октябрь и почему мы должны его праздновать». 7 ноября все учащиеся города 1 и 2 ступени в 10 часов утра собираются в своих школах, учащиеся 2 ст. организованным порядком принимают участие в демонстрации, 1 ст. проводят день в школах на торжественных собраниях: «перед открытием праздника исполняется Интернационал, краткие приветственные речи представителей организаций, правительства, в каждой школе беседы о значении Октябрьской революции, литературное утро – декламация, инсценировки, живые картины, концерт при активном участии детей, игры, чай, угощение» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 26).

В Благовещенске были созданы две комиссии – одна при агитпропотделе Амурского областного комитета РКП(б) из представителей партии, губпрофсовета, комсомола, «женотдела и посекра», вторая – областная под председательством облэмиссара Ф.И. Зюлькова. Комиссия при областном комитете РКП(б) разработала планы праздника, составила инструкции, разослала циркуляры и литературу уездным комитетам партии. Областная комиссия была разделена на несколько подкомиссий (редиздательскую, украшения города, шествия и парада, театральную и финансовую) и занималась организацией празднования в областном центре.

Средства для проведения праздника в Амурской области, кроме выделенных Дальбюро и разосланных по уездам (по 25–50 руб. каждому), изыскали благодаря пожертвованиям различных общественных и государственных организаций: кооператив «Труженик» пожертвовал 50 руб., областная инспекция милиции – 100 руб., Центросоюз – 100 руб., областное бюро РКП(б) – 50 руб., Госторг – 100 руб., Амурское облуправление – 100 руб., Дальбанк – 200 руб., и другие – 100 руб., а всего было собрано 800 руб. (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 146).

Председатель областной комиссии издал приказ, где прописал порядок празднования в Благовещенске. Праздновать предписывалось два дня – вечером 6 ноября и 7 ноября. По замыслу организаторов, 6 ноября в 7 часов вечера в художественном театре, во всех театрах и клубах города должны были состояться торжественные собрания. Распорядителем назначался

начальник штаба войск Благовещенского района Еремин. После собраний, заканчивающихся «по извещению распорядителя», из всех районов города праздничные шествия направляются к зданию бывшего реального училища между улицами Торговой и Графской для открытия рабочего университета. Оно предполагалось в 11 часов вечера, после этого демонстранты направляются на Соборную площадь для открытия памятника «Революции».

7 ноября в 10 часов утра назначался парад войск, демонстрация профессиональных и общественных организаций, на которые приглашались все трудящиеся города и окрестностей. Профсоюзные организации собираются возле своих управлений к 9 часам утра и к 9.30 прибывают на Соборную площадь, в это же время сюда прибывают и войска. Парадом командует начальник штаба войск Еремин, принимают парад командующий войсками Благовещенского района, член Совета частей особого назначения, эмиссар области и председатель облпрофсовета. В 10 часов 30 мин на Соборную площадь прибывают начальник территориального батальона, представители губбюро и «начинается вручение шефского знамени». В 11 часов открывается митинг и в здании райкомвода – торжественное совещание представителей профессиональных общественных и государственных организаций. В 1 час дня с Соборной площади шествие отправляется по Мастерской, Иркутской, Садовой и Вознесенской улицам к братской могиле, где происходит траурный митинг поминовения жертв революции и гражданской войны. Для развлечения народных масс с 1 до 4 часов дня во всех театрах и кинематографах предполагались бесплатные сеансы для детей, а с 5 часов вечера – для взрослых [5, с. 300–302].

Парады и демонстрации на центральных улицах и площадях городов и поселков являлись, по замыслу организаторов, главной составляющей и кульминацией праздничных торжеств. Они напоминали парады и крестные ходы имперского времени. Массовый праздник в дальневосточных городах в имперское время включал в себя официальную, торжественную часть – военный парад, литургию или молебен в городских соборах, крестный ход, торжественные заседания в общественных и военных собраниях, городских думах, клубах. Развлекательную часть представляли народные гуляния в теплое время года в городских садах и на площадях с балаганами, качелями,

театральными и цирковыми представлениями на свежем воздухе, подвижными играми, благотворительными лотереями и пр., спектакли, концерты, литературно-драматические вечера и киносеансы (дневные – для детей и вечерние – для взрослых), балы, маскарады и пр. Главными участниками торжеств были военные, учащиеся учебных заседаний, образованное общество, а народные гуляния предполагали вовлечение разных слоев городского населения [2].

Новым элементом праздника стали вечера воспоминаний, их предлагалось проводить в неформальной форме душевных бесед, они должны были сформировать представление о героической борьбе местных коммунистов с самодержавием, колчаковщиной, семеновщиной, интервенцией. Этой же цели служили панихиды на могилах революционеров, партизан, павших в годы гражданской войны.

Коррективы в празднование пятой годовщины Октября в ДВР внесли судьбоносные решения Москвы. 12 октября 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) ввиду разрядившейся внешнеполитической обстановки на Дальнем Востоке признало целесообразным упразднить буфер, отложив практические шаги до полной эвакуации японских войск из Приморья, которая состоялась 25 октября. Т.В. Сапронов привез директиву Политбюро 28 октября. 28 и 30 октября состоялись секретные заседания узкого круга ответственных партийных работников, где был выработан секретный план ликвидации ДВР. Демонтаж должен был произойти в сжатый срок и быть оформлен как инициатива снизу, стихийное и спонтанное волеизъявление трудящихся. На митингах, демонстрациях и собраниях, приуроченных к пятой годовщине Октябрьской революции, трудовые массы должны были потребовать установления власти Советов, создания ревкомов (где это было возможно с учетом настроения масс), роспуска Народного собрания ДВР и присоединения к Советской России. Составленные Дальбюро тексты резолюций из Читы передали на места, где они уже как выражение народных масс должны были быть приняты на собраниях и митингах и переданы в Народное собрание ДВР (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 138. Л. 25–45; Д. 149. Л. 81, 104–105, 108); [1, с. 96–100].

31 октября 1922 г. состоялось совместное заседание центральной и забайкальской комиссий. Судя по предложению Д.С. Шиловой «ввиду предстоящего изменения всей Дальне-

восточной ситуации обход представителями правительства предприятий отменить», он был в курсе решений секретного совещания, но еще не мог говорить о них открыто. На заседании подвели итоги оргработы: были решены вопросы о параде, украшении города и лекциях. Председатель Забайкальской комиссии Накоряков «усилил и ускорил» подготовку к празднику. Правительство выделило 1500 руб. зол. на материальную помощь нуждающимся, деньги решили передать Забайкальской комиссии для распределения: «красным инвалидам», приютам, больным народоармейцам и «на улучшение пищи бойцам» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 61).

31 октября 1922 г. секретарь Дальбюро ЦК РКП(б) Н.А. Кубяк телеграммой уведомил главнокомандующего ДВР И.П. Уборевича о предстоящих переменах: «Дальбюро постановило немедленно советизировать Дальний Восток. Народное собрание ДВР соберется 10 ноября 1922 г., выпустив декларацию экономического и политического значения, сложит с себя полномочия, после чего передаст власть ревкому». Телеграммой предписывалось немедленно приступить к созыву митингов на местах, в ходе которых требовать передачу власти от Народного собрания ДВР к Советам, а в день Октябрьской революции устроить широкие демонстрации (был расписан сценарий демонстрации, состав участников) и потребовать передать власть ревкому (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 193. Л. 71); [25, с. 44].

1 ноября 1922 г. секретное совещание⁷ партийной комиссии при Дальбюро обсудило меры по советизации Дальнего Востока и постановило вместо областных/губернских управлений создать временные губернские революционные комитеты с функциями гражданской власти. Им предписывалось опубликовать обязательное постановление о принятии власти и о мирном течении жизни. Городские и областные собрания уполномоченных и управления «самораспускаются», а вместо них создаются городские коммунальные отделы при губревкоме (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 480. Л. 2). Забайкальскому губкому партии поручалось решить вопрос о порядке передачи власти областным и городским управлениями ревкому во время Октябрьского празд-

нества, на торжественное заседание пригласить делегатов Далькрайсъезда профсоюзов, 7 ноября устроить два митинга: первое выступление на Чите 1 и второе – на площади Свободы. Ответственным назначили Д.А. Носок-Турского. И.Я. Гольдману с агитотделом поручили срочно написать тезисы по агитации за советизацию на местах, а Я.Д. Янсону – составить текст декларации Нарсоба о передаче власти Далькрайревкому и представить на утверждение Дальбюро (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 480. Л. 3).

Все комиссии на местах далее действовали в соответствии с предписанием центра совместить празднование Октября с требованиями масс упразднить ДВР и установить советскую власть.

Прибайкальская губернская комиссия в конце ноября 1922 г. отапортовала Дальбюро ЦК РКП об успешном проведении праздника пятой годовщины Октября и «работы по советизации ДальВостока»: «эти ударные кампании первое время были повсеместно совмещены». При подготовке празднования Прибайкальская комиссия главное внимание уделила изданию праздничного номера газеты и воззвания к рабоче-крестьянским и красноармейским массам. Они были выпущены за несколько дней до события «с расчетом своевременного прихода литературы на места». Выпускаемый «номер газеты по силам возможности был иллюстрирован и в нем были помещены наиболее яркие лозунги». Собственный номер газеты был выпущен и Верхнеудинском сельском районе, причем тираж «был увеличен на 600 экземпляров более обыкновенного и распределение было проведено преимущественно среди рабоче-крестьянских и красноармейских масс».

В Верхнеудинске и его предместьях 6 ноября прошли митинги, торжественное заседание представителей государственных, общественных и профсоюзных организаций, на котором приняли постановление о советизации. Перед созывом последнего по крупным профсоюзам города и области были проведены общие собрания «с вынесением ряда резолюций о Соввласти». 7 ноября с утра в городе прошла демонстрация, после которой «демонстранты двинулись к зданию Облуправления и потребовали власти Советов. Облуправление с представителями от демонстрантов и эмиссариата[,] устроив совещание[,] сложило свои полномочия, передав всю полноту госвласти Прибугревкому. Демонстранты[,] посетив братские

⁷ Присутствовали: члены Дальбюро Н.А. Кубяк, Я.Д. Янсон, А.М. Буйко, секретарь Забайкальского губкома Д.А. Носок-Турский, заведующий оргинструкторским отделом Дальбюро И.Я. Гольдман.

могилы[,] разошлись по домам и только к 6-ти часам вечера собрались в клубы и Нар[одный] дом на митинги-спектакли. Угощение красноармейцев, раздача подарков детям приюта, посещение арестных помещений было проведено полностью». В отчете комиссии было отмечено, что «празднование прошло чрезвычайно торжественно, с подъемом[,] и участвующих было более 5000, несмотря на холодный день».

Согласно отчетам, в Верхнеудинском сельском районе почти во всех селах и на железнодорожных станциях прошли демонстрации и митинги-спектакли. Праздник прошел «единодушно с желанием скорейшего проведения советизации» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 5). В Баргузине городское управление и собрание городских уполномоченных сложили свои полномочия. Население Баргузинского уезда «отнеслось сочувственно к празднеству и к советизации Дальнего Востока». В Троицкосавске профсоюзы провели митинги, 7 ноября состоялся парад и демонстрация. Согласно отчету комиссии, во многих селах Троицкосавского уезда на митингах «выносились резолюции о передаче всей полноты власти Советам». «Все, что было указано в циркулярах Дальбюро, было проведено».

В центре Верхне-Чикойского района – селе Красный Яр – крестьяне собрались в Народном доме и прослушали доклад о значении пятой годовщины Октября, в других селах прошли собрания, манифестации и митинги-спектакли. Составители отчета утверждали, что «крестьянство Верхне-Чикойского района революционно настроенное приняло самое активное участие в проведении празднества. Вообще во всей губернии празднество прошло оживленно, а особенно кампания по Советизации Дальнего Востока была принята трудящимися с восторгом. Сотни резолюций постановлений телеграфно и почтой приходили в губком и облуправление, к последнему в форме требования сдачи власти Советам РК и КД. В некоторых селах зачитывали на общих собраниях циркулярные письма парткомов о проведении дня празднования 5-ой годовщины Октябрьской Революции и принимали их единогласно за основу плана проведения празднества» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 5об.).

В таком же позитивном тоне написан отчет о празднике на станции Хилок. 5 ноября была выпущена живая газета «Молот», посвященная «исключительно Октябрьской революции», ве-

чером поставили два водевиля и декламации. 6 ноября прошел вечер воспоминаний, на котором выступало много беспартийных, «вечер принял оживленный характер ... и продолжался почти до полуночи». 7 ноября «при большом скоплении граждан и рабочих было открыто торжественное заседание с пением похоронного марша и интернационала, после чего были сделаны доклады, заседание закончилось пением исполненным местным хором и вечером был поставлен украинским любительским кружком бесплатный спектакль “Хатня Революция”» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 137. Л. 1–3).

Секретарь Амурского губбюро РКП(б) В.О. Корницкий образно описывает настроения в Благовещенске в дни праздника и в связи с советизацией: «В этот момент массы дышали с партией одними чувствами и переживаниями. Митинги, устроенные по городу, на окраинах, в уездных центрах, собрали сотни и тысячи слушателей. Не раздавалось ни одного голоса против коммунистов и советвласти. ... Главная улица на несколько верст “покраснела”». Празднование началось вечером 6 ноября: «Город оказался в огне тысячи разноцветных электрически лампочек. ... По пушечному выстрелу в 6 часов вечера начались собрания. В центре города в Художественном собрании торжественное заседание полит., проф. и общественных организаций человек 600–700. Большинство беспартийных. После приветствий от РКП т.т. Корницкого, Зюлькова и Бородавкина, воспоминания о наиболее важных моментах борьбы 5 армии с колчаковской реакцией, борьбы НРА на Дальнем Востоке и заключительная речь, богатая образами, сказанная т. Хаитом. В рабочих центрах, на окраинах в Горбылевском, Зейском, Забурхановском и областной тюрьме, в клубах вечера воспоминаний и доклады. ... в 11 час. ночи с пением все районы собираются к Рабочему Университету имени 5 годовщины ОР. После двух речей о важности для пролетариата овладением ценностями науки шествие с музыкой, факелами к 12 час. ночи при огромном стечении народа направляется на Соборную площадь, где открыт памятник из железа и стали, памятник революции. Одна речь, пушечные выстрелы, фейерверки и празднество окончено. Однако публика не расходится и долго еще в морозном воздухе слышны восторженные приветствия октября» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 592. Л. 146об.); [5, с. 302–305]. 7 ноября, несмотря на холодный ветреный день, праздник

был многолюдным и оживленным: «Резкий ветер пронизывает насквозь. К 9 часам к зданию Облпрофсовета стекаются рабочие и служащие со своими знаменами. Улицы полны народом. К 10 часам открывается парад, приветствия, требования сдачи власти. Выбор делегации с требованием торжественному заседанию, – словом, все моменты повторяются везде и всюду. По окончании парада и митинга-шествия на братскую могилу и в 3 часа празднество прерывается. С 1 до 4 все кинематографы, зверинец были открыты для детей. А с 7 ч. вечера во всех окраинах бесплатные спектакли и доклады. Шла пьеса одного из способных коммунистов, написанная им по заданию Губбюро ... “Красный октябрь”. В центре города в Художественном театре грандиозный устный журнал свыше 1000 человек народу» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 592. Л. 147).

Празднование пятой годовщины Октябрьской революции в Дальневосточной республике проводилось по советским канонам и инструкциям РКП(б). Несмотря на то, что формально Дальневосточная республика была отдельным государством, в ней фактически повторялись советские практики праздников. Торжества были нацелены на повышение градуса доверия большевикам со стороны населения республики, на дискредитацию внешних и внутренних врагов ДВР и Советской России. Главное назначение праздника организаторы видели не столько в организации досуга населения, сколько в пропаганде коммунистических идей, вовлечении в празднование широких народных масс, мобилизации и сплочении вокруг коммунистической партии трудовых слоев населения, создании новой советской обрядности. Предлагаемая партийными органами тематика лекций и докладов была призвана повысить образовательный уровень рабочих масс, сформировать представление о вражеском окружении ДВР и Советской России, мировом революционном движении, внешне – и внутривосточном положении Дальневосточной республики, успехах хозяйственного строительства, программе коммунистической партии. Главными идеями праздника должны были стать необходимость «изжития белогвардейщины и интервенции» и установление советской власти на Дальнем Востоке.

В отличие от предыдущих, пятая годовщина стала еще и удачным поводом для инициированной сверху, но поданной как инициатива масс кампании за ликвидацию ДВР, установле-

ние советской власти и объединение Дальнего Востока с Советской Россией. Упразднение буфера является примером спланированной большевистской инсценировки – серии своеобразных «флешмобов» (демонстраций, митингов и собраний), на которых народные массы должны были потребовать упразднения буфера и установление власти ревкомов [1, с. 94–105; 16, с. 33; 25, с. 43–44]. 9 ноября 1922 г. Н.А. Кубяк доложил в ЦК РКП(б), что «инсценировка требований масс об упразднении буфера удалась. Самый лучший буржуазный дипломат не расшифрует сути» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 149. Л. 81). Отчеты областных комитетов РКП(б) рисуют идеальную картину народной поддержки установления советской власти и широкого участия народных масс в празднике. Трудно судить, были ли эти отчеты стремлением партийных органов выдавать желаемое за действительное или население ДВР действительно поддерживало установление советской власти, надеясь на улучшение жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаренков А.А. Методы ликвидации Дальневосточной республики в 1922 году // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 94–105.
2. Андриец Г.А. Массовые городские праздники на юге Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 155–165.
3. Барышева Е.В. Коммеморация революции в советской праздничной культуре 1920-х – 1930-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 3. С. 235–244.
4. Барышева Е.В. Мифологизация истории в праздничных мероприятиях 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 180–193.
5. Благовещенску 100 лет (1858–1958): сборник документов и материалов. Благовещенск, 1959.
6. Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964.
7. Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968.
8. Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышление социолога. М., 1985.
9. Жукова Н.Е. Советские общественные праздники Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930 гг. (на примере празднования годовщин Октябрьской революции) // Вестник Бурятского государствен-

ного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. № 4. С. 14–19.

10. Как праздновать Октябрь: пособие для политпросветработников. М.; Л., 1927.

11. Красильникова Е.И. Октябрьские торжества в городах – административных центрах Восточной Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 105–115.

12. Кулинич Н.Г. Досуговая культура горожан советского Дальнего Востока в 1920-е – 1930-е гг. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011.

13. Малышева С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 гг. // Диалог со временем. 2003. № 10. С. 231–254.

14. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы и исторические мифы (1917–1927 гг.). Казань: Рутен, 2005.

15. Плагенбург Ш. Культура и Революция. Культурные ориентиры периода Гражданской войны. СПб., 2000.

16. Позняк Т.З. «Политтехнологии» Дальневосточной республики: методы и приемы большевиков в борьбе за власть в «буфере» // Россия и АТР. 2022. № 3. С. 21–36.

17. Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. № 6. С. 3–15.

18. Рабочим клубам к десятилетию Октября. М.; Л.: Долой неграмотность, 1927.

19. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.

20. Соболева А.Н. Формирование советской праздничной культуры в Бурят-Монгольской АССР // Республика Бурятия – 95 лет: сборник научных статей. Улан-Удэ, 2018. С. 196–198.

21. Хомяков С.В. Культурные и политические процессы в Бурятии в 1920-х – 1941 гг.: формирование советского человека: автореф. дис. ... канд. ист. н. Улан-Удэ, 2017.

22. Шалаева Н.В. Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации // Власть. 2013. № 1. С. 132–136.

23. Шерпелев Л.И. Агитационно-пропагандистская работа Коммунистической партии в связи с проведением революционных праздников и юбилеев (1918–1927 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. н. Горький, 1971.

24. Цехновицер О.В. Демонстрация и карнавал. К десятой годовщине Октябрьской революции. М.: Долой неграмотность, 1927.

25. Цуканов С.С. Вклад Дальневосточного революционного комитета в развитие региона. 1922–1926 гг. Хабаровск, 2017.

REFERENCES

1. Azarenkov, A.A., 2006. *Metody likvidatsii Dal'nevostochnoi respubliki v 1922 godu* [Methods of liquidation of the Far Eastern Republic in 1922], *Voprosy istorii*, no. 8, pp. 94–105. (in Russ.)

2. Andriets, G.A., 2007. *Massovye gorodskie prazdniki na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Mass city holidays in the south of the Russian Far East (late 19th – early 20th century)], *Rossiia i ATR*, no. 1, pp. 155–165. (in Russ.)

3. Barysheva, E.V., 2019. *Kommemoratsiya revolyutsii v sovetskoii prazdnichnoi kul'ture 1920-kh – 1930-kh gg.* [Commemoration of the revolution in the Soviet holiday culture of the 1920s and 1930s], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, Vol. 21, no. 3, pp. 235–244. (in Russ.)

4. Barysheva, E.V., 2020. *Mifologizatsiya istorii v prazdnichnykh meropriyatiyakh 1920-kh – 1930-kh gg.* [Mythologization of history in the celebrations of the 1920s and 1930s], *Vestnik arkhivista*, no. 1, pp. 180–193. (in Russ.)

5. *Blagoveshchensku 100 let (1858–1958): sbornik dokumentov i materialov* [100th anniversary of Blagoveshchensk, 1858–1958: a collection of documents and materials]. Blagoveshchensk, 1959. (in Russ.)

6. *Dekrety Sovetskoii vlasti. T. III. 11 iyulya – 9 noyabrya 1918 g.* [Decrees of the Soviet power. Vol. III. July 11 – November 9, 1918]. Moskva, 1964. (in Russ.)

7. *Dekrety Sovetskoii vlasti. T. IV. 10 noyabrya 1918 g. – 31 marta 1919 g.* [Decrees of the Soviet power. Vol. 4. November 10, 1918 – March 31, 1919]. Moskva, 1968. (in Russ.)

8. Zhigul'skii, K., 1985. *Prazdnik i kul'tura. Prazdniki starye i novye. Razmyshlenie sotsiologa* [Holiday and culture. Old and new holidays. Reflections of a sociologist]. Moskva. (in Russ.)

9. Zhukova, N.E., 2018. *Sovetskie obshchestvennye prazdniki Buryat-Mongol'skoi ASSR v 1920–1930 gg. (na primere prazdnovaniya godovshchin Oktyabr'skoi revolyutsii)* [Soviet public holidays of the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s and 1930s (the case of the celebrations

of the October Revolution anniversaries)], Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii, no. 4, pp. 14–19. (in Russ.)

10. Kak prazdnovat' Oktyabr'. Posobie dlya politprosvettrabotnikov [How to celebrate October: a manual for political enlightenment workers]. Moskva; Leningrad, 1927. (in Russ.)

11. Krasil'nikova, E.I., 2017. Oktyabr'skie torzhestva v gorodakh – administrativnykh tsentrakh Vostochnoi Sibiri: kommemorativnyi aspekt (1920–1945 gg.) [October celebrations in the administrative centers of Eastern Siberia: a commemorative aspect, 1920–1945], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 423, pp. 105–115. (in Russ.)

12. Kulinich, N.G., 2011. Dosugovaya kul'tura gorozhan sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920-e – 1930-e gg. [Leisure in the cities of the Soviet Far East in the 1920s and 1930s]. Khabarovsk: Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta. (in Russ.)

13. Malysheva, S.Yu., 2003. Istoricheskaya mifologiya sovetskikh «revolyutsionnykh prazdnestv» 1917–1920 gg. [Historical mythology of the Soviet «revolutionary celebrations», 1917–1920], Dialog so vremenem, no. 10, pp. 231–254. (in Russ.)

14. Malysheva, S.Yu., 2005. Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly i istoricheskie mify (1917–1927 gg.) [Soviet holiday culture in the province: space, symbols, historical myths, 1917–1927]. Kazan: Ruten. (in Russ.)

15. Plaggenborg, S., 2000. Kul'tura i Revolyutsiya. Kul'turnye orientiry perioda Grazhdanskoi voyny [Culture and Revolution. Cultural landmarks of the Civil War period]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

16. Poznyak, T.Z., 2022. «Polittekhnologii» Dal'nevostochnoi respubliky: metody i priyomy bol'shevikov v bor'be za vlast' v «bufere» [«Political technologies» in the Far Eastern Republic: the methods of Bolsheviks in their struggle for power in a buffer state], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 21–36. (in Russ.)

17. Polishchuk, N.S., 1987. U istokov sovetskikh prazdnikov [At the origins of Soviet holidays], Sovetskaya etnografiya, no. 6, pp. 3–15. (in Russ.)

18. Rabochim klubam k desyatiletiiu Oktyabrya [To workers' clubs for the 10th anniversary of October Revolution]. Moskva; Leningrad: Doloi negramotnost', 1927. (in Russ.)

19. Rolf, M., 2009. Sovetskie massovye prazdniki [Soviet mass festivals]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

20. Soboleva, A.N., 2018. Formirovanie sovetskoi prazdnichnoi kul'tury v Buryat-Mongol'skoi ASSR [Formation of the Soviet holiday culture in the Buryat-Mongolian ASSR]. In: Respublika Buryatiya – 95 let: sbornik nauchnykh statei. Ulan-Ude, 2018, pp. 196–198. (in Russ.)

21. Khomyakov, S.V., 2017. Kul'turnye i politicheskie protsessy v Buryatii v 1920-kh – 1941 gg.: formirovanie sovetskogo cheloveka [Cultural and political processes in Buryatia, the 1920s – 1941: the formation of Soviet man], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Ulan-Ude. (in Russ.)

22. Shalaeva, N.V., 2013. Sovetskii gosudarstvennyi prazdnik kak mekhanizm formirovaniya reprezentativnogo obraza vlasti i sotsiokul'turnoi kommunikatsii [Soviet state holiday as a mechanism for the formation of a representative image of power and socio-cultural communication], Vlast', no. 1, pp. 132–136. (in Russ.)

23. Sherpelev, L.I., 1971. Agitatsionno-propagandistskaya rabota Kommunisticheskoi partii v svyazi s provedeniem revolyutsionnykh prazdnikov i yubileev (1918–1927 gg.) [Agitation and propaganda work of the Communist Party in connection with the revolutionary holidays and anniversaries, 1918–1927], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Gorky. (in Russ.)

24. Tsekhnovitser, O.V., 1927. Demonstratsiya i karnaval. K desyatoi godovshchine Oktyabr'skoi revolyutsii [Demonstration and carnival. To the 10th anniversary of the October Revolution]. Moskva: Doloi negramotnost'. (in Russ.)

25. Tsukanov, S.S., 2017. Vklad Dal'nevostochnogo revolyutsionnogo komiteta v razvitie regiona. 1922–1926 gg. [The contribution of the Far Eastern Revolutionary Committee to the development of the region, 1922–1926]. Khabarovsk. (in Russ.)

И.А. Головнев*

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В КИНОДОКУМЕНТАХ А.З. КУШЕШВИЛИ**

Статья посвящена визуальному наследию А.З. Кушешвили, одного из первых кинолетописцев советского периода истории Дальнего Востока. Автор рассматривает биографию и фильмографию кинорепортера, а также подробно останавливается на анализе двух киноочерков – «Чита – Сахалин» и «Дорога в тайгу», созданных в 1930 г. и отражающих особенности советского киноповествования об эволюции дальневосточных территорий в период культурных и экономических преобразований 1920-х – 1930-х гг.

Ключевые слова: Дальний Восток, Киноатлас СССР, А.З. Кушешвили, кино-экспедиции, кинообразы

Soviet Far East in the films of Alexey Kusheshvili. IVAN A. GOLOVNEV (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the visual heritage of Alexey Kusheshvili, one of the first film chroniclers of the history of the Soviet Far East. The author examines his biography and filmography, and focuses on the analysis of his two film essays – «Chita – Sakhalin» and «The Road to Taiga», which were created in 1930 and perfectly reflect the features of the Soviet film narrative about the evolution of the Far Eastern territories during the cultural and economic transformations of the 1920s and 1930s.

Keywords: Soviet Far East, Soviet film atlas, Alexey Kusheshvili, film expeditions, film images

Введение

Образы новейшей истории нашей страны в целом и Дальнего Востока в частности получили подробное отражение в многочисленных визуальных документах [4], до сих пор не занявших должного места в научном обороте. Между тем находящиеся в предметном фокусе предлагаемого исследования исторические киноленты, во-многом определявшие общественное восприятие отображаемых в них явлений, территорий, персоналий, стали многомерными документами своего времени, запечатлевшими

не только фактическое содержание событий, но и их культурно-идеологический контекст. Известно, что сразу после прихода к власти большевики сделали прозорливую ставку на потенциал нового искусства – кинематографа, планомерно превращая его в эффективное оружие культурной революции, популярное средство фиксации и позиционирования образов многонационального и разноукладного Союза как внутри страны, так и за рубежом. Отделения государственных структур, открывавшиеся в центре и на местах в процессе национа-

* ГОЛОВНЕВ Иван Андреевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра Арктических исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

© Головнев И.А., 2023

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект № 21-18-00518.

лизации кинопромышленности, становились звеньями единой «фабрики фактов», ответственной за конструирование партийной «киноправды» [12]. Создававшиеся по единой сценарной матрице киносюжеты о прогрессивном развитии территорий страны при социализме последовательно складывались в большой советский киноатлас [15]. В то же время киноочерки, снимавшиеся в отдаленных регионах, имели свои интонационные и содержательные особенности, зависевшие как от объективных (местные «преломления» советского строительства), так и от субъективных факторов (персоны авторов и контекст фильмопроизводства). В последнее время все большее количество гуманитариев обращается в своих исследованиях к визуальным архивам, развивая научное направление «визуальной истории» [9]. Растет интерес к изучению роли кинематографа не только как культурно-образовательного ресурса, но и как опции визуальной политики в ходе национального строительства в СССР [1]. Очевидно, что работа с подобными материалами требует применения кроссдисциплинарной источниковедческой методологии. И в этой связи рассмотрение творчества отдельных дальневосточных кинохроникеров «крупным планом», с использованием методов историко-антропологического анализа, позволяет выявить информативные свойства таких кинодокументов как исторических источников, обогащающих научно-исследовательское пространство.

Одним из самых скрупулезных кинолетописцев истории Дальнего Востока 1930-х – 1940-х гг. был Алексей Зиновьевич Кушешвили (1889–1975). Явившись «первым кинорепортером» в регионе [11], он последовательно запечатлевал в кадрах ключевые события, происходившие в то время в различных уголках Дальнего Востока и ставшие переломными в развитии как дальневосточного фронта, так и всего Советского Союза: сцены Гражданской и Второй мировой войн, эпизоды внешнеполитических отношений с Китаем, Кореей и Японией, и, конечно, картины социалистического строительства в Приамурье и Приморье, на Камчатке и Сахалине. Основными источниками для настоящей статьи стали архивные свидетельства и материалы региональной периодики. Это, прежде всего, личное дело Алексея Зиновьевича, хранящееся в архиве Общества изучения Амурского края, документы и фотографии за 1923–1990 гг.,

поступившие в архив в августе 1990 г. от Нины Алексеевны Васильевой, дочери А.З. Кушешвили, а также экранное наследие документалиста, представленное в Российском государственном архиве кинофотодокументов: фильмы и сюжеты в киножурналах.

Биография и фильмография

Биография А.З. Кушешвили сама по себе вполне исторична и кинематографична. В ней оказались переплетены исторические эпохи (Российская Империя и Советский Союз) и географические пределы (Тифлисская губерния и Дальневосточный край), военная служба и визуальное творчество. Родившийся и выросший в Тифлисе, в молодые годы он стал свидетелем и участником судьбоносных для страны событий: Первой мировой и Гражданской войн. В частности, в годы Гражданской войны он на различных командных должностях принимал непосредственное участие в боевых операциях сначала на Кавказском, а затем на Восточном фронте в составе 5-ой армии (Архив Общества изучения Амурского края, далее – Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 8). По воспоминаниям дочери, А.З. Кушешвили прибыл на Дальний Восток в составе подразделений В.К. Блюхера и в 1922 г. в рядах Народно-революционной армии Дальневосточной республики участвовал в Волочаевских боях (Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 10). В 1923 г. он был назначен начальником мобилизационного отделения Иманского уездного военного комиссариата, а затем служил начальником штаба в Гродековском погранотряде и командиром Уссурийского погранотряда (Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). В качестве хобби А.З. Кушешвили увлекался фотографией, а вот по поводу его переквалификации из военного пограничника в кинохроникера среди коллег ходила своеобразная легенда: «В 1925 году пограничники изъяли у очередного нарушителя границы не только пистолет и взрывчатку, но и киноаппарат “Дебри”. Этой кинокамерой А.З. Кушешвили и снял свой дебютный сюжет из жизни пограничников, а пленку отправил в Москву» [5, с. 3].

Сам А.З. Кушешвили в «Автобиографической записке о работе в кинохронике» так вспоминал о своих первых шагах в направлении кино: «В 1926 году, будучи на службе в Пограничных войсках ОГПУ на Дальнем Востоке, я начал работу в качестве нештатного корреспондента-оператора во Владиво-

стокском отделении бывшего тогда “Пролеткино”. Вскоре “Пролеткино” во Владивостоке реорганизовалось в производственную базу “Совкино”, выпускавшее тогда один немой журнал в месяц. Одновременно связавшись с отделом хроники фабрики культурфильмов в Москве, я начал корреспондировать в Московский журнал “Совкино”» (Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). С того времени и началось сотрудничество А.З. Кушешвили с центральными и региональными отделами государственных киностудий, для которых он периодически осуществлял оперативные съемки актуальных сюжетов, например, о визите известного исследователя Р. Амундсена на Дальний Восток (Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 10). И, судя по дальнейшему ходу событий, работа в сфере кинохроники настолько серьезно увлекла его, что он стал ходатайствовать об увольнении из армии, чтобы перейти на полноценную работу в кино. Так, в 1928 г. он по собственному желанию был уволен со службы в погранвойсках и официально оформлен в качестве штатного оператора-хроникера Дальневосточного отделения «Совкино» (Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). Практически сразу после вступления в новую должность ему выпало первое серьезное испытание – съемки материалов о конфликте на КВЖД 1929 г. «Не получив никаких указаний и инструкций, я начал съемки на границе на собственный страх и риск, и стал отправлять их в Москву. Немедленно-же начали поступать из Москвы, от бывшего тогда заведующим отделом хроники т. Иосилевича, указания и пленка. В общем, мои работы по этим съемкам получили хорошую оценку», – вспоминал А.З. Кушешвили (Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).

В следующем 1930 г. он снял два самостоятельных киноочерка: «Чита – Сахалин» о комсомольском шлюпочном походе из Забайкалья на остров Сахалин и «Дорога в тайгу» об автомобильном пробеге по Амуру-Якутской магистрали. Оба очерка были смонтированы из материалов А.З. Кушешвили режиссером Н.В. Соловьевым на центральной фабрике «Совкино» и выпущены на всесоюзный экран. С начала 1930-х гг. началось регулярное корреспондирование А.З. Кушешвили в центральные киножурналы, а также в местный, дальневосточный. В 1933 г. им был снят киноочерк «13 лет на вахте» о деятельности Амурской военной флотилии, а в 1934 г. – киноочерк «Челюскинцы»,

выпущенный во Владивостоке. Кроме того, часть дальневосточных съемок А.З. Кушешвили о челюскинцах вошла в полнометражную киноэпопею «Челюскин. Герои Арктики», выпущенную коллективом авторов в Москве на студии «Союзкинохроника». В 1936 г. он снимал дальневосточный этап перелета летчиков В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова по маршруту Москва – остров Удд (ныне о. Чкалова); эти съемки вошли в фильм «По Сталинскому маршруту», выпущенный на Московской студии кинохроники. А летом 1938 г., когда у озера Хасан из-за территориальных споров начались столкновения советских войск с японскими, по воспоминаниям А.З. Кушешвили, ему вновь пришлось выдвинуться на передовую с киноаппаратом: «Мне первому из операторов удалось прибыть в район боевых действий и немедленно приступить к съемкам. 70 процентов материала, вошедшего в фильм “Слава героям Хасана”, составляли мои съемки. Газета “Правда” дала в свое время этому фильму очень положительную оценку» (Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). В 1939 г. совместно с режиссером Матусевичем им был снят короткометражный фильм «Золото» (Рис. 1), также выпущенный на союзный экран. Далее, в 1940 г., он принял участие в съемках грандиозной документальной кинопанорамы «День нового мира», смонтированной титульными советскими кинематографистами Р.Л. Карменом и М.Я. Слущким на Центральной студии кинохроники из съемок 97 кинооператоров в различных уголках СССР.

С началом Великой Отечественной войны, как и многие другие кинематографисты Советского Союза, он был призван на службу в армию в качестве военного оператора для ведения фронтовой летописи [10, с. 536]. В 1945 г. ему довелось снимать боевые эпизоды столкновений союзных войск с армией Японии. «На мою долю выпала большая честь быть первым Советским оператором, снимавшим вступление наших войск в Манчжурию и гор. Харбин. Часть этих съемок вошла в фильм “Разгром Японии”, за который я получил денежную премию, другие были использованы в журналах “Новости дня”», – вспоминал А.З. Кушешвили (Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об.). В том же 1945 г. им был снят киноочерк «Порт-Артур», к сожалению, утраченный в результате пожара на Хабаровской киностудии в феврале 1946 г. А в 1947 г. А.З. Кушешвили принял участие в съемках фильма «Северная Корея». За операторскую

Рис. 1. Алексей Зиновьевич Кушешвили на съемках фильма «Золото». 1939 г.
(Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 3)

службу во время Отечественной войны А.З. Кушешвили был награжден орденами «Красная звезда» и «Красное знамя», медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне», а также корейской медалью «За освобождение Северной Кореи».

В послевоенное время А.З. Кушешвили сфокусировался на мирных сюжетах визуальной летописи из жизни Дальнего Востока, в числе прочего освещал работы Приморской археологической экспедиции 1955 г. под руководством профессора А.П. Окладникова (Архив ОИАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 42). Общие результаты его продуктивной кинематографической деятельности были отражены в 600 произведениях: полнометражных фильмах, короткометражных очерках, сюжетах киножурналов для всесоюзного и дальневосточного экранов. По свидетельству коллег, даже будучи уже в преклонном возрасте, выйдя на пенсию и поселившись в г. Уссурийске (вплоть до ухода из жизни в 1975 г.), Алексей Зиновьевич время от времени продолжал присылать на Дальневосточную киностудию в Хабаровск снятые им киносюжеты [2, с. 54].

Как видно из биофильмографии А.З. Кушешвили, наиболее активным периодом в его кинематографической деятельности стали 1930-е гг., когда им были сняты дошедшие до наших дней киноленты о Дальнем Востоке и смежных регионах. Характерными примерами этого творческого этапа являются сохранившиеся до наших дней киночерки «Чита – Сахалин» (Российский государственный архив кинофотодокументов, далее – РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учетный № 3939) и «Дорога в тайгу» (РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учетный № 13278), снятые А.З. Кушешвили без участия других операторов и представляющие интерес для исследовательского анализа. Как и другие произведения немого кино, эти фильмы являются кинотекстами, равнозначными элементами которых служат визуальные (кадры) и текстовые (титровые надписи) слагаемые. Соответственно, эффективным ключом к исследовательскому «прочтению» таких источников оказывается их переложение в формат «раскадровки». Изложение далее в статье последовательности титрового и кадрового содержания обозначенных киноповествований дает наглядную основу для аналитики и формулировки тематических выводов.

«Чита – Сахалин» (1930)

Титр. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КРАЕВОЙ СОВЕТ ФИЗКУЛЬТУРЫ, ПРАКТИЧЕСКИ РАЗРЕШАЯ ЗАДАЧУ ВОЕНИЗИРОВАНИЯ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ, ОРГАНИЗОВАЛ ШЛЮПОЧНЫЙ ПОХОД.

Кадр. Члены Совета физкультуры за чтением газеты.

Титр. ЧИТА – САХАЛИН.

Кадры. Участники похода укладывают вещи в шлюпки.

Титр. СТАРТ ИЗ ЧИТЫ 17-ГО ИЮНЯ.

Кадры отчаливающих шлюпок и провожающих на берегу реки Ингоды.

Титр. ЗА 5 ДНЕЙ ПРОЙДЕНО 500 КМ.

Кадры. Панорама города Сретенска. Участники похода подплывают к пристани. Делегация сретенских трудящихся встречает их на берегу.

Кадры. Продолжение похода – по реке Шилке – панорама лесистых берегов.

Титр. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЕННО-МОРСКИЕ ЗАНЯТИЯ.

Кадры. Участники похода занимаются изучением пособий прямо на ходу.

Кадры. Шлюпки достигают реки Амур. Панорамы речной поверхности и высоких берегов Амура.

Титр. ВЕЧНО ДЫМЯЩИЕСЯ СОПКИ САХАНАЯ.

Кадры. Участники похода делают привал на берегу Амура, готовят обед.

Титр. ВКУСНО.

Кадры. Члены экспедиции упражняются в военно-морской сигнализации.

Титр. СНОВА В ПУТЬ.

Кадры продолжения пути по Амуру.

Титр. ВСТРЕЧА УЧАСТНИКОВ ШЛЮПОЧНОГО ПОХОДА С СУДАМИ АМУРСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ.

Кадры. В сопровождении канонерок участники похода проходят мимо пограничного китайского города Сахаляна.

Кадры. Прибрежные виды города Благовещенска. Советские пограничники встречают участников похода. Играет оркестр. Виды Благовещенска.

Кадры. Шлюпки отправляются от пристани Благовещенска вниз по Амуру.

Кадры. Продолжение похода в районе Хинганских гор.

Титр. НА СТРАЖЕ СОВЕТСКИХ БЕРЕГОВ.

Кадры. Портреты участников похода в шлюпках чередуются с планами военных кораблей Амурской флотилии.

Титр. ПРОРАБОТКА НА ШЛЮПКАХ ДОКЛАДА ТОВ. СТАЛИНА НА XVI СЪЕЗДЕ ПАРТИИ.

Титр. НЕ ВСЕГДА НА ВЕСЛАХ.

Кадр. Участники похода проводят шлюпки по мелководью.

Титр. ПОПАВ НА МЕЛЬ, ОКОЛО КИЛОМЕТРА ТАЩИЛИ ШЛЮПКИ.

Кадры. Участники похода волоком тянут шлюпки по мели.

Титр. В ХАБАРОВСКЕ /ПРОЙДЕНО 3000 КМ/.

Кадры встречи участников похода с делегацией трудящихся Хабаровска.

Титр. ХАБАРОВСК – СТОЛИЦА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ.

Кадры Хабаровска: памятник В.И. Ленину, уличное движение.

Титр. НА УТРО...

Кадры украшенной флагами пристани Хабаровска.

Титр. СНОВА К ПОХОДУ ГОТОВЫ.

Кадры. Участники шлюпочного похода отчаливают от берега.

Титр. ОПУСТИВШИЕСЬ В УСТЬЕ АМУРА И ПРОЙДЯ БУРНЫЙ ТАТАРСКИЙ ПРОЛИВ, ШЛЮПКИ БЛАГОПОЛУЧНО ПРИБЫЛИ НА САХАЛИН.

Кадры устья Амура, Татарского пролива, подхода шлюпок к берегам Сахалина.

Титр. УЧАСТНИКИ ПОХОДА, ПРОШЕДШИЕ ПУТЬ В 4 ½ ТЫСЯЧ КМ.

Кадр. Группа участников похода перед камерой.

Титр. РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ, СИЛУ И ЛОВКОСТЬ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ВОЕННО-ФИЗКУЛЬТУРНОЙ ПОДГОТОВКИ, ОТДАДИМ ТРЕТЬЕМУ ГОДУ ПЯТИЛЕТИЯ!

«Дорога в тайгу» (1931) (Рис. 2)

Титр. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ УЧАСТНИКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО АВТОПРОБЕГА КИНО-ОПЕРАТОРА КУШЕШВИЛИ.

Титр. ВЫПУСК ОТДЕЛА ХРОНИКИ СОВКИНО. КИНО-ОПЕРАТОР – КУШЕВШИЛИ.

Кадры. Верблюжий обоз и колонна автомашин с грузом. Разгрузка автомашин.

Титр. ЛУЧШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПО ВЫНОСЛИВОСТИ, ПРОХОДИМОСТИ И ЭКОНОМ-

НОСТИ ПОКАЗАЛИ ГРУЗОВИКИ «ЯРОСЛАВЕЦ» И «ФОРД».

Кадры. Вручение диплома водителю «Ярославца».

Титр. АВТОМОБИЛЬ И ДОРОГА – ПРОВОДНИКИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ В ОТДЕЛЬНЫЕ РАЙОНЫ СССР.

Кадры. Жители поселка Чульман.

Кадр. Географическая карта местности: план строящейся Амурско-Якутской магистрали Б. Невер (Уссурийская ж/д) – Нагорный – Чульман – Незаметный – Якутск.

Кадры. Жители поселка Чульман.

Кадр. Старт автомашин с грузом в поселке Чульман.

Кадр. Крутой подъем (на р. Путах). Грузовые автомашины на подъеме.

Кадр. Автоторовцы поселка «Стрелка» встречают машины. Плакат – «Привет участникам 1-го на Дальнем Востоке автопробега!».

Кадр. По петляющей дороге едут автомашины.

Кадр. Автомшины едут по снежным коридорам Холодниканского перевала Яблонового хребта.

Титр. НЕ УСПЕВ СБАВИТЬ ХОДА, НА ПОВОРОТЕ, МАШИНА ВРЕЗАЛАСЬ В СУГРОБ.

Кадры. Машины в дороге. Передняя машина въехала в сугроб. Водители помогают освободить машину из сугроба. На помощь прибывает трактор-тягач.

Титр. СНОВА В ПУТЬ.

Кадры. Автомобили едут по дороге. Навстречу по обочине проезжают местные жители на верблюдах и оленях.

Кадры. Помещение районного административного отдела Алданского округа.

Кадры. Орочены у саней. Олени в упряжке. Изба-читальня для туземцев.

Кадры. Станция Большой Невер Уссурийской железной дороги.

Титр. ОТСЮДА НАЧИНАЕТСЯ НОВОЕ ШОССЕ, КОТОРОЕ СВЯЖЕТ ЧЕРЕЗ ЗОЛОТОНОСНЫЙ АЛДАНСКИЙ РАЙОН ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ С ЯКУТСКОМ.

Кадр. Географическая карта местности: план строящейся Амурско-Якутской магистрали Б. Невер (Уссурийская ж/д) – Нагорный – Чульман – Незаметный – Якутск.

Титр. ОБЩЕСТВОМ «АВТОДОР» ОРГАНИЗОВАН ПЕРВЫЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ АВТОПРОБЕГ ПО ЗАКОНЧЕННОМУ УЧАСТКУ ДОРОГИ Б. НЕВЕР – ЧУЛЬМАН.

Рис. 2. Кадр из фильма «Дорога в тайгу» (1931) (РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учетный № 13278)

Кадры. Подготовка машин к старту.

Кадр. Машины на старте пробег в поселке Б. Невер.

Титр. ЦЕЛЬ ПРОБЕГА – УСТАНОВИТЬ НАИБОЛЕЕ ПРИГОДНЫЙ ДЛЯ МЕСТНЫХ УСЛОВИЙ ТИП ГРУЗОВОГО АВТОМОБИЛЯ.

Кадр. Панорама заснеженной гористой местности.

Кадр. Панорама тайги.

Титр. НА ЯКУТСКИХ ДОРОГАХ СОРЕВНУЮТСЯ РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ТРАНСПОРТА.

Титр. В РАЙОНЕ АВТОНОМНОЙ ЯКУТСКОЙ ССР.

Кадры. Панорама гор, покрытых тайгой. У подножия горы среди деревьев виднеются поселковые новостройки.

Заключение

Вышеприведенные кинотексты, во многом говорящие сами за себя, позволяют детальнее рассмотреть содержание и контекст экспедиционных сюжетов, охарактеризовать съемочный

метод А.З. Кушешвили и выделить несколько ключевых образов в этих внешне хроникальных повествованиях. Сведения о биографии и творческом пути автора дают возможность чутче уловить субъективные линии в его кинолентах, а понимание производственного фона – расслышать акценты «партийного курса», в частности озвученные в рекомендациях киностудиям в рамках программы «Киноатлас СССР» [13]. Последние, к примеру, емко выражены в формулировке должностной инструкции, которую владивостокское агентство «Совкино» выдало А.З. Кушешвили: «Основное, что должно руководить Вашей работой, это стремление показать рост ДВ промышленности, сел, хозяйства, общественности и т.д.» [5, с. 3].

Оба фильма являются характерными примерами советских «киноэкспедиций» по труднопроходимым районам Арктики и Дальнего Востока: в изучаемый период вышла целая серия подобных работ – «Великий перелет» В.А. Шнейдерова, «К берегам Тихого океа-

на» М.В. Налетного, «Арктический рейс» Г.В. Блюма и др. С точки зрения методологии эти фильмы представляют собой кинорепортажи о маршрутных перемещениях – походах, пробегах, проездах, полетах, плаваниях и т.п. с их чередующимися периодами движения и остановками, содержащие сюжеты социально-экономического, политико-идеологического и этногеографического характера.

При разности внешней событийной канвы автопробега и шлюпочного похода в обоих фильмах можно заметить несколько общих ключевых кинообразов. Во-первых, это образ «нового пути»: преодоление водного маршрута от Забайкалья до Сахалина, равно как и апробация Амуро-Якутской автомагистрали – это вариации распространенного в советском кинематографе рубежа 1920-х – 1930-х гг. мотива революционного переустройства в регионах страны. К примеру, в методической брошюре А.Н. Терского «Этнографическая фильма» (1930) образ дороги фигурировал в качестве финала сценарного плана для этнографического фильма по книге исследователя П.И. Кушнера «Горная Киргизия», где последовательность эпизодов о местных нормативных отношениях и экономике завершалась идеологической метафорой: «Выпуклое освещение актуальных нужд советского строительства Горной Киргизии, идущей по узкой путаной горной тропке, будет сильнейшим импульсом к удовлетворению этих нужд, к выведению Горной Киргизии на прямую и удобную колесную дорогу к социализму» [14, с. 106]. В том же ключе строящаяся дорога до горного селения Ушкул, показанная в кинокартине «Соль Сванетии» (1930) М.К. Калатозова, предстает не столько реальной транспортной магистралью, сколько художественно-идеологическим образом условной дороги к «светлому будущему» в противовес образу бездорожья, оставшегося в наследство от «темного прошлого» царизма. И в фильме «Два океана» (1933) В.А. Шнейдерова образ советского корабля, в одиночку ломающего вечные льды, – это тоже своеобразная ипостась «революции», квинтэссенция официальной героики в СССР [16].

Образ «освоения пространства», связанный с образом «нового пути», – еще один характерный мотив фильмов того времени. Оба кинопримера из творчества А.З. Кушешвили по-своему отражают генеральную амбицию госпроекта «Киноатлас СССР» – кинокартирование территорий, экранное расширение совети-

зирующегося поля, включая труднодоступные районы Дальнего Востока. Неслучайно титры с наименованиями географических точек сопровождают повествование о шлюпочном походе «Чита – Сахалин», а кадры географической карты маршрута автопробега сшивают весь фильм «Дорога в тайгу».

Попутно в обеих кинокартинах развивается образ Дальнего Востока как «природного эльдорадо», выразившийся в серии водных, лесных, горных панорам, на фоне которых проходят путевые маршруты. В этой связи уместно отметить, что государственный интерес к производству и прокату такого рода фильмов имел и утилитарную подоплеку: инспирировать переселенческие интересы среди населения страны для колонизации ее окраин, а также привлечь внимание коммерческих кругов Запада к природным богатствам СССР.

Сравнительно скромно – несколькими кадрами из жизни эвенков Алданского района Якутии в фильме «Дорога в тайгу» – представлен в фильмах А.З. Кушешвили образ Дальнего Востока как «страны инородцев». Распространенная в советских фильмах-путешествиях 1920-х – 1930-х гг. визуальная этнография являлась репликой национальной политики «коренизации» в СССР: это справедливо в том числе и в отношении картин о Дальнем Востоке, классическими примерами чего были «Лесные люди» (1928), «Тумгу» (1931) и другие фильмы А.А. Литвинова [3].

Наконец, хорошо знакомый оператору по профессиональной деятельности образ дальневосточного «пограничного фронта» был выражен им в серии эпизодов о подразделениях советских пограничников и сопровождении шлюпочного похода судами флотилии в фильме «Чита – Сахалин», отрабатывая линию внешнеполитического позиционирования СССР на экране.

Таким образом, в кинохроникальных работах А.З. Кушешвили, как и в самих отображаемых реалиях, оказались сплетены различные аспекты жизни региона в раннесоветский период: дореволюционные рудименты и социалистические нововведения, романтика экспедиций и актуальная политповестка (когда лозунги пятилетки живо озвучивались и исполнялись даже в ходе заезда или заплыва). И само развитие формата фильмов от «кино-путешествий» к «кино-подвигам» также можно целиком отнести к выражению духа времени.

Визуальное наследие А.З. Кушешвили не ограничивается кинодокументами: многочисленные фото его авторства рассредоточены по фондам дальневосточных музеев [6, с. 40]. Кроме того, он умело владел пером: его статьи, выполненные в формате очерков и повествующие о знаковых для региона вехах истории, публиковались в местных журналах и газетах [7; 8]. Созданные А.З. Кушешвили документы предстают информативными источниками по истории советского Дальнего Востока и стран Азиатско-Тихоокеанского региона для представителей широкого спектра гуманитарных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аманжолова Д.А. Документальное кино 1920–1930-х гг.: этнокультурный аспект // Российские регионы: взгляд в будущее. 2022. Т. 9. № 3–4. С. 1–23.
2. Глебова Е. Черно-белая лента памяти // Словесница искусств. 2022. № 1. С. 54–60.
3. Головнев И.А. Этнокультурные сообщества в этнографическом кино. «Тумгу» А.А. Литвинова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3. С. 84–93.
4. Головнев И.А., Головнева Е.В. Образы Дальнего Востока в визуальных документах рубежа XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2021.
5. Катунцев В. Вам надлежит снимать... // Пограничник на Тихом океане. 1989. 19 апреля. С. 3.
6. Клименко И.А. Фронтовые корреспонденты на завершающем этапе Второй мировой войны. По материалам собрания фотодокументов Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева // Сборник докладов конференции «Фотография в музее» (19–22 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург). СПб.: Росфото, 2015. С. 37–41.
7. Кушешвили А.З. Как это было // Пограничник на Тихом океане. 1972. 13 февраля. С. 4.
8. Кушешвили А.З. Штурм Волочаевки // Коммунар. 1972. 12 февраля. С. 4.
9. Мазур Л.Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161–178.
10. Образ Великой Отечественной войны на экране. К 75-летию Победы. М.: Вече, 2020.
11. Первые кинорепортеры // Дальний Восток. 1978. № 6. С. 113–114.
12. Советская кинематография: сборник законодательных постановлений, ведомственных приказов и инструкций. М.: Госкиноиздат, 1940.
13. Сытин В.А. Кино-Атлас // Кино и культура. 1929. № 4. С. 71–72.
14. Терской А.Н. Этнографическая фильма. М.: Теакинопечать, 1930.
15. Шнейдеров В.А. Большой Советский киноатлас // Искусство кино. 1958. № 8. С. 126–130.
16. Шнейдеров В.А. Поход «Сибирякова». М.: Молодая гвардия, 1933.

REFERENCES

1. Amanzholova, D.A., 2022. Dokumental'noe kino 1920–1930-kh gg.: etnokul'turnyi aspect [Documentary films of the 1920s and 1930s: ethnocultural aspect], Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee, Vol. 9, no. 3–4, pp. 1–23. (in Russ.)
2. Glebova, E., 2022. Chernobelaya lenta pamyati [Black and white memory tape], Slovesnitsa iskusstv, no. 1, pp. 54–60. (in Russ.)
3. Golovnev, I.A., 2018. Etnokul'turnye soobshchestva v etnograficheskom kino. «Tumgu» A.A. Litvinova [Ethno-cultural communities in ethnographic films: Alexander Litvinov's «Tumgu»], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 84–93. (in Russ.)
4. Golovnev, I.A. and Golovneva, E.V., 2021. Obrazy Dal'nego Vostoka v vizual'nykh dokumentakh rubezha XIX–XX vv. [Images of the Russian Far East in visual documents of the late XIXth and early XXth century]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)
5. Katuntsev, V., 1989. Vam nadlezhit snimat'... [You should be filming...], Pogranichnik na Tikhom okeane, no. 31, p. 3. (in Russ.)
6. Klimenko, I.A., 2015. Frontovye korrespondenty na zavershayushchem etape Vtoroi mirovoi voyny. Po materialam sobraniya fotodokumentov Primorskogo gosudarstvennogo ob'edinennogo muzeya im. V.K. Arsen'eva [Front-line correspondents at the final stage of the WWII. Based on the collection of photographic documents from Primorsky State United Museum named after V.K. Arseniev]. In: Sbornik dokladov konferentsii «Fotografiya v muzee» (19–22 maya 2015 g., g. Sankt-Peterburg). Sankt-Peterburg: Rosfoto, 2015, pp. 37–41. (in Russ.)
7. Kusheshvili, A.Z., 1972. Kak eto bylo [How it was], Pogranichnik na Tikhom okeane, no. 11, p. 4. (in Russ.)
8. Kusheshvili, A.Z., 1972. Shturm Volochaevki [Storming the Volochaevka], Kommunar, no. 32, p. 4. (in Russ.)

9. Mazur, L.N., 2015. Vizualizatsiya istorii: novyi povorot v razvitii istoricheskogo poznaniya [Visualization of history: a new turn in the development of historical knowledge], *Quaestio Rossica*, no. 3, pp. 161–178. (in Russ.)
10. Obraz Velikoi Otechestvennoi voiny na ekrane. K 75-letiyu Pobedy [The image of the Great Patriotic War on the screen. To the 75th anniversary of the victory]. Moskva: Veche, 2020. (in Russ.)
11. Pervye kinoreportery [The first film reporters], *Dal'nii Vostok*, 1978, no. 6, pp. 113–114. (in Russ.)
12. Sovetskaya kinematografiya: sbornik zakonodatel'nykh postanovlenii, vedomstvennykh prikazov i instruktsii [Soviet cinematography: a collection of legislative resolutions, departmental orders and instructions]. Moskva: Goskinoizdat, 1940. (in Russ.)
13. Sytin, V.A., 1929. Kino-Atlas [Film atlas], *Kino i kul'tura*, no. 4, pp. 71–72. (in Russ.)
14. Terskoi, A.N., 1930. Etnograficheskaya fil'ma [Ethnographic film]. Moskva: Teatrenopectat'. (in Russ.)
15. Shneiderov, V.A., 1958. Bol'shoi Sovetskii kinoatlas [The big Soviet film atlas], *Iskusstvo kino*, no. 8, pp. 126–130. (in Russ.)
16. Shneiderov, V.A., 1933. Pokhod «Sibiryakova» [The voyage of Sibiryakov]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

Т.В. Юдина*

СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Статья посвящена различным формам помощи, которую сельские жители Сталинградской области оказывали Рабоче-крестьянской Красной Армии в период битвы на Волге. В основу исследования легли воспоминания свидетелей военных событий и материалы периодической печати. Автор заключает, что усилия мирных жителей в основном неоккупированных районов области в период военных действий способствовали скорейшему разгрому противника.

Ключевые слова: Сталинградская битва, Сталинградская область, сельское население, помощь фронту

Rural population of Stalingrad Oblast during the Battle of Stalingrad.
TAISIYA V. YUDINA (Volgograd State University)

The article is devoted to various forms of help that the rural population of Stalingrad Oblast provided to the Red Army during the Battle of Stalingrad. The study is based on the memoirs of veterans and eyewitnesses of military events and materials from the periodical press. The author concludes that the efforts of civilians (mostly of unoccupied districts) during the period of hostilities contributed to the speedy defeat of the enemy.

Keywords: Battle of Stalingrad, Stalingrad Oblast, rural population, home front

Текущий год в истории нашей страны отмечен важными событиями: 80-летием победы в Сталинградской и Курской битвах, знаменовавших коренной перелом в Великой Отечественной войне. Создание истории Сталинградской битвы, продолжавшейся с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г., началось еще в годы войны. Авторами первых публикаций были участники и свидетели военных событий [15; 17; 18; 27], руководящие партийные и советские деятели [2; 3; 30]. В этот период были также опубликованы и документальные источники [13; 14; 21].

После XX съезда КПСС интерес к данной теме стал возрастать: исследования касались

как военных действий и участия народного ополчения в защите Сталинграда, так и деятельности тружеников тыла – в основном рабочих промышленных предприятий города с акцентом на их трудовом героизме при оказании помощи войскам Сталинградского, Донского, Юго-Западного фронтов [23; 29]. Из печати вышли воспоминания военных деятелей, руководителей партийных и общественных органов, рабочих заводов [1; 16; 24; 31].

В современной историографии исследователи отводят значительное место изучению оккупационной политики немецко-фашистских властей по отношению к гражданскому

* ЮДИНА Таисия Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета.

E-mail: taisya.yudina@volsu.ru

© Юдина Т.В., 2023

сталинградскому населению, его положения, форм поведения [26; 28]. При этом по-прежнему недостаточно освещенной остается трудовая деятельность сельских жителей прифронтовых районов Сталинградской области в период битвы на Волге в 1942–1943 гг. Цель данной статьи заключается в выявлении форм помощи сельских жителей Сталинградской области Рабоче-крестьянской Красной Армии в период битвы на Волге. Источниками для статьи послужили опубликованные воспоминания свидетелей военных событий и материалы периодической печати.

С начала Сталинградской битвы на неоккупированных территориях области (57 из 73 районов) для сплочения жителей начали организовывать и проводить агитационно-пропагандистскую работу несколько тысяч агитаторов. Для поднятия духа людей, вселения в них надежды на скорый разгром противника осуществлялся регулярный выпуск газет¹, местных радиопередач. В газетах разоблачались «злодеяния фашистов» на советской территории с целью воспитания ненависти советских людей к противнику, широко освещались различные формы социалистического соревнования, отмечались передовики производства. Многие рубрики были посвящены борьбе за режим экономии на производстве, пропаганде темы укрепления единства фронта и тыла, боевым и трудовым подвигам сталинградцев, мобилизации средств тружеников области на строительство боевой техники, сбор сельскохозяйственного урожая.

С проведением уборочных работ летом 1942 г. на неоккупированных территориях Сталинградской области противник начал производить налеты на поля, обстреливая работающих, поэтому среди сельских жителей активизировали агитационную работу непосредственно в поле, в бригадах. Секретари партийных организаций распределяли агитаторов на самые ответственные участки, систематически проверяли их работу, проводили с ними беседы, семинары. Агитаторы и пропагандисты разъясняли, что требование «Ни шагу назад!» касалось не только бойцов фронта, но и мирных жителей. «Не отступать – это значит: если сегодня ты дал две-три нормы, то завтра не имеешь права снизить выработку. Не отступать – это значит

любой ценой преодолевать трудности, по-военному выполнять любое задание. Не отступать – это значит всемерно укреплять дисциплину, организованность, быть стойким» [25, с. 351–352]. Районные газеты помещали темы бесед для агитаторов, рекомендовали им нужную литературу для подготовки к занятиям.

Газет не хватало, читали их коллективно, обсуждая прочитанное. Выпускались наглядная агитация, боевые листки. Например, в выпуске газеты «Молотовец» от 14 января 1943 г. была опубликована подборка достижений и успехов сельских жителей Сталинградской области – тружеников тыла и воинов фронта [22]. Готовились и отправлялись коллективные письма с фронта и на фронт, индивидуальные и групповые посылки воинам.

Движение помощи фронту со стороны сельских жителей было многообразно: это и подписка на военные займы и денежную лотерею, и сбор средств в фонд обороны и на строительство военной техники, и забота о госпиталях, пожертвования, участие в строительстве оборонительных рубежей на дальних и ближних подступах к Сталинграду. Более 120 тыс. человек возводили противотанковые заграждения, огневые точки, сооружали укрытия, ходы сообщения, заготавливали лес для строительства оборонительных рубежей. Многие из них в непосредственной близости от фронта выполняли и перевыполняли нормы на 150–200% [1, с. 407].

Трудоспособные жители сельской местности Сталинградской области также были вовлечены в соревнование за выполнение фронтовых заказов. Газеты того времени регулярно публиковали материалы о количестве собранного урожая и другой сельскохозяйственной продукции, направляемой на фронт. Например, летом 1942 г. в совхозе «Зеленовский» Фроловского района во время уборки урожая, проводившейся под бомбежкой и пулеметным обстрелом, погибло 11 человек, сгорело несколько комбайнов, но урожай был своевременно убран. В частично оккупированном Красноармейском районе уборочные работы не прекращались даже тогда, когда на его территории начались бои. Под бомбежкой погибло 6 колхозников сельхозартели «Заря коммуны», работавших на комбайне [10].

О трудовом подъеме сталинградских женщин, поднимавших зябь в прифронтовом районе – на колхозных полях Новоаннинского рай-

¹ Областная газета – «Сталинградская правда», районные – «Красное знамя», «Колхозная Ахтуба», «Ворошиловец» и др.

она осенью 1942 г., было известно всей стране. 22 октября 1942 г. в «Комсомольской правде» было опубликовано письмо сестер Ангелиных. Их тракторная бригада выполнила план на 120%, сэкономила 7,5 тонн горючего, отчислила месячный заработок в 400 трудодней натурой и внесла 3 000 руб. в фонд обороны Сталинграда. В ответ на это письмо в одном только Новоаннинском районе было создано 10 женских и молодежных тракторных бригад. Женские тракторные бригады создавались и в других районах области. На маломощных тракторах «Сталинец» полуголодные молодые девушки работали по 20 часов, но, несмотря на трудности, не щадя здоровье, перевыполняли норму [8].

Помощь механизаторам оказывали пожилые люди, домохозяйки и подростки, убирая хлеб косами, связывая снопы, подвозя к молотильным агрегатам. В 1942 г. новоаннинцы отправили стране почти 1,5 млн пудов зерна, более 10 тыс. центнеров мяса, сотни центнеров масла, десятки тысяч яиц [12].

В Быковском районе из 192 колхозников колхоза «Комбайнер» (37 мужчин, 115 женщин, 40 подростков от 12 до 16 лет) 103 человека или 54% (7 мужчин, 71 женщина и 25 подростков), добываясь высоких показателей, выработали от 200 до 300 трудодней в 1942 г. при минимуме 50 (Государственный архив Волгоградской области. Ф. 5195. Оп. 1. Д. 20. Л. 22).

Определяющим фактором роста трудовой активности сельских тружеников являлось осознание патриотического долга перед Родиной, вера в скорейший разгром врага и возвращение мирной жизни.

На оккупированных территориях, например, на хуторе Поперечном Котельниковского района, девушки по ночам, тайком от немцев, косили хлеб, прятали его в копны, сеяли озимые, пахали на коровах зябь. В Красноармейском районе, по территории которого проходила линия фронта, жители убирали хлеб, проводили озимый сев [4].

Проводившаяся эвакуация материальных ценностей, прежде всего хлебных запасов, и населения из 15 прифронтовых районов Сталинградской области с 13 июля 1942 г. позволила в июле и первой половине августа вывезти из опасной зоны 30 тыс. вагонов зерна и рабочий скот, эвакуировать из зоны боевых действий Донского фронта 20 тыс. хозяйств, находившихся в 186 населенных пунктах [25, с. 437–438].

Неоценимую помощь при эвакуации населения и материальных ценностей частям Красной Армии оказывали истребительные батальоны, сформированные из жителей Сталинградской области, в том числе женщин. К 15 августа 1942 г. насчитывалось 79 таких батальонов, включавших 11 тыс. бойцов. С июля – августа 1942 г. боевую разведку вместе с частями Красной Армии стали вести истребительные батальоны Перелазовского, Чернышковского, Верне-Курмоярского районов. С конца июля 1942 г. на Новоаннинский район участились налеты вражеской авиации. Целью фашистов было разрушение железнодорожного моста через реку Бузулук. Однако уничтожить мост с воздуха противнику не удалось из-за сильного заградительного огня зениток и бронепоезда, стоявшего на железнодорожном пути. Тогда гитлеровцы сбросили на поля хутора Деминский парашютистов-диверсантов, снабженных планом местности и взрывчаткой. В поиске немецких лазутчиков участвовали жители многих хуторов Новоаннинского района. Деминским жительницам Косаревой, Легаковой и Довиченко удалось задержать диверсантов, проявив смелость и храбрость. За проявленный героизм отважные женщины были награждены медалями «За боевые заслуги» [6; 7].

В сельских районах Сталинградской области активно проходила запись в народное ополчение, рабочие батальоны. Так, Лидия Николаевна Поцелуева, работавшая секретарем Луго-Пролейского райсовета, в 1942 г. вступила в народное ополчение, вместе с ней ушли на защиту Сталинграда, на строительство оборонительных рубежей сотни молодых девушек и парней [19]. Организованный рабочий батальон из села Луго-Пролейки в составе 30 человек был направлен на строительство противотанковых рвов и окопов. Им приходилось работать в тяжелейших условиях днем и ночью под обстрелом немецких самолетов. Среди членов рабочего батальона особенно самоотверженно трудились Мария Тимофеева, Мария Полунина и Валентина Глазунова. За героический труд они были награждены медалями «За оборону Сталинграда» [20].

Сельские жители Луго-Пролейского района построили 4 линии укреплений протяженностью 30 км. На строительстве оборонительного рубежа Даниловка – Рудня и моста через реку Хопер близ Урюпинска работало свыше 3 000 человек местного населения [5].

Сельское население участвовало и в строительстве переправ через Волгу, аэродромов. Материальные и трудовые ресурсы (29 тыс. чел., 4 400 подвод, 148 тракторов) тринадцати неоккупированных сельских районов, преимущественно приволжских, были направлены на выполнение принятого во второй половине августа 1942 г. постановления Сталинградского обкома ВКП(б) «О строительстве укрытий самолетов». Было построено 48 аэродромов и 11 взлетно-посадочных полос для авиации Донского, Юго-Западного и Сталинградского фронтов [25, с. 437]. Житель Луго-Пролейского района, один из активных участников строительства аэродрома в селах Луго-Широкое и Луго-Водяное, Петр Егорович Степанов вспоминал: «Работали, не жалея сил, жили в землянках, которые сами строили. Строительство часто проходило под бомбежкой: 22 августа 1942 г. было совершено 10 вражеских налетов, но никто не ушел с трудового поста» (Полевые материалы автора. Рассказ ветерана Великой Отечественной войны П.Е. Степанова).

Распространенной формой помощи сельского населения Сталинградской области бойцам Рабоче-крестьянской Красной армии в период битвы для разгрома противника были пожертвования. Например, колхозники хутора Денисовский Нехаевского района за свои средства купили 3 самолета для защитников Сталинграда. На строительство самолетов по 2–3 млн внесли трудящиеся Еланского, Вязовского, Руднянского, Николаевского и других районов области. После окончания Сталинградской битвы сельские жители продолжали оказывать помощь фронту. Так, колхозник В.В. Конев из Бударинского района внес 200 тыс. руб., а боевой самолет, построенный на эти деньги, передали прославленному летчику И.Н. Кожедубу [9; 11].

Сельские жители Сталинградской области в период военных действий на ее территории оказывали и другие виды помощи: передавали в фонд обороны верховых лошадей с амуницией, крупный рогатый скот, продукты, теплые вещи и белье, обувь для солдат. Ухаживали за ранеными воинами, сооружали блиндажи для фронтовых госпиталей, предоставляли в госпитали предметы бытового назначения: кровати, матрацы, простыни, наволочки, полотенца, нательное белье и др., а также продукты. Заметим, что продукты в госпитали передавались сельскими жителями только после выполнения

обязательных поставок государству, т.е. люди, которые сами недоедали, отдавали необходимое для выздоровления раненых и их скорейшего возвращения на фронт. Они же смогли организовать ремонт боевой техники: танков, автомашин, самолетов, орудий. Например, в мастерской Новоаннинской машинно-тракторной станции для выполнения всех заказов воинских частей слесари, токари, электросварщики работали сутками. Такую же самоотверженность проявляли и рабочие Глазуновской и Ярской машинно-тракторных станций Кумылженского района, выполняя ремонт сложной военной техники для частей Донского и Юго-Западного фронтов.

Мирное население Кумылженского, Дубовского, Иловлинского, Среднеахтубинского, Ленинского и других неоккупированных районов Сталинградской области в период битвы подвозило к линии фронта боеприпасы, продовольствие, снаряжение, вывозило раненых бойцов, стирало белье для бойцов, ремонтировало их одежду и обувь [1, с. 408–409].

Таким образом, сельское население Сталинградской области в своем многообразном проявлении помощи советским воинам способствовало скорейшему разгрому немецко-фашистских войск в битве на Волге. Представленные в данной статье фактические данные, почерпнутые из воспоминаний свидетелей военных событий, материалов периодической печати, актуализируют проблему выявления новых источников для взвешенного анализа трудовой деятельности и повседневной жизни сельского населения области в период Сталинградской битвы в будущих исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Битва за Волгу: воспоминания участников Сталинградского сражения. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1962.
2. Водолагин М.А. На защите Сталинграда. Сталинград: Областное книгоиздательство, 1948.
3. Водолагин М.А. Разгром немцев под Сталинградом. Сталинград: Областное книгоиздательство, 1946.
4. Волгоградская правда. 1982. 14 мая.
5. Волгоградская правда. 1982. 27 июля.
6. Волгоградская правда. 1982. 29 июля.
7. Волгоградская правда. 1982. 15 августа.
8. Волгоградская правда. 1982. 26 октября.
9. Волгоградская правда. 1982. 28 октября.

10. Волгоградская правда. 1982. 28 ноября.
11. Волгоградская правда. 1982. 14 декабря.
12. Волгоградская правда. 1982. 23 декабря.
13. Героический Сталинград: сборник материалов. М.: Воениздат, 1942.
14. Героический Сталинград: сборник материалов. Сталинград; Астрахань: Областное книгоиздательство, 1943.
15. Гроссман В. Сталинградская битва. М.: Госполитиздат, 1943.
16. Еременко А.И. Сталинград. М.: Воениздат, 1961.
17. Замятин Н.М. Сражение под Сталинградом. М.: Воениздат, 1943.
18. Кадильников В.Ф. На огневых коммуникациях. Сталинград: Областное книгоиздательство, 1945.
19. Коммунар. 1983. 21 января.
20. Коммунар. 1983. 28 февраля.
21. Листовки Сталинградской областной партийной организации 1942–1943 гг. Астрахань: Сталинградское книгоиздательство, 1943.
22. Молотовец. 1943. 14 января.
23. Морозов В.П. Исторический подвиг Сталинграда. М.: Воениздат, 1982.
24. На защите родного завода (воспоминания рабочих завода «Красный Октябрь»). Сталинград: Областное книгоиздательство, 1949.
25. Очерки истории Волгоградской областной организации КПСС. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1977.
26. Павлова Т.А. Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации (июль 1942 г. – февраль 1943 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. н. Санкт-Петербург, 2007.
27. Панченко Б.Б. Истребительный батальон. Сталинград: Областное книгоиздательство, 1943.
28. Рвачева О.В. Социально-политические настроения донского казачества на оккупированных территориях Сталинградской области в период Великой Отечественной войны // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 199–206.
29. Самсонов А.М. Сталинградская битва. М.: Наука, 1982.
30. Чуянов А.С. Большевики города-героя. Сталинград: Областное книгоиздательство, 1945.
31. Чуянов А.С. Сталинградский дневник (1941–1943). Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1979.

REFERENCES

1. Bitva za Volgu: vospominaniya uchastnikov Stalingradskogo srazheniya [The Battle for the Volga: memoirs of the participants of the Battle of Stalingrad]. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe kn. izd-vo, 1962. (in Russ.)
2. Vodolagin, M.A., 1948. Na zashchite Stalingrada [On the defense of Stalingrad]. Stalingrad: Oblastnoe knigoizdatel'stvo. (in Russ.)
3. Vodolagin, M.A., 1946. Razgrom nemtsev pod Stalingradom [The defeat of the Germans at Stalingrad]. Stalingrad: Oblastnoe knigoizdatel'stvo. (in Russ.)
4. Volgogradskaya pravda, 1982, May 14. (in Russ.)
5. Volgogradskaya pravda, 1982, July 27. (in Russ.)
6. Volgogradskaya pravda, 1982, July 29. (in Russ.)
7. Volgogradskaya pravda, 1982, August 15. (in Russ.)
8. Volgogradskaya pravda, 1982, October 26. (in Russ.)
9. Volgogradskaya pravda, 1982, October 28. (in Russ.)
10. Volgogradskaya pravda, 1982, November 28. (in Russ.)
11. Volgogradskaya pravda, 1982, December 14. (in Russ.)
12. Volgogradskaya pravda, 1982, December 23. (in Russ.)
13. Geroicheskiy Stalingrad: sbornik materialov [Heroic Stalingrad: a collection of documents]. Moskva: Voenizdat, 1942. (in Russ.)
14. Geroicheskiy Stalingrad: sbornik materialov [Heroic Stalingrad: a collection of documents]. Stalingrad; Astrakhan: Oblastnoe knigoizdatel'stvo, 1943. (in Russ.)
15. Grossman, V., 1943. Stalingradskaya bitva [The Battle of Stalingrad]. Moskva: Gospolitizdat. (in Russ.)
16. Eremenko, A.I., 1961. Stalingrad [Stalingrad]. Moskva: Voenizdat. (in Russ.)
17. Zamyatin, N.M., 1943. Srazhenie pod Stalingradom [The Battle of Stalingrad]. Moskva: Voenizdat. (in Russ.)
18. Kadil'nikov, V.F., 1945. Na ognevykh kommunikatsiyakh [On fire communications]. Stalingrad: Oblastnoe knigoizdatel'stvo. (in Russ.)
19. Kommunar, 1983, January 21. (in Russ.)
20. Kommunar, 1983, February 28. (in Russ.)
21. Listovki Stalingradskoi oblastnoi partiinoi organizatsii 1942–1943 gg. [Leaflets of the

- Stalingrad Oblast Party Organization, 1942–1943]. Astrakhan: Stalingradskoe knigoizdatel'stvo, 1943. (in Russ.)
22. Molotovets, 1943, January 14. (in Russ.)
23. Morozov, V.P., 1982. Istoricheskii podvig Stalingrada [Historical feat of Stalingrad]. Moskva: Voenizdat. (in Russ.)
24. Na zashchite rodnogo zavoda (vospominaniya rabochikh zavoda «Krasnyi Oktyabr'») [On the defense of your plant (memoirs of the «Red October» workers)]. Stalingrad: Oblastnoe knigoizdatel'stvo, 1949. (in Russ.)
25. Ocherki istorii Volgogradskoi oblastnoi organizatsii KPSS [Essays on the history of the Volgograd regional organization of the CPSU]. Volgograd: Nizhne-Volzhscoe kn. izd-vo, 1977. (in Russ.)
26. Pavlova, T.A., 2007. Grazhdanskoe naselenie Stalingradskoi oblasti v usloviyakh germanskoi okkupatsii (iyul' 1942 g. – fevral' 1943 g.) [Civilians of Stalingrad Oblast under German occupation, July 1942 – February 1943], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
27. Panchenko, B.B., 1943. Istrebitelnyi batalon [Destruction battalion]. Stalingrad: Oblastnoe knigoizdatel'stvo. (in Russ.)
28. Rvacheva, O.V., 2018. Sotsial'no-politicheskie nastroyeniya donskogo kazachestva na okkupirovannykh territoriyakh Stalingradskoi oblasti v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Socio-political mood of Don Cossacks in the occupied territories of Stalingrad Oblast during the Great Patriotic War], Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta, no. 1, pp. 199–206. (in Russ.)
29. Samsonov, A.M., 1982. Stalingradskaya bitva [The Battle of Stalingrad]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
30. Chuyanov, A.S., 1945. Bol'sheviki gorodageroya [Bolsheviks of the hero city]. Stalingrad: Oblastnoe knigoizdatel'stvo. (in Russ.)
31. Chuyanov, A.S., 1979. Stalingradskii dnevnik (1941–1943) [The Stalingrad diary, 1941–1943]. Volgograd: Nizhne-Volzhscoe kn. izd-vo. (in Russ.)

А.И. Прохоров*

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И.Г. ШВАРЦА**

Творчество И.Г. Шварца приходится на тот период, когда философия в России только зарождается, а в европейской философии подготавливается оформление новой философской дисциплины – эстетики. В этих условиях фигура Шварца оказывается переходной и по этой причине очень привлекательной для историко-философского исследования. В данной статье переходный характер философствования Шварца демонстрируется на примере использования им понятия вкуса, которое имеет как моральные черты, соответствующие уходящей эпохе, так и черты эстетические, которые в полной мере будут сообщены ему уже Кантом. Автор прослеживает, как понятие вкуса позволяет Шварцу осуществить переход от довольно эклектичной метафизики масонства к конкретной педагогической практике, концепция которой сохраняет свою актуальность и сегодня.

Ключевые слова: русская философия, XVIII век, И.Г. Шварц, педагогика, образование, эстетика, вкус

Metaphysical foundations of Johann Georg Schwarz's pedagogical practice.
ALEKSANDR I. PROKHOROV (Immanuel Kant Baltic Federal University)

Johann Georg Schwarz created his works, when Russian philosophy was just taking its first steps and when the aesthetics was just emerging in Europe as a new branch of philosophy. Under these conditions the personality of Schwarz appears as a transitional one and suits very well for a research in the field of the history of philosophy. The article demonstrates the transitional nature of Schwarz philosophy by focusing on his notion of taste, since it contains moral features of the previous period and the purely aesthetic features that Kant would eventually attach to it. The author traces how the concept of taste allows Schwartz to connect a kind of quite eclectic philosophy of freemasonry to specific pedagogical practice that remains relevant today.

Keywords: Russian philosophy, XVIIIth century, J.G. Schwarz, pedagogy, education, aesthetics, taste

Переломным моментом в процессе развития эстетики и ее становления в качестве полноценной философской дисциплины становит-

ся выход кантовской «Критики способности суждения» (1790). Понятие вкуса становится краеугольным камнем этой работы и, соответ-

* ПРОХОРОВ Александр Иванович, кандидат философских наук, научный сотрудник Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.

E-mail: eisensarg@mail.ru

© Прохоров А.И., 2023

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 22-18-00214.

ственно, подвергается детальной философской проработке. Как показывает Х.-Г. Гадамер, до этого момента понятие вкуса уже имело свою собственную длительную историю, но, что принципиально, обладало характером скорее моральным, нежели эстетическим [3, с. 77]. Тем интереснее с историко-философской точки зрения рассмотреть случай, когда понятие вкуса еще сохраняло в себе моральные черты, но уже включало и эстетический аспект, будучи способным благодаря такому переходному характеру в значительной степени определять своеобразие той общей философско-мировоззренческой системы, в состав которой оно включено на правах одного из основополагающих элементов. Весьма удачный пример такого рода обнаруживается в истории русской филологии на начальном этапе ее становления.

В 1776 г. в Россию приезжает Иоганн Георг Шварц¹ (1751–1784). Со временем он становится профессором философии Московского университета (с 1780 г.), но начинает свою карьеру в России как преподаватель иностранного языка². Это занятие он не оставляет и, уже будучи профессором, организует так называемую «Переводческую семинарию» которая была учреждена им в 1782 г. при активной поддержке Н.И. Новикова [14, с. 587–588]³. После смерти Шварца семинария продолжала работать до 1786 г., когда по приказу Екатерины II начался процесс против Новикова и других московских масонов, а все связанные с ними учреждения были закрыты [6, с. 259–263].

Единственной работой, которая была опубликована при жизни Шварца, стала первая часть книги «Начертания первых оснований немецкого слога для употребления в публичных лекциях при Императорском Московском университете» (1780), представляющая собой компилятивную учебно-методическую программу преподавания немецкого языка⁴. Всего Шварц намеревался издать три части «Начертаний»,

каждая из которых должна была соответствовать определенной стадии изучения языка. Первая часть посвящена теории изучения немецкого слога. Во второй планировалось детально описать практические аспекты подготовки переводчиков. И, наконец, в третьей речь должна была пойти «о нужных к образованию вкуса книгах» [14, с. 579].

Вторая и третья части «Начертаний» так и не появились. Однако последующая деятельность Шварца, особенно чтение им в 1782–1783 гг. специального курса «эстетико-критических лекций о знаменитейших немецких поэтах и прозаиках» [14, с. 581], указывает на то, что его педагогический подход остался в русле намеченного плана.

Ознакомление с программой обучения и ее вводными положениями показывает, сколь существенное место Шварц отводит вкусу. Очевидно, что развитие художественного вкуса способствует совершенствованию характера и стимулирует развитие общей эрудиции, что в сумме, разумеется, должно способствовать развитию будущего переводчика. Однако, по Шварцу, развитие вкуса – не просто дополнительный элемент в образовательном процессе, который не стоило бы упускать из виду. Одно только формальное намерение специально развивать вкус учащихся на завершающей стадии образовательного процесса явно указывает на то, что Шварц имел некие особые воззрения и упования на вкус как свойство личности, претендующей на высокий профессионализм в области перевода⁵.

Разумеется, образовательная программа формируется на основании личного педагогического опыта профессора и его теоретических познаний в области педагогики. Шварц не составляет здесь исключения. В своей работе он активно задействует труды вполне актуальных для своего времени авторов, таких как Плюш, Рамлер, Батте, Готшед, Гейнац [14, с. 578–580]. Он уже обладает некоторым практическим опытом, более того, как иностранец, он сам находится в ситуации, когда необходимо интенсивно совершенствовать владение иностранным языком, поэтому, обучая своих студентов искусству перевода с немецкого на русский язык, он прекрасно понимает, что качество перевода за-

¹ Варианты написания имени в русскоязычных источниках: Иван Григорьевич, Иван Георгиевич, Иван Егорович.

² Основной источник биографических сведений здесь и далее: [14].

³ Ср. также: «Его [Шварца] энергичными усилиями создан был целый кружок молодых интеллигентов, педагогов и переводчиков, оставивших по себе очень заметный след в деятельности русской школы и печати конца XVIII века» [7, с. 356].

⁴ Описание этого текста см. в: [5, с. 318–319].

⁵ Общее представление о вкусе как о том, чем обязательно должен обладать образованный человек, складывается в XVII в., например, у Балтасара Грасиана [3, с. 78].

висит не только от знания грамматики, но также от особой формы накопленного опыта, которая позволяет правильно оценивать те характеристики текста, которые нельзя исчерпывающе объяснить, обращаясь только к формальным описаниям, содержащимся в словарях и грамматических руководствах.

Но первый вопрос, позволяющий перенести рассмотрение педагогических практик Шварца в область философии, состоит в том, насколько такое понимание отрефлектировано и на каких основоположениях оно зиждется. Второй вопрос должен звучать следующим образом: как конкретные философские установки влияют на итоговый выбор и обоснование критериев, определяющих хороший вкус?

В 1779 г. при вступлении в должность профессора немецкого языка Шварц произносит «Речь о способах учения языков» [18], которая при публикации «Начертаний немецкого слога» будет включена туда в качестве введения. Согласно этой речи, чтобы студенты не изучали язык «подобно попугаям», учебный процесс должен быть дополнен двумя элементами – логикой («умословие») и метафизикой («душесловие») [18, с. 94]. Далее, в «Начертаниях», роль этих элементов разъяснена подробнее. Согласно Шварцу, «...основания немецкого слога, равно как и во всех других языках, суть троякие. Мы почерпаем оные из грамматики, риторики и философии» [16, с. 3]. И далее, кратко изложив свое понимание роли грамматики и риторики, он обращается к философии: «Философия наконец подает нам средства, как порядком, так и точно определенными мыслями, слогу придать силу и убедительную основательность. Ибо логика (умословие) учит нас мыслить, исследовать, заключать и убеждать. Психология (душесловие) показывает нам свойство человеческих чувствований, а нравоучение доставляет нам сведение о различных человека отношениях» [16, с. 3–5]. Таким образом, упомянутые в «Речи» умословие и душесловие входят совместно с нравоучением в состав философии.

Сопоставление двух представленных фрагментов (из «Речи» и «Начертаний») показывает, что в первом случае Шварц расшифровывает понятие «душесловие» как метафизику, а во втором – уже как психологию. Это не ошибка и отнюдь не случайность. Чтобы показать, что это так, необходимо обратиться к тому, как Шварц понимал человеческую природу.

В 1782 г. в ежемесячном новиковском издании «Вечерняя заря» был опубликован текст «Философическое рассуждение о Троице в человеке...» [12]. Автор указан не был. П.Н. Милуковым была выдвинута гипотеза, согласно которой эта статья и еще ряд последовавших за ней текстов не только принадлежат руке Шварца, но даже образуют единый философский трактат [7, с. 360]. Гипотезу о том, что «Рассуждение» было написано Шварцем, также выдвигает в 1914 г. В.Н. Тукалевский [11, с. 210]. Впоследствии эти предположения были опровергнуты. В частности, было установлено, что напечатанный в «Вечерней заре» текст «Рассуждения» – это выборочный перевод сочинения, автором которого был эрфуртский врач Иоганн-Николаус Вейссмантель (1735/36–1790) [10, с. 170]. Несмотря на опровержение, тексты, которые остались после Шварца и сейчас опубликованы, позволяют сделать вывод, что он полностью разделял концепцию Вейссмантеля и активно использовал ее в качестве элемента своего собственного философствования. Именно это делало гипотезы Милукова и Тукалевского весьма правдоподобными.

В своем лекционном курсе «О трех познаниях» Шварц не только солидарен с Вейссмантелем в отношении троичного устройства человеческой сущности, но он также практически дословно перенимает у него учение о человеке как уникальном промежуточном существе между двумя мирами – материальным и духовным [17, с. 4–9]. Два эти положения (троичная структура и промежуточный статус) во многом определяют те философские построения, которые Шварц предлагал слушателям своих лекций, что отчасти делает обоснованными обвинения в несамостоятельности и компилятивности [4, с. 374; 13, с. 120]. Однако в своих рассуждениях Шварц идет дальше. По Вейссмантелю, Бог сотворил человека по образу и подобию Своему, но тело, душа и дух сосуществуют в неразрывном единстве, точно так же, как лица Троицы. Следовательно, образ и подобие имеют отношение к каждой части сущности, а не к какой-то одной, например, духу [12, с. 295–296]. Вейссмантель далек от попыток самостоятельного распределения, какая часть человеческой сущности какому лицу Троицы соответствует. И тем более он не задается вопросом о функциональном назначении этих связей. Но для масонского мистицизма, ярким представителем которого был Шварц, характерно стремление устанавли-

вать многочисленные неочевидные связи всего со всем, демонстрируя магическое единство микрокосма и макрокосма (что соответствует базовому герметическому принципу «что наверху, то и внизу»). Под магизмом в данном случае понимается практическое применение тех знаний о таинственных аналогиях разных сфер бытия, которые были получены в результате индивидуального мистического опыта или были переданы в ходе осуществления соответствующих ритуальных практик масонов и розенкрейцеров. Следует при этом отметить, что в публичных лекциях Шварц проявляет благоразумную осторожность и не пропагандирует идеи масонства открыто, преподнося только их отдельные фрагменты и стараясь вывести их непосредственно из общедоступного, вполне легитимного наследия философской мысли.

Свои воззрения на соответствие лиц Троицы и частей сущности человека Шварц подробно разъясняет, в частности, в лекции, прочитанной им 17 сентября 1782 г. Мозг и в целом верхнюю часть тела, в особенности голову, где заключен ум, следует уподобить Духу, «просвещающему человека». Сердце и в целом левую сторону человеческого тела, «где обитает совесть», можно уподобить Сыну, или Спасителю. Правую сторону тела, центр которой – «утроба, или печенька», правильно будет уподобить Отцу, «яки источнику жизни и бытия». Относительно последней части Шварц делает замечание, что она «имеет в себе вкус, или волю» [17, с. 11].

Подобие Троице достигается только в том случае, когда три части человека действительно уподоблены ей, т.е. сосуществуют в благодетельном гармоническом соподчинении. Дальнейшие разъяснения того, как искажается сущность человека и его характер в случае нарушения гармонии и возникающего на ее основе подобия Троице, – это именно то, что демонстрирует практикуемое Шварцем слияние психологии и метафизики, которое он переносит в свою педагогическую теорию, где лицам Троицы должны соответствовать душесловие (Сын), умословие (Дух) и эстетика (Отец).

В этой же лекции Шварц расшифровывает свое понимание эстетического вкуса: «Чувство красоты или вкуса, что единственно называется человеком естественным, который стремится к красивому по виду, избирает приятное, ощущает жизнь, нужды, желания» [17, с. 11]. Понимание смысла предлагаемой цитаты затруднено ее неправильным синтаксическим

построением. Искажение смысла могло произойти в ходе восстановления текста при подготовке публикации, т.к. исходный текст написан «скорописью XIX века» [8, с. 28]. Кроме того, сам исходный текст представляет собой выполненный сподвижником Шварца С.И. Гамалеей перевод подготовительных материалов к лекциям, которые профессор вел на немецком языке [2, с. 490]. При переводе также могла вкратиться неточность. Однако сопоставление цитаты с определениями двух других «чувств», совести и разума, представленными в той же лекции, позволяет с достаточной точностью реконструировать ту мысль, которую Шварц вкладывал в свои слова. Его определение следовало бы передать следующим образом: «Только чувство красоты или вкуса является природным [в отличие от совести и разума, принадлежащих духовному измерению человеческой сущности] – именно оно позволяет стремиться к красивому по виду, избирать приятное, ощущать жизнь, нужды, желания».

Теперь видно, что Шварц не случайно сближает вкус и волю, помещая их в «печенку» и приводя в соответствие с ипостасью Отца. Данное им определение показывает, что для человека, наделенного вкусом, оказывается совершенно естественным применять свою волю так, чтобы его влечения устремлялись к тому, что соответствует воле и замыслу Творца. Поэтому в одной из своих записок Шварц говорит: «Вкус есть правитель нашей воли» [19, с. 90].

Когда ум, совесть и вкус работают в синергии, каждый из элементов человеческой тричности усиливает другие два. Развитие вкуса позволяет лучше понимать не только устройство материального мира, но и всего доступного человеку феноменального универсума, т.е. распространяется и на язык, который, согласно Шварцу, изначально дан человеку, чтобы выражать свои безграничные потребности, связанные с тварным миром, соединяющим посредством человека материальное и духовное измерения [9]. Это вполне вписывается в ту космологию, которой придерживается Шварц. Он разделяет дуалистическое мировоззрение, согласно которому тварное бытие состоит из двух начал – светлого и темного. Свет выражает все чистое и благое, порядок, разум и дух. Темное начало – все страдательное и непроницаемое, хаос и нестройность [17, с. 5–14]. Всякий материальный объект в такой космологии представляет собой комбинацию этих двух ос-

новополагающих начал. Развитие вкуса под руководством разума и совести позволяет иначе относиться к материи – чувствовать в ней светлое начало и устремляться к нему. Встречный свет разума размыкает темный компонент, воспринимая его не как субстанциальное начало, что характерно для наивного восприятия материи, но в качестве естественной производной изначального света – как его недостаток или отсутствие.

Основной принцип соответствия микрокосма и макрокосма сохраняет у Шварца свое двустороннее действие. Свет, входящий в состав внешнего тварного мира, постигается при помощи внутреннего света разума. И наоборот: светлый компонент материи, воздействуя на человека, помогает ему раскрыть в себе и взрастить внутренний свет. Шварц называет это «Внешним откровением» [17, с. 33]. Сходный порядок действителен для вкуса. Обладание вкусом помогает постигать совершенство творений, устремляясь к лучшим из них. И наоборот: опыт взаимодействия с объектами высокой степени совершенства (в частности, с предметами искусства) позволяет воспитывать вкус и затем переносить его в другие области опыта.

Если вернуться к тому, как Шварц представляет развитие истории человеческого общества, то становится вполне очевидно, что значимые качественные сдвиги, связанные с важными открытиями или обретением сокровенных знаний, становятся возможны только тогда, когда человечеством реализуется доступное ему на индивидуальном уровне уподобление Троице, т.е. когда разум, совесть и вкус действуют как единая сила. Истокованная в таком ключе историческая реальность становится в руках Шварца веским дополнением к метафизической аргументации, направленной на обоснование его педагогического метода. Кроме того, исторический опыт выступает в качестве основного свидетельства, что развитие личностных способностей есть дело трудоемкое, требует времени и может быть ограждено от многих препятствующих ему случайностей только опытным педагогом, соединяющим в себе навыки философа, эстета и моралиста.

Говоря о вкусе применительно к языку, Шварц отмечает: «Непринужденность дает слогу вкус, по которому хорошие и избранные мысли выражаются чистыми, изрядными и учтивыми словами; но сей вкус не состоит в глубокомысленном и продолжительном чтении,

в рассказывании невероятных вещей и вмешивании иностранных слов, но в разумной и острой живости в мыслях, изречениях и слоге, сходствующей во всех частях с благопристойностью» [16, с. 247]. В другом месте он обещает, что обладание вкусом позволит учащемуся «не внести излишнего и не принадлежащего к вещи, и, наконец, изобразить свое намерение кратко и ясно» [18, с. 96].

Вне зависимости от личных вкусовых и стилистических предпочтений Шварца, приводимые им пояснения полностью вписываются в его общую метафизическую программу. Текст сам по себе есть некая косная материя, и его предназначение – быть хранилищем и передатчиком мысли, которая, будучи светом разума, способна соединять автора и читателя. Следовательно, задача писателя вообще и переводчика в частности – сделать все от него зависящее, чтобы материя слова не мешала распространению света разума, но лишь обрамляла его. Разумеется, это вопрос хорошей выучки и ощущения материи языка на уровне инстинкта, т.е., по Шварцу, на уровне «утробы», отвечающей за хороший вкус. В качестве примера Шварц приводит религиозные тексты, которые «писаны духом». Свет разума в таких текстах присутствует в наибольшей степени, а материя слова – наиболее утонченная. Это налагает наибольшую ответственность на переводчика, который, чтобы успешно справиться со своей задачей, не только должен обладать соответствующими знаниями, но обязан путем аскетической подготовки преобразовать себя и уподобиться авторам таких текстов [15, с. 66].

Подводя итоги, следует указать на двойственный вклад Шварца в дело формирования российской культуры. С одной стороны, как педагог (и как первый преподаватель педагогики в России [6, с. 128]), он показывает, что всякий учащийся, претендующий на получение качественного образования, должен не только обрести базовые профессиональные навыки. Помимо этого, если он надеется на достижение высокого уровня совершенства в своем деле, он должен непременно получить духовно-нравственное воспитание, делающее его гармонично развитой личностью. Справедливость этого понимания имеет множество подтверждений, как в истории, так и в современности. Попытки экономии времени и средств на профессиональную подготовку учащихся неизменно обречены на глубокие кризисные явления

в культуре, обществе и государстве. С другой стороны, стремление Шварца провести линии последовательной аргументации от своих метафизических убеждений вплоть до конкретного применения в педагогической практике позволяет ему подготовить почву для развивающегося впоследствии систематического философского мышления, для которого характерно построение единого самозамкнутого универсума мысли вокруг некоторого набора центральных идей. Именно это позволяет исследователям истории русской философии говорить о влиянии масонства екатерининского периода, главным концептуальным выразителем которого был Шварц, на последующее развитие славянофильства и русского шеллингианства [13, с. 120]. Эти же причины побудили Н.А. Бердяева назвать Шварца «первым в России философствующим человеком» [1, с. 21]. Все это, даже учитывая необходимую осторожность при обращении к теориям масонов и розенкрейцеров, заставляет возвращаться к изучению философского наследия Шварца и его вклада в развитие русской мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1971.
2. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1999.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
4. Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломонских наук. СПб.: МП Астерион, 2012.
5. Кривко Т.М. «Начертание первых оснований немецкого слога» И.Г. Шварца и «Сокращенный курс российского слога» В.С. Подшивалова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 1. С. 317–323.
6. Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М.: Типография Грачева и Ко, 1867.
7. Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Национализм и общественное мнение. Вып. 2. СПб.: Типография И.П. Скороходова, 1903.
8. Отчет Императорской публичной библиотеки за 1874 г. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1875.
9. Прохоров А.И. Философия языка И.Г. Шварца: сакрализация исторической памяти // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 4. С. 130–139.
10. Симанков В.И. Из разысканий о журнале «Вечерняя заря» (1782) // XVIII век: сборник статей и материалов. Т. 26. СПб.: Наука, 2011. С. 169–186.
11. Тукалевский В.Н. Н.И. Новиков и И.Г. Шварц // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. М.: Задруги, 1914. С. 175–226.
12. Философическое рассуждение о Троице в человеке, или опыт доказательства, почерпнутого из разума и Откровения, что человек состоит 1) из тела 2) души и 3) духа // Вечерняя Заря. 1782. Апрель. С. 265–309.
13. Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006.
14. Шварц // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Ч. II. М.: Университетская типография, 1855. С. 574–599.
15. Шварц И.Г. Беседы о возрождении и молитве // Шварц И.Г. Беседы о возрождении и молитве. Записки. Речи. Материалы для биографии. Донецк: Вебер, 2010. С. 5–76.
16. Шварц И.Г. Начертание первых оснований немецкого слога для употребления в публичных лекциях при Императорском Московском университете. Ч. I. М.: Университетская типография, 1780.
17. Шварц И.Г. О трех познаниях: любопытном, приятном и полезном // Шварц И.Г. Лекции. Донецк: Вебер, 2008. С. 3–54.
18. Шварц И.Г. Речь о способах учения языков // Шварц И.Г. Беседы о возрождении и молитве. Записки. Речи. Материалы для биографии. Донецк: Вебер, 2010. С. 92–96.
19. Шварц И.Г. Экстракты // Шварц И.Г. Беседы о возрождении и молитве. Записки. Речи. Материалы для биографии. Донецк: Вебер, 2010. С. 77–91.

REFERENCES

1. Berdyaev, N.A., 1971. Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka [The Russian idea]. Paris: YMCA-Press. (in Russ.)
2. Vernadskii, G.V., 1999. Russkoe masonstvo v tszarstvovanie Ekateriny II [Freemasonry in Russia during the rule of Catherine II]. Sankt-Peterburg: Izd-vo im. N.I. Novikova (in Russ.)

3. Gadamer, H.-G., 1988. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germeneytiki* [Truth and method]. Moskva: Progress. (in Russ.)
4. Kondakov, Yu.E., 2012. *Orden zolotogo i rozovogo kresta v Rossii. Teoreticheskii gradus solomonovykh nauk* [The Order of the Gold and Rosy Cross in Russia. Theoretic degree of the Solomon sciences]. Sankt-Peterburg: MP Asterion. (in Russ.)
5. Krivko, T.M., 2015. «Nachertanie pervykh osnovanii nemetskogo sloga» J.G. Shvartsa i «Sokrashchennyi kurs rossiiskogo sloga» V.S. Podshivalova [«An outline of the principles of German style» of I.G. Schwarz and «A brief course in Russian style» of V.S. Podshivalov], *Vestnik Tvverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»*, no. 1, pp. 317–323. (in Russ.)
6. Longinov, M.N., 1867. *Novikov i moskovskie martinisty* [Novikov and Moscow Martinists]. Moskva: Tipografiya Gracheva i Ko. (in Russ.)
7. Milyukov, P.N., 1903. *Ocherki po istorii russkoi kul'tury. Ch. 3. Natsionalizm i obshchestvennoe mnenie. Vyp. 2* [Essays on the history of Russian culture. Part 3. Nationalism and public opinion. Issue 2]. Sankt-Peterburg: Tipografiya I.P. Skorokhodova. (in Russ.)
8. *Otchyot Imperatorskoi publichnoi biblioteki za 1874 god* [Report of the Imperial Public Library for 1874]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1875. (in Russ.)
9. Prokhorov, A.I., 2022. *Filosofiya yazyka I.G. Shvartsa: sakralizatsiya istoricheskoi pamyati* [J.G. Schwarz's philosophy of language: sacralization of historical memory], *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, Vol. 23, no. 4, pp. 130–139. (in Russ.)
10. Simankov, V.I., 2011. *Iz razyskaniy o zhurnale «Vechernyaya zarya» (1782)* [From research on the magazine «Vechernyaya zarya» (1782)]. In: *XVIII vek: sbornik statei i materialov. T. 26*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2011, pp. 169–186. (in Russ.)
11. Tukalevskii, V.N., 1914. *N.I. Novikov i I.G. Shvarts* [N.I. Novikov and J.G. Schwarz]. In: *Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem. T. 1*. Moskva: Zadrugi, pp. 175–226. (in Russ.)
12. *Filosoficheskoe rassuzhdenie o Troitse v cheloveke, ili opyt dokazatel'stva, pocherpnutogo iz razuma i Otkroveniya, chto chelovek sostoit 1) iz tela 2) dushi i 3) dukha* [Philosophical treatise on human Trinity or an attempt of proving that man consists of 1) body, 2) soul and 3) spirit], *Vechernyaya zarya*, 1782, April, pp. 265–309. (in Russ.)
13. Florovsky, G., 2006. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Minsk: Izd-vo Belorusskogo Ekzarkhata. (in Russ.)
14. Shvartz [Schwarz]. In: *Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Ch. II*. Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1855, pp. 574–599. (in Russ.)
15. Schwarz, J.G., 2010. *Besedy o vozrozhdenii i molitve* [Conversations about the revival and prayer]. In: Schwarz, J.G., 2010. *Besedy o vozrozhdenii i molitve. Zapiski. Rechi. Materialy dlya biografii*. Donetsk: Veber, pp. 5–76. (in Russ.)
16. Schwarz, J.G., 1780. *Nachertanie pervykh osnovanii nemetskogo sloga dlya upotrebleniya v publichnykh lektsiyakh pri Imperatorskom Moskovskom universitete Ch. 1* [An outline of the principles of German style]. Moskva: Universitetskaya tipografiya. (in Russ.)
17. Schwarz, J.G., 2008. *O trekh poznaniyakh: lyubopytnom, priyatnom i poleznom* [On three kinds of knowledge: curious, pleasant and useful]. In: Schwarz, J.G., 2008. *Lektsii*. Donetsk: Veber, pp. 3–54. (in Russ.)
18. Schwarz, J.G., 2010. *Rech' o sposobakh ucheniya yazykov* [Talking about how to learn languages]. In: Schwarz, J.G., 2010. *Besedy o vozrozhdenii i molitve. Zapiski. Rechi. Materialy dlya biografii*. Donetsk: Veber, pp. 92–96. (in Russ.)
19. Schwarz, J.G., 2010. *Ekstrakty* [Extracts]. In: Schwarz, J.G., 2010. *Besedy o vozrozhdenii i molitve. Zapiski. Rechi. Materialy dlya biografii*. Donetsk: Veber, pp. 77–91. (in Russ.)

С.М. Климова*

Н.Н. СТРАХОВ КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ Л.Н. ТОЛСТЫМ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИМ**

В статье предпринята попытка преодолеть один из устойчивых научных штампов в исследованиях, касающихся взаимоотношений между Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским и Н.Н. Страховым. Последний традиционно считается посредником между двумя писателями и в то же время виновником их несостоявшейся встречи в марте 1878 г. Автор полагает, что именно в этот год данная встреча вряд ли могла состояться, вне зависимости от намерений Страхова, и предлагает обратить внимание на принципиальные различия мировоззренческих позиции Толстого и Достоевского по Восточному вопросу.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, русская философия, интеллигенция, религиозное мировоззрение

Nikolay Strakhov as a mediator between Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky.
SVETLANA M. KLIMOVA (HSE University, Moscow)

The article attempts to overcome one of the persistent scholarly clichés concerning the relationship between Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky and Nikolay Strakhov. The latter is traditionally considered a mediator between the two great writers and at the same time the one who disrupted their meeting in March 1878. The author believes that this meeting could hardly have taken place in this particular year, regardless of Strakhov's intentions, and suggests paying attention to the fundamental differences in Tolstoy's and Dostoevsky's philosophical positions on the Eastern question.

Keywords: Nikolay Strakhov, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, Russian philosophy, intelligentsia, religious worldview

Введение

Имя Н.Н. Страхова (1828–1896) хорошо известно многим специалистам в области русской философии и культуры, но, как правило, оно прочитывается в ключе интеллектуальной вторичности. Это судьба многих ярких людей, живших в эпоху выдающихся «селебрити». О Страхове говорят практически всегда, когда

рассуждают о Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, А.А. Фете, Н.Я. Данилевском, В.С. Соловьеве или В.В. Розанове. Но говорят, как правило, таким образом, как будто его имя несколько случайно оказалось в этом славном ряду. Его считают тенью многих знаменитых друзей. Однако история давно показала, что без теней великие теряют что-то от своего блеска. В судьбе этого

* КЛИМОВА Светлана Мушаиловна, доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: sklimova@hse.ru

© Климова С.М., 2023

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект № 19-18-00100.

русского философа очень много исторических штампов, как, впрочем, и в судьбах его известных визави. Отношение к нему хорошо укладывается в известную формулировку: «мыслитель второго эшелона» или «второго ряда», вечный «трикстер» около культурных героев.

Попробуем разобраться со штампом: что значит быть в тени великих. В 2010 г. в издательстве «Алетейя» вышел сборник «В тени великих: образы и судьбы» [2]. Этот сборник открыл научную серию под названием «Человек второго плана в истории». Идея серии принадлежит коллегам-историкам из Южного федерального университета. Они дают следующее определение человека второго плана: речь либо идет о человеке-посреднике между массами и творцами, либо это некая метафора «серого кардинала». Многие исследователи приписывают Страхову и посредническую роль в качестве литературного критика, что, по существу, верно, но в то же время он играет и роль «серого кардинала», почему-то неся историческую ответственность, например, за «невстречу» Толстого и Достоевского. Кроме того, он остался в истории литературы «сплетником» и «клеветником», обвинившим Достоевского в частном письме к Толстому в страшном «ставрогинском грехе» [7].

Другой штамп, появившийся в конце XX – начале XXI вв., связан с иного рода преувеличением, делающим Страхова чуть ли не святым, гигантом мысли в философии и одной из самых значимых личностей своего времени [14]. Желание показать Страхова русским патриотом-славянофилом, апологетом православия или Русской церкви похвально, но настолько явно доминирует над критическим восприятием его идей и жизни, что многие исследователи нарушают даже элементарную логику высказываний в своих апологиях, не говоря уже о сектантском отсечении трудов философа, невыгодных для их системы оценок и апологетической аргументации. Идея здесь подменяет логику и стремление к истинному знанию. Например, указывая на факт его биографии – окончание в 1845 г. Костромской семинарии, исследователи автоматически делают вывод, что из семинарии он «вынес глубокие религиозные убеждения, которые не покидали его на протяжении всей жизни и составили впоследствии важнейший элемент его философии. Однако сравнительно рано у Страхова проявился интерес и к естествознанию...» [1].

Как известно, во времена Страхова из семинарий, как правило, выходили люди, легко отрекавшиеся и от Бога, и от статуса своего религиозного служения, быстро менявшие кадила на журналистское перо, консерватизм – на либеральную идеологию. Страхов же никогда сам себя не считал религиозным человеком. В 1877 г. он вместе с Толстым посетил Оптину Пустынь, что стало поводом для о. Амвросия назвать его закостенелым человеком, чье неверие было еще глубже, чем метания и сомнения Толстого [5]. Если и был он в душе носителем семинаристских традиций, то скорее в «прочтении» этого типажа Достоевским, назвавшим одного из его прототипов «семинаристом-карьеристом» [8].

Н.Н. Страхова правомернее назвать интеллектуалом – «оркестром без первой скрипки»: ученый-естественник с магистерской степенью по зоологии, философ, переводчик, литературный критик, библиотекарь, член-корреспондент Петербургской академии наук, обладатель уникальной исторической судьбы и одновременно – никогда не высказывающий громко своих взглядов человек «простого контрапункта».

Одной из важнейших тем его жизни стала история взаимоотношений с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским. Здесь его также преследует штамп вины «серого кардинала» за «невстречу» двух великих, оказавшихся на одной лекции В.С. Соловьева 10 марта 1878 г. Да, Страхов знал, что они оба были на лекции, он был спутником Толстого, но ни ему, ни Достоевскому ничего не сказал [9, с. 393–394]. Обсудим этот случай подробнее.

Виноват ли Страхов в том, что Толстой не встретился с Достоевским

Сама формулировка вины, да еще и в ситуации, так далеко отложенной во времени, кажется весьма странной. Как мог Страхов помешать встретиться, при желании, двум своим великим современникам, прекрасно знавшим друг о друге, читавшим друг друга, критиковавшим друг друга, близким по тематике и силе напряжения мысли? Для этого действительно нужно обладать талантом интригана-Мефистофеля, каковым Страхов никогда не был. С моей точки зрения, такая встреча была принципиально невозможна в 1878 г. И дело не в Страхове, не в его амбициях или удивительной способности кем-то ловко манипулировать. Дело в самих ви-

зави. Возможно, позже эта встреча стала бы не только возможной, но даже неизбежной, но не в тот момент. Их встреча не могла быть рядовым знакомством или проявлением любопытства. Мне кажется, что соединить их могла только вера, общее понимание христианства, его будущего в исторической перспективе, которое бы только и сделало их единомышленниками. Если бы Толстой видел в то время в Достоевском близкого по духу человека, его бы ничто не удержало от встречи. Он был очень открыт к людям, близким ему в вопросах понимания веры. Например, именно он стал инициатором знакомства с главой духовоборов Петром Веригиным и приехал на встречу с ним, правда, опоздав на вокзал, с которого тот отправлялся на каторгу. Мы знаем сколько писем он инициировал самым разным людям, кстати, тому же Страхову, если тема его задевала. В письме от 26 сентября 1880 г., через два года после событий «невстречи» на лекции, он через того же самого Страхова передал Достоевскому свою любовь, поставив «Записки из Мертвого дома» даже выше Пушкина [13, с. 24–25]. Но между тем никакой духовной близости между ними, по существу, не было.

Одной из причин невозможности встречи в 1878 г., как мне кажется, являлась знаменитая нелюбимая критическая запись Достоевского в «Дневнике писателя» в июле-августе 1877 г. о восьмой и последней части романа Толстого «Анна Каренина». Достоевскому оказался чужд антивоенный и анти-национал-патриотический взгляд Толстого, выраженный в позиции его героя-визави Константина Левина. Именно эта запись показывает, насколько по-разному русские писатели понимали базовые основы своего мировоззрения: христианство и народничество, роль государства в развитии личностного начала, на которых строилась вся духовная система мыслителей. В числе прочего они расходились в вопросе о праве на насилие. Толстой отрицал возможность частной инициативы в этом вопросе и указывал, что такое право есть только у государства. Именно эту идею позже положит в основу своей концепции государства как политического союза, обладающего средством физического насилия, М. Вебер. Достоевский, напротив, считал вполне допустимым добровольческое военное движение, связанное и финансово, и инициативно не с действиями и решениями властей, но с пожеланиями и жертвованиями граждан.

В.Н. Захаров в статье «Полемика как диалог: Достоевский в споре с Л. Толстым» [6] рассматривает дневниковые записи Достоевского с точки зрения особой роли, которую он взял на себя, обсуждая роман Толстого. Писатель выступил здесь в роли литературного критика. А если мы вспомним, что таким постоянным критиком был у Толстого Страхов, то в каком-то смысле он становится альтер-эго Страхова в критической интерпретации романа. С точки зрения Захарова, оценивая жесткую критику Достоевского, следует исходить не из того, *что* сказано писателем, а из того, *как* это написано. Именно как литературный критик Достоевский, высоко оценив литературное значение романа и автора в целом, не принял его политические оценки Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Хочется отметить, что отношение к роману у Достоевского было совсем не однозначным. «Об романе Толстого [А.Н. Майков и Н.Н. Страхов] тоже говорили не много; но то, что сказали – выговорили до смешного восторженно», – писал Достоевский жене 6 февраля 1875 г. [4, с. 9]. 7 февраля ей же: «Роман Толстого ... довольно скучный и уж слишком не бог знает что. Чем они восхищаются – понять не могу» [4, с. 11]. «...Порецкий уже окончательно с ума сошел на Толстом», – писал Достоевский жене 15 (27) июня 1875 г. [4, с. 48]. Но шестая и седьмая части писателю чрезвычайно понравились, в 1877 г. он уже называет Толстого «богом искусства». В февральском номере «Дневника писателя» за 1878 г. он пишет о Левине как о новом человеке, с чистым сердцем. Однако уже в июльском и августовском номерах тональность резко меняется.

Восьмая часть «Анны Карениной». Критическое обособление

Восьмая часть романа не просто вызвала недовольство Достоевского Толстым. Он явно раздражен, полемика переходит совсем в другое русло. Здесь больше нет литературного критика, как нет и великого русского писателя, о котором пишет другой великий русский писатель. Перед нами мыслитель конкретного направления. Его критика дана с почвеннической и национал-патриотической позиций. Восьмая часть романа, в которой Толстой высказывается неодобрительно о добровольческом движении русских в пользу сербов, вызвала резкие и конкретные возражения со стороны Достоевского.

Достоевский-мыслитель прямо указывает на то, что спускать автору романа «Анна Каренина» его антивоенной позиции он не собирается, даже если бы мог хоть как-то объяснить позицию Левина. По его мнению, произошло «отпадение такого автора, отъединение его от русского всеобщего и великого дела, и парадоксальная неправда, возведенная им на народ в его несчастной восьмой части, изданной им отдельно. Он просто отнимает у народа все его драгоценнейшее. Лишает его главного смысла его жизни» [3, с. 202]. По Достоевскому, объявление Россией войны за освобождение славян от турецкого ига – факт огромного значения: подвиг России бескорыстен и велик, цель войны невероятна: «Эта неслыханная война, за слабых и угнетенных, для того, чтобы дать жизнь и свободу, а не отнять их, – эта давно уже теперь неслыханная в мире цель войны, для всех наших верующих явилась вдруг, как факт, торжественно и знаменательно подтверждавший веру их» [3, с. 196].

Для понимания принципиальной разницы позиций необходимо дать слово Толстому. В своей антивоенной позиции он, человек, прошедший войну, был последователен всю жизнь, хотя многие его идеи и менялись во времени. В отличие от Достоевского он никогда не разделял теорию справедливых войн, сформулированную Августином. Война, с его точки зрения, не имеет оправдательной мотивации. Ее суть – антигуманная и антихристианская по определению, какими бы идеями не оправдывалось ее развязывание.

Так же принципиально отличалось понимание русского народа и его специфики, свойственное Достоевскому и Толстому. Почвенничество Достоевского выросло из желания придать уникальную направленность самой идее русского народа, показать его хотя и противоречивую, но глубоко христианскую суть. Главной чертой русского народа, с точки зрения писателя, является его коллективизм, отзывчивость, консолидация вокруг «русской идеи».

Такой «народ» совершенно чужд Толстому. Для него народ – это любой человек, который обладает инстинктом христианского мировоззрения, является последователем этического учения Христа вне национальных характеристик и свойств. Можно не знать Евангелия, не читать апокрифов, не жить в народной среде непосредственно, но следовать словам и заповедям Учителя, субъективно – практически – переживая истины христового поведения и этики.

Именно это делает тебя частью целого – частью народа, в идеале – человеком всего мира.

Можно сказать, что христианин Толстого – глубоко рефлексивный тип, на манер декартовского *cogito*. Ему важно не следовать массовым стереотипам, но умом и сердцем понимать свою причастность высшему и в этом понимании обрести смысл собственной жизни. На этом построен глубокий антагонизм религиозных воззрений Достоевского и Толстого в 1877–1878 гг.

Толстой свою народную идею выражает в простой формуле, высказанной Константином Левиным в романе: «я сам народ, и я не чувствую этого», снимая резкое противопоставление народа и «баричей». Для Достоевского это все – лишь барская бравада. Он, по сути, устанавливает запрет на такое отождествление и на общность чувств народа и интеллигенции. Левин, с его точки зрения, типичный русский интеллигент, обладавший всеми характеристиками беспочвенной мятущейся натуры. В своей критике «человека с чистым сердцем» он вдруг называет «подпольным», превращая его в прототип одного из своих одиозных героев. Связь личности и народа Достоевский решает антиморально, делая народ положительно-заряженным «мы», а интеллигенцию – отрицательно-заряженным «я». Для Толстого все наоборот. Ценность всех может быть дана лишь через самоценность каждого. У него есть известная метафора океана и капли, которая делает более ясным понимание этой связи. С одной стороны, капля самоценна, с другой – она наполняет океан, растворяясь в нем, сливаясь в единое целое с другими «я». В этой целостности сохраняется и одновременно снимается значимость каждого человека, живущего по принципам христианского учения о всемирном единении. В этой логике значимость личности и общества меняются местами. Для Толстого России нет не только без Левина, но и без Платона Каратаева, капитана Тушина, Наташи Ростовской. Достоевский более жестко иерархизирует значимость личности, в зависимости от ее близости к почве-народу, отождествляемой им с апокрифическим Христом.

Достоевский чрезвычайно яростен не только в отношении Левина, но и в отношении зарождающейся в недрах романа концепции непротivления злу насилием. Рассматривая аргумент «невинной жертвы» как базовый для оправдания обратной агрессии, писатель требует обязательного отмщения за страдания не-

винных детей. Для него Левин – праздношатающийся конформист, который просто не имеет эмпатии к чужим страданиям и чужим детям. «Ребенка, жену, родину и т.д. будут турки-разбойники убивать, а Левин скажет: “Нет, нельзя убить турку. Нет, уж пусть он лучше выколет глазки ребенку и замучает его, а я уйду к Кити”» [3, с. 220]. В качестве контраргумента можно привести слова Толстого о том, что из любви к одним людям нельзя дать себе право убивать других. Например, в качестве контраргумента он приводит в пример роковое поведение Каифы, который, не желая убить весь народ, убивает одного. Этим одним был Христос.

Возможность встречи после 1878 г.

Полемика вышла нешуточная. Однако спустя два года Достоевский пишет один из любимых романов Толстого – «Братья Карамазовы». Сталкивая две позиции, из «Дневника писателя» и из этого романа, мы вступаем на противоречивую почву новой аргументации их автора. Когда он как критик обвиняет в равнодушии к страданиям детей Левина-Толстого, он вступает в противоречие с собой как автором романа «Братья Карамазовы», где уже в прямой аллюзии обращения к Христу в главе «Бунт», в частности, в рассказе о затравленном ребенке, он опровергает священное право на возмездие и вспоминает о всепрощении, которое принес Христос и которое стало важным ненасильственным аргументом в разговоре о страданиях невинных детей. Последний роман Достоевского оказывается логическим дополнением и напрямую связан с размышлениями Толстого в «Анне Карениной». Ответное желание мести «турке» за невинные страдания абстрактных детей в «Братьях Карамазовых» превращается в напоминание о Христовом всепрощении перед первой невинной жертвой в истории христианства – жертвой своего сына, принесенной Отцом тотальному «разбойнику» – всему миру людей. В этом прочтении мы ясно видим напоминание о том, что падший мир – это те же дети Отца небесного, что и воплощенный Христос. Поэтому в христианстве и происходит замена идеи «око за око» идеей братской любви и всепрощения. И хотя данные аргументы нельзя напрямую отождествлять с учением о ненасилии Толстого, в романе Достоевского мы имеем близкий к нему концепт Христового поведения как образцового, в том числе с точки зрения этики и симметричных действий.

Заключение

Приведенные выше рассуждения построены на ряде предположений, цель которых – доказать и различие между Толстым и Достоевским в вопросе христианского миропонимания, и их духовную близость, которая проявлялась сквозь тусклое стекло времени. В данном контексте важно вернуться к фигуре Страхова и преодолению штампа о его вине в «невстрече» двух великих мыслителей. В свете сказанного обвинения Страхова в намеренном «сокрытии» одного писателя от другого на лекции у Соловьева не кажутся такими уж обоснованными, как это пытаются показать некоторые исследователи вопроса. Каковы бы ни были тайные намерения Страхова, «невстреча» произошла совсем по другим причинам. В 1878 г. еще не пришло время, еще не произошло духовное сближение, которое могло произойти лишь по одному, но главному для обоих – религиозному – основанию.

Павел Басинский справедливо отмечает, что отношение Достоевского к Толстому в последние годы было скорее любовным, чем неприязненным. Он упоминает письмо А.А. Толстой своему племяннику Л.Н. Толстому, написанное за несколько месяцев до кончины Достоевского: «Он любит вас, много расспрашивал меня, много слышал об вашем настоящем направлении, и, наконец, спросил меня, нет ли у меня чего-либо писанного, где бы он мог лучше ознакомиться с этим направлением, которое его чрезвычайно интересует» [12, с. 10]. Интерес к направлению религиозной мысли Толстого косвенно подтверждает нашу гипотезу, что встреча двух мыслителей после 1880 г. обязательно бы состоялась, если бы не кончина Достоевского.

Всем известна искренняя реакция Толстого на известие о смерти писателя. Его боль и скорбь были неподдельными. Не просто «опора отскочила». Скорее всего, он потерял в лице Достоевского потенциального единомышленника в вопросе понимания христианского будущего мироустройства. В конце 1870-х гг. у него еще оставалась надежда, что Страхов сможет хоть в какой-то степени стать его собеседником в вопросе веры, поможет ему найти правильное понимание [10]. Но надежда не оправдалась. Страхов так никогда и не смог выйти за рамки своего философско-пантеистического мировоззрения. В споре же по поводу веры он всегда тяготел к Достоевскому, а не к Толстому. Недаром он, наряду с Достоевским, был одним из

четырёх авторов концепции почвенничества в 1860 г. Не изменил он своих взглядов и после 25-летней дружбы с Толстым. Рядом с Толстым он так и не стал толстовцем. «Толстой очень плохо пишет все, что касается отвлеченного изложения христианства; но его чувства... имеют необыкновенную красоту», – писал он в 1884 г. Аксакову (Цит. по: [11, с. 775]).

По пути поиска, исповедания и изложения своей веры Толстой после 1880 г. пошел один, без Страхова и Достоевского, обретая по дороге много новых друзей и единомышленников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова А. Мыслитель Золотого века русской литературы // БелПресса. 23 ноября 2017 г. URL: <https://www.belpressa.ru/19580.html>
2. В тени великих. Образы и судьбы: сборник научных статей / Под ред. Л.П. Репиной. СПб.: Алетейя, 2010.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Июль–Август. Л.: Наука, 1983.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 29. Публицистика и письма. Кн. 2. Письма, 1875–1877. Л.: Наука, 1986.
5. Захаров В.Н. Из забытых мемуаров. П. Матвеев о Ф. Достоевском, Н. Страхове, Л. Толстом // Н.Н. Страхов: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 165–174.
6. Захаров В.Н. Polemika kak dialog: Достоевский в споре с Л. Толстым // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 242–255.
7. Захаров В.Н. Факты против легенды // Захаров В.Н. Проблемы изучения Ф.М. Достоевского: учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1978. С. 75–109.
8. Кибальник С.А. К разгадке одной писательской диффамации: почему Н.Н. Страхов оклеветал Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 191–211.
9. Ореханов Г. Лев Толстой. «Пророк без чести». Хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016.
10. Паперно И. «Кто, что я?». Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
11. Паперно И.А. Л.Н. Толстой в переписке с Н.Н. Страховым (1875–1879): философский диалог о вере // Н.Н. Страхов: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 757–776.
12. Толстой Л.Н. и Толстая А.А. Переписка (1857–1903). М.: Наука, 2011.
13. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 63. Письма, 1880–1886. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1934.
14. Фатеев В.А. Н.Н. Страхов: личность, творчество, эпоха. СПб.: Пушкинский дом, 2021.

REFERENCES

1. Bessonova, A., 2017. Myslitel' Zolotogo veka russkoi literatury [A thinker of the Golden Age of Russian literature]. URL: <https://www.belpressa.ru/19580.html> (in Russ.)
2. Repina, L.P. ed., 2010. V teni velikih. Obrazy i sud'by: sbornik nauchnykh statei [In the shadow of the great people. Images and destinies: a collection of research papers]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)
3. Dostoevsky, F.M., 1983. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 25. Dnevnik pisatelya za 1877 god. Iyul'–Avgust [Collected works in 30 volumes. Vol. 25. Writer's diary for 1877. July–August]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
4. Dostoevsky, F.M., 1986. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 29. Publitsistika i pis'ma. Kn. 2. Pis'ma, 1875–1877 [Collected works in 30 volumes. Vol. 29. Essays and letters. Book 2. Letters, 1875–1877]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
5. Zakharov, V.N., 2021. Iz zabytykh memuarov. P. Matveev o F. Dostoevskom, N. Strakhove, L. Tolstom [From forgotten memoirs. P. Matveev about F. Dostoevsky, N. Strakhov, L. Tolstoy]. In: N.N. Strakhov: pro et contra. Antologiya. Sankt-Peterburg: RKhGA, 2021, pp. 165–174. (in Russ.)
6. Zakharov, V.N., 2013. Polemika kak dialog: Dostoevskii v spore s L. Tolstym [The polemics as a dialogue: F. Dostoevsky in a controversy with L. Tolstoy], Problemy istoricheskoi poetiki, no. 11, pp. 242–255. (in Russ.)
7. Zakharov, V.N., 1978. Fakty protiv legendy [Facts vs. legend]. In: Zakharov, V.N., 1978. Problemy izucheniya F.M. Dostoevskogo: uchebnoe posobie po spetskursu. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, pp. 75–109. (in Russ.)
8. Kibal'nik, S.A., 2018. K razgadke odnoi pisatel'skoi diffamatsii: pochemu N.N. Strakhov oklevetal F.M. Dostoevskogo [Solving the riddle of a writer's defamation: why did Nikolay Strakhov slander Fyodor Dostoevsky?], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, no. 55, pp. 191–211. (in Russ.)
9. Orekhanov, G.V., 2016. Lev Tolstoi. «Prorok bez chesti». Khronika katastrofy [Leo Tolstoy.

«A prophet without honor». A chronicle of the catastrophe]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)

10. Paperno, I., 2018. «Kto, chto ya?». Tolstoi v svoikh dnevnikakh, pis'makh, vospominaniyakh, traktatakh [«Who, what am I?». Tolstoy in his diaries, letters, memoirs, treatises]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

11. Paperno, I.A., 2021. L.N. Tolstoi v perepiske s N.N. Strakhovym (1875–1879): filosofskii dialog o vere [Leo Tolstoy's correspondence with Nikolay Strakhov, 1875–1879: philosophical dialogue about faith]. In: N.N. Strakhov: pro et contra. Antologiya. Sankt-Peterburg: RKhGA, 2021, pp. 757–776. (in Russ.)

12. Tolstoi L.N. i Tolstaya A.A. Perepiska (1857–1903) [Tolstoy L.N. and Tolstaya A.A. Correspondence, 1857–1903]. Moskva: Nauka, 2011. (in Russ.)

13. Tolstoy, L.N., 1934. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 63. Pis'ma, 1880–1886 [Collected works in 90 volumes. Vol. 63. Letters, 1880–1886]. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (in Russ.)

14. Fateev, V.A., 2021. N.N. Strakhov: lichnost', tvorchestvo, epokha [Nikolay Strakhov: personality, works, and time]. Sankt-Peterburg: Pushkinskii dom. (in Russ.)

И.О. Щедрина*

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
НАРРАТИВ МЕЖДУ КОГНИТИВНЫМ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫМ**

Статья посвящена осмыслению когнитивного и экзистенциального статуса нарратива в современном цифровом пространстве. Автор предлагает рассматривать нарратив не только как предметное поле для обсуждения когнитивной и экзистенциальной тематики, но и как инструмент самопознания, утверждения себя в цифровом пространстве, источник идентичности.

Ключевые слова: нарратив, цифровое пространство, идентичность, самоидентификация

Identity in the digital space: narrative between the cognitive and the existential. IRINA O. SHCHEDRINA (State Academic University for the Humanities)

The article focuses on the cognitive and existential status of narrative in the modern digital space. The author proposes to consider narrative not only as a subject field for discussing cognitive and existential topics, but also as a tool for self-identification and self-affirmation in the digital space.

Keywords: narrative, digital space, identity, self-identification

«Ноль и единица становятся экзистенциальными координатами присутствия и отсутствия, близости и дали, вовлеченности и потерянности: ноль – единица вне себя, единица в себе – ноль: актуально переживается только виртуальное, виртуальность дает ту степень актуальности, на которую не способна ни одна реальность. Поэтому переход к цифре – обретение реальности, а уход от прежних форм разумности — приближение к цифровому разуму» [1, с. 7].

Современную жизнь очень сложно представить вне цифрового пространства. Оно существует вокруг нас как неотъемлемая (зачастую даже не всегда осознаваемая) часть социальной реальности. Кого-то цифровой мир поглотил полностью, кто-то пытается держать по отно-

шению к нему дистанцию, но каждый из нас так или иначе ориентирует себя в цифровом бытии. Человек стал неотделим от «цифры», что помимо удобств порождает и ряд специфических проблем, среди которых ключевая связана с идентичностью, а точнее – с самоидентифика-

* ЩЕДРИНА Ирина Олеговна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории философии философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: echiscar@yandex.ru

© Щедрина И.О., 2023

** Статья подготовлена в рамках государственного задания Государственного академического университета гуманитарных наук по теме «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты». Регистрационный номер НИОКТР 12302200042-0.

цией личности. В самом деле, если взглянуть с исторической точки зрения, то самоопределение индивида зависело по большей части от внешних обстоятельств – пол, место рождения, семья, род занятий, сословная и религиозная принадлежность и т.д. Идентичность – это динамический феномен, человек не перестает искать себя всю жизнь, и параметры этого поиска задаются тем, в каком круге общения (сфере разговора) он живет. «Этот поиск происходит вдоль границы эмпирического и трансцендентального, в той области смешения и игры, которая как раз и активизирует необходимость постоянного различения и выбора, необходимость выработки вкуса и позиционирования себя в качестве эксперта. Наша идентичность в современном медиаполе задается именно таким образом, поскольку мы предъявляем себя вместе с готовым набором оценок и предпочтений, выставленных вперед в форме наших подписок, постов, перепостов, “лайков” и пр. Выбор и вкус в значительной мере опираются на память, поскольку она позволяет различать новое и старое, другой важнейшей опорой служит нарратив, поскольку он позволяет придать определенный смысл смене старого и нового, и тем самым возвести актуальность или, наоборот, древность в ранг подлинной меры, основания для суждения» [1, с. 79].

Проблема идентичности, философская по сути, очень ярко представлена в классических трудах Декарта, который искал ответ на вопрос о том, что есть «Я» в контексте своего времени: он говорил о проблеме бытия, предполагающей раскрытие и обоснование того, что на самом деле существует, а что только кажется. Однако, будучи погруженным в цифровой контекст, рассмотренный сквозь призму нарратива, этот поиск обретает новые грани, со своими рисками и тупиками. Декарт решал острую для Нового времени проблему: он искал путь к подлинному бытию человека в мире¹. Цифро-

вые технологии резко расширили этот мир для современного человека: он получил свободу в выражении себя самого, а главное – в реализации собственных представлений о себе. Он меняет имена, возраст, образ, инструментарий. Создаются образы в компьютерных ролевых играх, бесчисленное множество анкет и аватаров в социальных сетях, активизируются совместные действия на форумах, множатся тематические коллективы и сообщества. И каждый раз человек может выступать не как «Я», не от имени, которое получил при рождении, но под «ником» Другого, каким хочет видеть себя в тот или иной момент времени. Фактически человек, включенный в цифровое пространство, получил возможность проводить над самим собой своего рода «мысленный эксперимент» по «вживанию» в различные «идентичности». Он, как Sartor Resartus Т. Карлейля, примеряет на себя внешние социальные одеяния, за которыми скрывается... что? Карлейль полагал, что «божественная сущность», но современный человек, которому весь XX в. твердили, что «Бог умер», уже не в состоянии ответить на этот вопрос. Он включен в процесс «нико-образования» и, чтобы выйти из него, должен вернуться к самому себе. Декарт полагал, что для признания своего существования Я нужен акт мысли. Сегодня мы добавляем: для признания Я в виртуальном пространстве нужен акт наррации. Скрепляющий компонент для мысленного эксперимента в цифровой реальности будет задаваться самим пользователем: это нарратив, рассказываемая история.

Открывшаяся свобода самовыражения в цифровом пространстве – большая иллюзия, на самом деле она оборачивается для человека большой зависимостью. Каждый раз, примеряя новый образ-ник, человек должен создать и его историю (легенду), и чем более длинную и логически связанную историю он может сочинить для этого ника, тем более жизнеспособным становится этот образ в Интернет-пространстве. А для создания истории нужны слова, связанные друг с другом в последовательности. Тем самым, создавая «чужой» для своей внутренней идентичности ник, человек создает для себя параллельный словесный мир. И не просто создает его, но должен удерживать этот мир в памяти.

¹ Причем Декарт решал проблему идентичности не традиционными для той эпохи схоластическими методами, а средствами гносеологии (с опорой на новую науку). Зачастую Декарт представляется исключительно с гносеологической точки зрения, как философ познания. Однако, если принять во внимание онтологическую направленность его гносеологических размышлений, то высказанные Декартом идеи оказываются значимой констатацией того действительного положения человека в мире, на фоне которой сегодня можно рационально рассуждать о

проблеме человеческой экзистенции и в медийной нарратологии, и в эпистемологии, и в контексте современных когнитивных исследований.

Развернутая как цепь последовательностей история представляется описанием событий: игра в самого себя, если бы человек был Другим. Проводимая в чате, на форуме, в соцсетях, она реализуется не в пустоте: виртуальное пространство состоит из множества микроколлективов. Следующий завету Дельфийского храма, человек сегодня может пробовать самые разные формы идентификации, а цифровое пространство делает этот процесс более быстрым и эффективным. Цифровые технологии резко увеличили скорость связывания людей в сообщества. Если раньше для общения друг с другом нужно было в реальности идти на работу, к друзьям, в общества по интересам, то сегодня для попадания к «своим» достаточно только включить компьютер или смартфон и войти на желаемый сайт, форум или в социальную сеть.

Самопознание будет буквально реализовываться как мысленный эксперимент со своей идентичностью. Причем это не будет длиться равномерно во времени, как это происходило, например, в Античности или в Средние века (по мере взросления и приобретения человеком нового социального опыта), но будет происходить значительно быстрее. Придавая характеристики виртуального этому опыту, цифровое пространство стимулирует таким образом саморефлексию. Не последнюю роль в данном процессе играет и «бытовая» интернет-анонимность. Примеряя на себя различные идентичности, человек зачастую становится тем, кем никогда бы не рискнул быть в реальном мире. А считывая реакции других пользователей, он одновременно познает и себя, собственные реакции на эксперимент и на внесенные изменения (начиная от внешних изменений, как в случае с фотографией на личной странице, и заканчивая изменениями социальными и, например, выбором определенной, несвойственной ранее модели поведения).

Разумеется, у нарратива такого рода будет присутствовать оборотная сторона: человек может создавать образ себя-Другого, но его нарративная фундированность остается прежней. Обладание определенным опытом (или же наоборот – невладевание таковым) в сети, особенно в знающем сообществе, очень заметно. С такой проблемой сталкиваются, например, ученые, когда возникает необходимость анонимного рецензирования статей. В этом случае не обойтись без тщательного отслеживания

собственного (особенно авторского) тезауруса. Текст, язык, даже выбор слов, а также интонация письменной речи задают определенные рамки реализации нарратива. В контексте актуальных сегодня проблем субъекта и субъективной идентичности в цифровой среде встает вопрос о том, кто автор текста и человек ли он вообще. Большое количество технологий сегодня стремятся вызвать цифровым путем некую творческую интенцию, приблизив тем самым искусственный интеллект к человеческому (генерируемые по запросу рисунки и тексты), однако пока что таким образом поощряется лишь еще большее отчуждение в сети. Не говоря уже об обратном эффекте, когда на основе существующих (и имеющих автора) работ искусственный интеллект выдает усредненный результат.

Цифровой нарратив одновременно фундирует этот мысленный эксперимент и задает его рамки, позволяя субъекту представить себя Другим, но остаться при этом самим собой. Идентификация, таким образом, осуществляется нарративно, обладая заранее определенными параметрами. В реальности провести такой эксперимент порой сложно (кардинальные изменения внешности, смена пола), а порой и вовсе невозможно в силу ряда устойчивых социокультурных паттернов (примерить на себя заведомо неприемлемую роль, например, преступника и злодея). Цифровое пространство (пусть и до определенной степени) гораздо терпимее к экспериментам такого рода, а сам экспериментирующий получает возможность, не меняясь, посмотреть на себя под иным углом. Похожая теория существует в психолингвистике, когда при использовании того или иного языка проступают разные черты характера носителя-билингва (подробнее об этом см.: [6; 7]).

И далеко не всякая идентичность в полной мере осмысливается в одиночестве: нужна реакция – от реакций на смену внешности до реакции на поведение. «Формируется цифровое сообщество, а это означает, что меняются правила коммуникации, общественное взаимодействие, создаются новые типы стратификации и регуляции общества, новая социальная чувствительность, условия новой сегрегации и агрессии, а поскольку наше сознание во многом продукт общественного взаимодействия, меняется и оно само, его система понятийных координат, его императивы, его формы чувственно-

сти. Цифровая реальность – это не технологии, но техники жизни» [1, с. 207].

Самосознание обуславливается тем, что человек, не теряя собственной идентичности, рассказывает о себе, и тем, *каким образом* он это делает – процесс, смежный построению интриги (когда «аристотелевский *mythos*» преобразуется). По Рикеру, именно эта способность к изменению определяет «широту нарративного понимания» [4, с. 12]. Однако в случае с цифровым нарративом это преобразование выходит за рамки идентичности человека, стоящего за ним. Более того, нарратив становится тем, что скрепляет один, два, десяток разных образов одного и того же актора, представленных в цифровом пространстве (начиная от тематических интернет-площадок и заканчивая персональными анкетами в социальных сетях). Современные исследователи очень четко разграничивают автора и нарратора. Столь же четкая граница пролегает между «страничкой» в соцсети и ее обитателем. В работе «Горизонты исторической нарратологии» В.И. Тюпа подчеркивает двоякое значение категории автора: конкретный человек, личность и виртуальная фигура, творящая воображаемый мир. Хотя исследователь говорит преимущественно о литературных контекстах, но на методологическом уровне можно сказать то же самое и о творце в цифровом пространстве: «...главенствующей характеристикой нарратора выступают не характер, возраст, общественное положение, мировоззрение, настроение и т.п. персонажные характеристики, а риторическая модальность (интенция) его говорения. Именно такая модальность обеспечивает нарративную идентичность нарратора» [5, с. 97].

Однако внутреннее отчуждение себя от «страницы» все-таки не наступает: каждый новый нарратив определяется самосознанием, уже пройденным опытом, существующими знаниями и образами, так что выбор той или иной роли все равно опирается на устойчивый фундамент внутреннего Я. Даже если в целом можно говорить о феномене так называемой «плавающей» идентичности (сегодня обитатель цифрового пространства очерчивает вокруг себя одно идентификационное поле, завтра – другое), это лишь еще раз подчеркивает актуальность дифференциации, которую осуществил в свое время П. Рикер. Идентичность, зафиксированная как индивидуальность (*Ipse*), и идентичность как самотождественность

(*Idem*) не равны друг другу в цифровом пространстве [3].

Эксперимент подразумевает присутствие не только самого экспериментатора: необходима реакция, следовательно, необходим Другой. И здесь разворачивается экзистенциальный пласт идентичности в цифровом пространстве. В отличие от реального общения, не все можно представить и воплотить, будучи при этом независимым от реакции Других. Этот же коммуникативный аспект проблемы Я у Декарта был переведен в онтологический план. «Вспомним, – писал М.К. Мамардашвили, – что именно Декарту принадлежат слова о том, что единственное, чего он хочет и о чем будет говорить, это то, что он может почерпнуть из своей души и из великой книги жизни. Обычно в русском переводе в этом выражении фигурирует слово “мир”, но это неудачное слово, ибо оно ассоциируется с другим словесным рядом, а именно – с “картиной мира” и т.п., то есть предполагает какую-то концепцию, изображение его. А в действительности там, где у нас переводят “мир”, у Декарта стоит слово “monde”, а оно имеет и другое значение – “свет”. То есть интенсивное общение, обмен, встречи, насыщение себя новым, любопытным, характерным, выдающимся и открытым. Живая жизнь в свете» [2, с. 11]. Таким образом, мир для Декарта – это «общество», куда приходит человек и в котором только и происходит его идентификация и самоидентификация. Окружающие люди составляют «жизненный мир» человеческого Я. И сегодня цифровое пространство, наполненное незримыми собеседниками, обеспечивает прежде всего онтологическую реализацию нарратива (особенно – индивидуального, автобиографического) в сети.

Осмысление нарративного потенциала идентичности в цифровом пространстве позволяет выявить также и специфику трансформации живых форм общения в цифровую коммуникацию. Разумеется, это может повлечь за собой коммуникативные риски, связанные с когнитивными аспектами цифрового взаимодействия (упрощение языка, переход от нарратива к сторителлингу, вовсе потеря экзистенциально-личностного компонента на уровне наррации). Однако в целом, благодаря современным исследователям, теоретикам и методологам, тенденция направлена скорее на выявление факторов, способствующих повышению эффективности взаимодействий в

цифровом пространстве и интеллектуализации общества. «Наррация в когнитивном значении возможна не только вербальная. Когнитивные структуры наррации могут реализоваться не только в слове, но и иными медиальными средствами (в частности, визуальными). Медиальная сторона словесных нарративов мыслится как “вербализация” наррации»² [5, с. 33]. Рассуждая о специфике современной нарративной медиакommunikации, можно определить особенности трансформации живых форм общения в цифровые формы коммуникации (на базе взаимодействия «человек – человек» и «человек – машина – человек»), тем самым подчеркивая значимость нарративной методологии для исследования когнитивных и экзистенциальных характеристик нарратива в цифровом пространстве³.

Негласное требование современности – принятие в расчет самоидентификации в цифровом пространстве – действует на всех уровнях: от конкретного индивида (пользователь, читатель, зритель) до фирм и гигантских корпораций. Однако в таком случае человек получает, с одной стороны, больше возможностей, больше вариантов раскрытия себя самого в цифровом пространстве, а с другой – оказывается незащищенным. Будучи перенесенными по аналогии в сегодняшние условия цифрового мира, опасения Декарта более чем оправданы: виртуальная реальность, дополненная реальность в разных своих проявлениях плотно заняли свою нишу

² В.И. Тюпа подчеркивает, что «современная интермедиаальная нарратология не сводит нарративность к ее словесным формам и полагает, что презентация наррации может быть не только вербальной, но и визуальной, и даже чисто аудиальной (оперная и балетная музыка, музыка в кино, формирующая эмоциональное восприятие отдельных эпизодов). Визуальная презентация наррации в комиксах или в кино, в принципе, является возвратом от рассказывания, опиравшегося на понятийное мышление, к показыванию, но обогащенному многовековым нарративным опытом» [5, с. 61].

³ Сегодняшние исследования нарративной проблематики выводят ее в общегуманитарную плоскость: «Нарратологическое осмысление человеческого бытия, зародившееся в области поэтики, вышло далеко за ее пределы – в сферы историографии и когнитивистики, публицистики и религиозной практики, рекламы, бизнеса и повседневного разговора, новостных, политических, юридических, психоаналитических, медицинских и иных форм институционального общения» [5, с. 11].

в нашей жизни. Индустрия развлечений такого рода во многом базируется на том самом обмане, которого опасался философ – и опасность побега от реальности трансформировалась в удовольствие от ее иллюзорности, вплоть до потери себя самого. В таком контексте темы классической эпистемологии обретают (подчас неожиданно) новый ракурс и актуальность. Нарратив в данном случае становится инструментом утверждения себя в цифровом пространстве и самопознания, источником идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Критика цифрового разума / Под ред. В.В. Савчука. СПб.: Академия исследования культуры, 2020.
2. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1999.
3. Рикер П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.
4. Рикер П. Время и рассказ: в 2-х т. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга, 1998.
5. Тюпа В.И. Горизонты исторической нарратологии. М.: Алетейя, 2022.
6. Ozanska-Ponikwia, K., 2012. What has personality and emotional intelligence to do with «feeling different» while using a foreign language? *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, Vol. 15, no. 2, pp. 217–234.
7. Pavlenko, A., 2006. Bilingual selves. In: Pavlenko, A. ed., 2006. *Bilingual minds: Emotional experience, expression, and representation*. Clevedon: Multilingual Matters, pp. 1–33.

REFERENCES

1. Savchuk, V.V. ed., 2020. *Kritika tsifrovogo razuma [Critique of digital reason]*. Sankt-Peterburg: Akademiya issledovaniya kul'tury. (in Russ.)
2. Mamardashvili, M.K., 1999. *Kartezianskie razmyshleniya [Cartesian reflections]*. Moskva: Progress. (in Russ.)
3. Ricoeur, P., 2008. *Ya-sam kak drugoi [Oneself as another]*. Moskva: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury. (in Russ.)
4. Ricoeur, P., 1998. *Vremya i rasskaz: v 2-kh t. T. 1 [Time and narrative: in 2 volumes. Vol. 1]*. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)
5. Tyupa, V.I., 2022. *Gorizonty istoricheskoi narratologii [The horizons of historical narratology]*. Moskva: Aleteiya. (in Russ.)

6. Ozanska-Ponikwia, K., 2012. What has personality and emotional intelligence to do with «feeling different» while using a foreign language? *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, Vol. 15, no. 2, pp. 217–234.

7. Pavlenko, A., 2006. Bilingual selves. In: Pavlenko, A. ed., 2006. *Bilingual minds: Emotional experience, expression, and representation*. Clevedon: Multilingual Matters, pp. 1–33.

